

Ю. В. Зобнин

МАТЕРИАЛЫ К ЛЕТОПИСИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ВЯЧ. И. ИВАНОВА

Часть 1 (1866 – 25.10.1907)

1866

1866. – 16 февраля в семье чиновника Министерства государственного имущества Ивана Тихоновича Иванова и Александры Дмитриевны Ивановой (урожденной Преображенской) «в собственном домике <...> родителей, почти на окраине тогдашней Москвы, в Грузинах, на углу Волкова и Георгиевского переулков, насупротив ограды Зоологического сада» (Волков переулок, 19), родился сын, крещенный в храме св. великомученика Георгия Победоносца в Грузинах в честь св. благоверного князя Вячеслава (Вацлава) Чешского († 4/17 марта). В семье было еще два сына И.Т. Иванова от первого брака – Анатолий и Евгений. Вячеслав был поздним ребенком: в год его рождения отцу было пятьдесят, а матери – сорок два года. *В тот же год* И.Т. Иванов, испытав первые недомогания от возникшего в легких процесса (он был землемером, проводил время в постоянных командировках, где и подорвал свое здоровье), вышел в отставку.

1866-1869 – Первые впечатления будущего поэта: красная тряпка на березе («Лель улетел, молоко унес»), когда его отлучали от груди, песня няни, украинки Татьяны «Возле речки, возле моста...» и вой волчьей стаи в Зоологическом саду. Позднее – зрелище самого Зоологического сада, который он ежедневно видел, выглядывая из окна: этот живописный московский уголок со слоном, которого водили по дорожкам «важные люди в парчовых халатах», и носорогом, просовывавшим свой рог из-за прутьев клетки, сохранился в памяти Иванова образом «младенческого рая». У растворенного окна малыш вместе с родителями слушал перезвон московских «сорока сороков» – это воспоминание ассоциировалось у него позднее с переживанием, возникающим при созерцании морского простора. Освободившись от служебных обязанностей И.Т. Иванов использовал образовавшийся у него непривычный досуг для усиленного чтения «вольнодумных книг» – материалистических и атеистических трудов Ф. Бюхнера, Я. Молешотта, Д. Штрауса и Ч. Дарвина, неожиданно превратившись в убежденного нигилиста. Между ним и его женой вспыхивали постоянные «философские споры», бурные, хотя и не отменяющие, к счастью, личной глубокой симпатии супругов друг к другу. Эта

жаркая домашняя «теологическая полемика» родителей (обстоятельство, возможное, вероятно, лишь в семье русских интеллигентов 1860-х годов!) также стала одним из первых детских впечатлений Иванова, запомнившего восклицание матери «Вот вздор – признать орангутанга братом!...».

1869

1869 – Ивановы продают дом на Пресне и переезжают в небольшую квартиру в доме с палисадником на Патриарших прудах (не сохранился). И.Т. Иванов возобновляет службу, устроившись в московскую Контрольную палату.

1870

1870 – Родители водят маленького сына в московский Румянцевский музей, Большой театр. *Летом* А.Д. Иванова возила сына к родне в сельскую усадьбу. *6/19 июля* Франция объявила войну Пруссии, не получив гарантии от посягательств на испанский престол принца Леопольда фон Гогенцоллерна-Сигмарингена. *19 августа / 1 сентября – 20 августа / 2 сентября* произошла решающая битва у города Седан, в ходе которой французская армия была разгромлена и император Наполеон III капитулировал и отрекся от престола. Иванов запомнил разговоры об этих событиях в доме, равно как и чтение ему отцом тогда же стихотворений М.Ю. Лермонтова «Спор» и «Воздушный корабль». *Осенью-зимой* резко ухудшается здоровье И.Т. Иванов.

1871

1871 – *В январе – феврале*, заболев скоротечной чахоткой, Иван Тихонович испытал сильные духовные борения, завершившиеся чудесным воздействием благодати (по его словам, к его одру болезни явился с потиром св. Николай Мирликийский) и отречением от прежних материалистических убеждений. Перед смертью бывший нигилист более часа, в слезах, исповедовался приглашенному священнику, получил отпущение грехов, причастился и затем, утешенный, благословил детей (сводные братья Иванова к этому времени стали воспитанниками Межевого Института) и мирно испустил дух *в начале марта*. В дни болезни отца Иванову-младшему было видение старца «в скуфье, с бородкой, в рясе черной», о котором он рассказал матери и та (безуспешно) показывала ему иконы святых иноков, надеясь, что тот распознает Посетителя. *На святки (25 декабря – 5 января 1872)* овдовевшая А.Д. Иванова гадала по Псалтири на сына: выпали строки «Я был младшим в доме отца моего, мои пальцы настроили Псалтирь» (Пс. 151, 1-2).

1872

1872 – Вдохновленная строками Псалтири Александра Дмитриевна начинает «воспитывать» в сыне поэта: показывает ему портреты А.С. Пушкина, читает стихи. Вероятно, *в этот год* Иванов сам начал читать, среди прочитанного – баллада Л. Уланда «Проклятье певца», которая его «глубоко потря-

сла и восхитила», и стихотворение Пушкина «Пока не требует поэта...», постоянно перечитывать и не понимать которое, было ему «сладостно». В *этот же год* будущий поэт испытывает первую влюбленность – в «маленькую подругу, с которой мы укрывались по темным комнатам от больших».

1873

1873 – А.Д. Иванова договаривается об уроках иностранного языка и русской словесности для семилетнего сына с дочерью домовладельца. «...Меня как-то опьяняли ее свеженькое личико, ее голос, запах от нее исходивший, и я мучительно ревновал к морскому офицеру, ее жениху <...>. От моей прекрасной наставницы узнал я не только о Ломоносове, но даже о Кантемире и на уроках прочитывал наизусть и с восторгом, вместе с отрывками из “Кавказского пленника” и с Некрасовским “Власом”, всю державинскую оду “Бог”». В *этот год*, по настоянию матери, Иванов начинает читать по утрам акафисты и ежедневно прочитывать вместе с ней по главе из Евангелия. После чтения мать и сын устраивали спор, какое место из только что прочитанного «красивее»: «...Мать особенно любила 12-ю главу от Матфея с приведенным в ней пророчеством Исаии (“трости надломленной не преломит и льна курящегося не угасит”), а меня еще властительней привлекал конец 11-й главы, где говорится о “легком иге”. С той поры я полюбил Христа на всю жизнь». Помимо того, *летом* А.Д. Иванова с сыном совершают «по обету» маленькие паломничества пешком с Патриарших прудов к Иверской часовне и в Кремль, где оба «с полным единодушием предавались сладкому и жуткому очарованию полутемных старинных соборов с их таинственными гробницами». В *этот год* Иванов вместе с матерью читает «Дон Кихота» М. де Сервантеса и Ч. Диккенса, а самостоятельно – сказки Г.-Х. Андерсена и полный текст «Робинзона Крузо» Д. Дефо. А.Д. Иванова сознательно препятствовала общению сына со сверстниками, считая их недалекими и дурно воспитанными, учила его стыдиться детских игр и заменять их чтением и интеллектуальными беседами. «Она бессознательно прививала мне утонченную гордость и тот “индивидуализм”, с которым я должен был долго бороться в себе в гимназические годы и тайные яды которого остались во мне действенными и в зрелую пору моей жизни».

1874

1874 – Иванов посещает домашнюю школу И.Я. и А.С. Туган-Барановских, где состязается с их сыном, будущим выдающимся экономистом и общественным деятелем М.И. Туган-Барановским «в писании романов». На занятии по Закону Божию Иванов приносит свое стихотворение «Взятие Иерихона», которое учитель читает вслух всем присутствующим. «С восторгом» Иванов «изучает поэму о капитане Немо» (роман «80000 лье под водой» Ж. Верна).

1875

1875 – С осени Иванов начинает посещать приготовительный класс 1-й Московской мужской гимназии (Волхонка, 16), где ранее учились драматург А.Н. Островский, историки М.П. Погодин и С.М. Соловьев. Сын последнего, великий философ и поэт В.С. Соловьев также учился здесь. Иванов вспоминал: «Поступление мое совпало с приездом в гимназию Александра II. Этот приезд запечатлелся в моей памяти с такой точностью, что я до сих пор вижу в воображении тень от сабли идущего царя на залитой солнцем коридорной стене, возвестившую за миг его появление; он прошел через классную комнату, сказав: “здравствуйте, дети”, – и так поглотил собою все окружающее, что я не видел никого из провожавшей его свиты. Первый учебный год я провел по болезни почти весть дома...».

1876

1876 – Увлекается романтизмом, читает «Разбойников» Ф. Шиллера. Осенью переходит в 1-й класс гимназии, где становится «первым учеником». «Тогда же круто изменился и мой нрав: из мальчика заносчивого и деспотического я сделался сдержанным и образцовым по корректности воспитанником, а также обособившимся и вначале даже нелюбимым товарищем».

1877

1877 – Весной Иванов завершает первый класс гимназии, сдает экзамены и переходит во 2-ой класс. 12 апреля правительство России объявило войну Османской империи. Началась Русско-турецкая война, призванная вернуть влияние России на Балканах и освободить славянские народы от османского ига. В обществе начало похода русской армии было встречено огромным патриотическим подъемом, который всецело разделала и семья Ивановых. Оба сводных брата Иванова пошли на фронт артиллерийскими офицерами; один стал ординарцем «белого генерала» М.Д. Скобелева, главного героя победоносной компании. Юный поэт, поощряемый матерью, охваченной «славянским энтузиазмом», посылал братьям письма, «полные воинственно-патриотических стихов».

1878

1878 – 19 февраля Россия заключает с Турцией победный мирный договор в городе Сан-Стефано, близ Стамбула. Болгария, Босния и Герцеговина получают автономию, Сербия, Черногория и Румыния – независимость.

Весной Иванов завершает 2-ой класс гимназии и переходит в третий. Двенадцатилетний подросток переживает период крайней религиозности: ночами напролет, в гостиной, перед образами он молится Пресвятой Деве, прося заступничества от искушающих его «голосов тьмы». А.Д. Иванова, неоднократно находившая утром сына, заснувшего у киота, была встревожена подобной экзальтацией, но не препятствовала его ночным бдениям.

Осенью, учась в 3-м классе, не дожидаясь начала занятий по греческому языку, Иванов начинает изучать его самостоятельно.

1879

1879 – *Весной* Иванов сдает экзамены и переходит в 4-й класс гимназии. Он по-прежнему ходит в «первых учениках». В это время благосостояние семьи резко ухудшилось и с *осени* Иванов начинает давать уроки.

1880

1880 – *Весной* Иванов сдает экзамены и переходит в 5-й класс гимназии. Начинается его увлечение творчеством *Ф.М. Достоевского*. Огромным событием для юного поэта стало личное присутствие на торжествах по поводу открытия памятника А.С. Пушкину на Тверском бульваре, главным гостем которых и стал Федор Михайлович.

6 июня 1880 года Иванов в числе лучших московских гимназистов участвует в церемонии перед Страстным монастырем и затем допускается на торжественное заседание в зале Московского университета. Здесь, помимо Достоевского, он видел *И.С. Тургенева* (который тогда же был избран почетным членом Университетского Совета).

На *эти месяцы* приходится, по его собственному признанию, «апогей» его религиозности. Между тем, из-за крайне стесненных обстоятельств в семье, с *осени* он вынужден брать «так много платных уроков, что имел свободу читать и думать только ночью». Занятиями в гимназии он, к *этому времени*, уже мог «пренебрегать», т.к. учителя видели в нем «вундеркинда», – не столько ученика, сколько «младшего коллегу» и даже прибегали к его консультациям при переводах греческих текстов *à livre ouvert*. На уроках в гимназии он был занят «исправлением товарищеских тетрадок», а его сочинения, которые он писал всегда под наблюдением матери, регулярно зачитывались классу как «образцовые». Тем не менее, постоянная нужда производит в нем брожение: «Во внешней моей жизни эта эпоха определилась для меня как начало долгого и сурового труженичества».

1881

1881 – В *первые месяцы года* в пятнадцатилетнем Иванове начинается радикальный идейно-нравственный переворот, в результате которого он «внезапно и безболезненно сознал себя крайним атеистом и революционером».

1 марта в Петербурге группа террористов партии «Народная воля», возглавляемая С.Л. Перовской, осуществляет покушение на Александра II. Несмотря на то, что обожавшая Царя-Освободителя А. Д. Иванова резко осуждала цареубийц, сочувствие ее сына было на их стороне. После казни на Семеновском плацу в Петербурге С.Л. Перовской, А.И. Желябова, Н.И. Кибальчича, Н.И. Рысакова и Т. Михайлова (*3 апреля*), они становятся для юного поэта «героями и мучениками». Это привело к конфликтам Иванова с мате-

рю и некоторыми одноклассниками, тем более, что в эти месяцы «среди гимназистов устраивались, по слухам, добровольные союзы за политической благонадежностью товарищей». В гимназии, где после наступления политических «заморозков» начала царствования Александра III преобладали верно-подданнические темы сочинений, Иванов пишет работы, в которых «с дипломатической ловкостью <...> не выдавал и не предавал себя». К этому времени некоторые из товарищей по гимназии уже «были посвящены в тайну его мирозерцания». Некоторые из них считали «дипломатию» Иванова «лицемерием», другие, напротив, по его словам, «выражали уверенность, что в будущем я, в качестве политического бойца, благородно оправдаю возлагаемые на меня надежды».

Весной Иванов, сдав экзамены, переходит в 6-й класс.

Во второй половине года он начал читать по ночам «груды подпольной литературы»: «Колокол» *А.И. Герцена* и *Н.М. Огарева*, трактаты немецкого социалиста, публициста и философа *Ф. Лассалля* и новейшие издания революционных партий.

Осенью, посещая занятия в 6-м классе гимназии, Иванов тесно сходитя с новичком (второгодником) Владимиром Калабиным («юноша высокий, стройный брюнет, державшийся в стороне ото всех, рассеянный, плохо учившийся, но исполненный напряженной духовной жизни, почти ясновидящий»). Калабин, некоторое время наблюдавший за Ивановым, передал ему записку: «Я Вас угадал. Вас никто не знает. Вы – поэт». Иванов нашел в В.С. Калабине благодарного слушателя стихов и услышал от него первую серьезную и плодотворную критику.

1882

1882 – Иванов продолжает совмещать учебу с репетиторством. *Весной*, сдав экзамены, он переходит в 7-й класс. *Весь этот учебный год* главным событием в жизни Иванова является дружба с Калабиным: «он разбудил и развил во мне мои первоначальные, детские лирические восторги». Калабину посвящено одно из первых, дошедших до нас лирических стихотворений Иванова «Ясность», написанное в этот год. В.С. Калабин был отчислен из 1-й Московской гимназии, но дружеские отношения с ним сохранялись у Иванова вплоть до отъезда за границу в 1886 г. *Осенью*, с началом нового учебного года начинает крепнуть дружба Иванова с другим одноклассником – А.М. Дмитриевским.

1883

1883 – Год радикальных исканий в духовно-нравственной жизни семнадцатилетнего Иванова. «Главный вопрос, меня мучивший, был вопрос об оправдании терроризма как средства социальной революции: мое решение созрело лишь к концу гимназического курса и было определенно отрицательным. Что же до “чистого афеизма”, “уроки” которого преподавал я устно и письменно одному любимому и замечательному товарищу, потом немало по-

страдавшему за свои политические убеждения, то мое вольнодумство обошлось мне самому не дешево: его последствиями были тяготевшее надо мною в течение нескольких лет пессимистическое уныние, страстное вождение смерти, воспеваемой мною и в тогдашних стихах, и, наконец, детская попытка отравления доставшимися мне от отца ядовитыми красками в семнадцатилетнем возрасте».

К этому времени из-за духовных метаморфоз, происшедших с сыном, в его дружбе с матерью давно «стала обоими мучительно ощущаться глубокая трещина». Но все это, включая непрекращающуюся репетиторскую нагрузку, не меняет положения Иванова – «первого ученика» – в гимназии.

Весной, сдав экзамены, он переходит в 8-ой, выпускной класс.

В *новом учебном году* вместе с А.М. Дмитриевским Иванов переводит русскими trimetрами отрывок из «Эдипа-царя» Софокла. Тогда же была написана поэма «Иисус», в которой евангельский сюжет искушения Спасителя в пустыне решается в злободневно-«революционном» духе: «Да будет горд и волен человек!». «Примечательно, – писал Иванов, – что моя любовь ко Христу и мечты о Нем не угасли, а даже разгорелись в пору моего безбожия. Он был и главным героем моих первых поэм <...> Страсть к Достоевскому питала это мистическое влечение, которое я искал примирить с философским отрицанием религии».

1884

1884 – В последние месяцы пребывания в гимназии, с *января по май* Иванов окончательно определяется в поступлении на историко-филологический факультет Московского университета. «...Через историю, – обманываю я себя, – мечтал я самостоятельно овладеть проблемами общественности и найти путь к общественному действию», – вспоминал позднее Иванов. Между тем, директор гимназии И. Шпеер, понимая очевидную «классическую» направленность дарования «первого ученика», дал Иванову «добрый совет» поступать в созданный еще в 1873 г. стараниями графа Д.А. Толстого четырехгодичный филологический семинарий при Лейпцигском университете, где готовили учителей древних языков. Однако «революционер» Иванов, разделявший тогда общее предубеждение отечественной интеллигенции против классической системы образования, счел такой поступок «предосудительною уступкою реакции».

Получив в *мае* аттестат зрелости и золотую медаль, Иванов, вместе с А.М. Дмитриевским, поступает на отделение исторических наук историко-филологического факультета.

С *осени* начались занятия. На первом курсе друзья, решившие «посвятить себя служению народу», посещали только «избранные лекции» – В.О. Ключевского, В.И. Герье и П.Г. Виноградова, семинарий которого стал главной научной лабораторией для начинающего историка Иванова.

1885

1885 – «Будучи на первом курсе получил премию за латинское сочинение и письменную работу по греческому языку и в течение двух лет пользовался присужденной по конкурсу стипендией» (Иванов). Иванов становится постоянным гостем дома Дмитриевских на Остоженке, 19 (близ церкви Воскресения Словущего), хозяйка которого, вдова надворного советника Анна Тимофеевна Дмитриевская играла ему произведения Бетховена (ставшего с этого времени любимым композитором поэта), а ее дочь Дарья, студентка консерватории, пела Шуберта и Шумана. Вместе с ней Иванов стал «усердно посещать концерты» и вскоре «страстно влюбился».

19 марта Иванов записывает в альбом Д.М. Дмитриевской стихотворное признание в любви. А.Д. Дмитриевский всячески поощряет возникший между сестрой и другом «роман» и они образуют с этого времени неразлучный «триумвират».

Летом, благополучно сдав экзамены и переведясь на второй курс, Иванов уехал в подмосковное имение Головиных, заниматься с братьями П.А. и Ф.А. Головиными (последний, с которым у Иванова на долгое время сохраняются дружеские отношения, впоследствии станет председателем Второй Государственной Думы). «Я сгорал в то лето какой-то лихорадкою дерзновения и счастья, писал с каждой почтой своей будущей жене и ее брату и получал от них письма...». Хозяева «похитили его рукописи» и, убедившись в несомненном поэтическом даровании молодого учителя, стали называть его «символистом» (хотя до оформления этого течения в России оставалось еще около семи лет).

Осенью Иванов возобновляет занятия в Московском университете. Его революционно-народнические идеалы подвергаются некоторой ревизии, о чем свидетельствует написанное *в этом году* стихотворение «Раздумья» («О, мой народ! Чем жертвовать тебе?»).

1886

1886 – *6 февраля* Иванов завершает вторую «поэму о Христе» – «Легенда» – «сказание о некоем еврейском мальчике и о том, как некогда Христос призвал его на свое лоно». Родители одного из его тогдашних учеников (он продолжает зарабатывать репетиторством) отдали, без ведома автора, поэму «Легенда» в редакцию «Русского Вестника», издаваемого *М.Н. Катковым*. Катков изъявил желание опубликовать поэму, однако Дмитриевские решительно осудили друга за желание опубликоваться в «реакционном» журнале. Под их влиянием Иванов «дезауировал» свое (невольное) обращение в «Русский Вестник». Несмотря на свое положение «стипендиата» Иванов испытывает недовольство как общественным, так и научно-образовательным положением дел на историко-филологическом факультете Московского университета. В «общественном плане», по его собственным словам, «было душно и жутко. Дальнейшее политическое бездействие – в случае, если бы я оставался в России – представлялось мне нравственною невозможностью».

Я должен был броситься в революционную деятельность: но ей я уже не верил». В плане научном, он испытал острое разочарование в «жизни аудиторий», которая поначалу казалась ему «каким-то священным пиршеством». Большинство педагогов, читавших курсы, далеко не удовлетворяла его своим уровнем знания предмета и методикой его изложения. Резко выделялся лишь *П.Г. Виноградов*, представлявший собой новый для Москвы тип «западного» университетского профессора (после окончания университета в 1875 г. Виноградов год стажировался в Берлинском университете, посещая семинар создателя современного антиковедения Т. Моммзена, а в 1883 г. был в научной командировке в Великобритании, результатом которой стала его докторская диссертация). Под влиянием П.Г. Виноградова, который выработал для него «программу последовательных занятий у Гизебрехта, Зома и Моммзена», Иванов окончательно утвердился в мысли ехать «к немцам за настоящей наукой».

Весной он получает свидетельство об окончании двух курсов Московского университета и рекомендательные письма – в Бонн к филологам-классикам *Ф. Бюхлеру* и *Г. Узенеру*, и в Берлин к историкам-антиковедам *Т. Моммзену* и *О. Гиршфельду* (выбрал он последних, «далеко обегая суженую и избранницу сердца – античную филологию»).

4 июня Иванов обвенчался в Москве с Д.М. Дмитриевской (свидетелем с его стороны был В.С. Калабин). Матери молодоженов не были в восторге от «студенческого брака», но А.Д. Иванова полагала, что ее сын не мог «скомпрометировать девушку», покинув ее на неопределенный срок, а А.Т. Дмитриевская, «женщина странная, безумная и ясновидящая», встретила известие о свадьбе загадочным пророчеством: «Знаю, Дашенька Вам не пара: Ваш брак кончится драмой, но все равно берите ее: так надо!». Что касается самого двадцатилетнего Иванова, то он более исходил из того, что ехать за границу вдвоем было «веселее». После свадьбы молодые покинули Россию (на расставание с родиной Иванов написал стихотворение «Куда идти? Кругом лежал туман...»).

Летом, через Шпандау (на выезде из которого *18/30 июля* Иванов пишет стихотворение «La selva oscura»), Дрезден (где они были в галерее Цвингер и видели «Сикстинскую мадонну» Рафаэля) и Трир (где Иванов, посетив Porta Nigra впервые столкнулся «лицом к лицу» с памятниками античности), Ивановы прибыли в Берлин и поселились в студенческой мансарде. Иванов приступил к активному изучению немецкого языка.

Зимний семестр в Берлинском университете начинался *16 октября* и длился до *марта следующего года*. В этот семестр Иванов слушает курсы Т. Моммзена «Römisches Staatsrecht» (понедельник, вторник, четверг, пятница, с 8 до 9 ч.); О. Гиршфельда «Geschichte der römischen Kaiserzeit bis auf Diocletianus» (понедельник, вторник, среда, пятница, с 16 до 17 ч.), Ю. Вайцзека «Deutsche Kaiserzeit bis zum Interregnum» (понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, с 12 до 13 ч.), Г. Бреслау «Deutsche Verfassungsgeschichte von den ältesten Zeiten bis zur goldenen Bulle» (понедельник, вторник, четверг,

пятница, с 10 до 11 ч.) и Г. фон Трейчке «Geschichte der politischen Theorien von Platon bis zur Gegenwart» (четверг с 6 до 8 ч.).

1887

1887 – О первых впечатлениях от учебы в Германии Иванов писал: «С недоумением наблюдал я, что государственность может служить источником высочайшего пафоса даже для столь свободного и свободолюбивого человека, как Моммзен; но истинным талантам старого поколения я многое прощал, как и самому Трейчке я прощал его крайний шовинизм за подлинный жар его благородного красноречия». Пафос немецкого «государственного» патриотизма, с которым Иванов сталкивается *в первые месяцы* своего пребывания в Германии, пробуждает в нем «потребность осознать Россию в ее идее» и углубляет неприятие революционного нигилизма отечественной интеллигенции. В одном из писем *этого года* к «непримиримому» А.М. Дмитриевскому (переписка с которым шла постоянно с момента отъезда), в ответ на утверждение, что «свобода личности напрямую зависит от освобождения народа», появляется аллегорическая поэма Иванова «Чайка», отрицающая волю к борьбе и воспевающая мудрость индивидуалистического гедонизма европейского интеллектуала («Горько житье твое, белогрудая чайка! / И не снилась тебе ни любовь, ни радость! / Ты не была в моей мраморно-стройной отчизне, / Где прозрачные воды дворцы отражают»).

15 марта завершается зимний семестр.

16 апреля начинается летний семестр, который длился до *августа*. В этот семестр Иванов слушает курсы Т. Моммзена «Lateinische Epigraphik» (понедельник, вторник, четверг, пятница, с 8 до 9 ч.) и «Übungen aus dem Gebiet der römischen Geschichte» (вторник, с 18 до 20 ч.), Г. Бреслау «Deutsche Verfassungsgeschichte von der goldenen Bulle bis zum Ende des alten Reichs (1356-1806)» (понедельник, вторник, четверг, пятница, с 9 до 10 ч.) и «Englische Verfassungsgeschichte» (среда, с 9 до 11 ч.), Г. фон Трейчке «Geschichte des Zeitalters der Revolution» (понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, с 10 до 11 ч.), Г. Шмоллера «Theoretische Nationalökonomie» (вторник, пятница, с 17 по 19 ч.). В конце семестра Иванов «представил Моммзену исследование о податном устройстве римского Египта и был им ласково одобрен».

6 июня в Берлине был заключен договор между Германией и Россией о благожелательном нейтралитете в случае войны с третьей державой (т.н. «договор перестраховки»).

15 августа летний семестр завершился. Иванов переходит на второй курс.

13 октября Иванов переводит стихотворение Дж. Леопарди «L'infinito» («Бесконечность»).

16 октября начинается зимний семестр. В этот семестр Иванов слушает курсы А. Кирхгофа «Thocydides» (понедельник, вторник, четверг, пятница, с 9 до 10 ч.), Р. Козера «Geschichte des 15 und 16 Jahrhunderts» (среда, суббота, с 15 до 16 ч.), Э. Целлера «Allgemeine Geschichte der Philosophie» (понедель-

ник, вторник, среда, четверг, пятница, с 11 до 12 ч.) и «Aristotelische Übungen (B. IX und XII Metaphysik)» (вторник, пятница, с 10 до 11 ч.), Э. Курциуса «Geschichte der bildenden Künste bei den Griechen und Römern, mit Benutzung des Königl. Museums (понеделник, вторник, четверг, пятница, с 12 до 13 ч.), О. Гиршфельда «Geschichte der römischen Kaiserzeit (Fortsetzung)» (четверг, с 18 до 19 ч.) и «Historische Übungen (Scriptores historiae Augustae)» (среда, с 18 до 20 ч.), Г. Бреслау «Übungen der historisch-diplomatischen Gesellschaft» (суббота, с 11 до 13 часов).

В этот год у Ивановых родилась дочь Александра.

1888

1888 – *С начала года* Иванов начинает делать записи в т.н. «интеллектуальном дневнике» – памятных тетрадах, куда он заносил наиболее важные события в своей духовной жизни. Именно *в этот год* происходит становление его новых метафизических и общественно-политических взглядов – результат острого внутреннего конфликта русского поэта и интеллигента с «надутым безвкусием и обезличивающей силой новейшей немецкой культуры», «мещанством духа, в которое выродилась протестантская мысль, стоявшая передо мною в лице тюбингенца и Штраусова друга – Целлера» и «протестантски-националистической фальсификацией истории». Рационализму «тюбингенской школы», трактовавшей, в частности, евангельские тексты как сугубо исторический источник, Иванов противопоставляет свое понимание трансцендентальной сложности мироздания: «Поистине, я не хотел бы предаваться праздным мечтам и затемнять истину воображением. Но что же делать мне, если, исследуя элементы, произведшие явления, я встречаю в конце мне непонятный остаток? Оттого мистическое я вывожу из проникновения в сущность вещей». В качестве основного «противоядия» против указанных соблазнов немецкого протестантского рационализма Иванов использует «Историю и будущность теократии» В.С. Соловьева, вышедшую в прошлом году в Загребе, а также – и труды крупнейшего теоретика слафинофилов А.С. Хомякова.

12/25 января Иванов празднует Татьянин день «в отдельном кабинете ресторана с приехавшими в Берлин П.Г. Виноградовым и его учеником В.В. Татарниковым, князем С.Н. Трубецким, А.И. Гучковым и профессором А.Д. Гатцуком. Вероятно *тогда же* П.Г. Виноградов «разрешает» Иванова «от послушания исторической наукой» и «определенно советует отдаться филологии, продолжая, однако, работать у Моммзена» (Виноградов надеялся, что его ученик, вернувшись в Москву будет совмещать филологическую доцентуру с преподаванием римской истории). С В.В. Татарниковым и А.И. Гучковым Иванов активно общается всю *зиму-весну* этого года, равно как и с химиком Е.Л. Зубашевым и его женой.

3 февраля начинается резкий кризис в отношениях России с Германией, вызванный одновременной публикацией в Вене и Берлине тайного антиросийского австро-германского договора 1879 г. Для урегулирования кризиса

понадобилось специальное выступление канцлера О. фон Бисмарка в рейхстаге 6 февраля.

12 февраля Иванов присутствовал на очередном вечере на «вилле» у Т. Моммзена (последний, не имея «официального» курса в этом семестре, тем не менее, не оставлял вниманием своих прошлогодних учеников). «Он позвал участников семинария ужинать в свою “тесненькую” виллу и там спросил меня, остаюсь ли я на более долгое время в Берлине; я сказал, что желал бы, но боюсь, что вспыхнет война; “мы не так злы (wir sind nicht so böse)” – был ответ».

В этот же день Иванов делает запись в «интеллектуальном дневнике» о мистике истории: «И где же разгадка всех таинственных толков, стремлений, страстей исторической жизни? Не в личностях! Не в отвлеченном людском соединении! История имеет, помимо законов социологии и психологии свою собственную загадку. Ее присутствие я чувствовал неделю назад, когда война представлялась решенною, а причины ее не поддавались уразумению. И между тем чувствовалась жажда войны». Не менее активно переоценка прежних ценностей шла в эти месяцы и в переписке с А.Д. Дмитриевским: в письме от 14 марта Иванов пишет о необходимости ломки старых (более рационалистических и радикальных) воззрений».

В марте на германский трон вступает кайзер Фридрих III, заявивший в программной реляции к канцлеру О. фон Бисмарку о необходимости либерализации во внутренней и внешней политике Империи. На Иванова новый германский император произвел двойственное впечатление: симпатия была осложнена «бессодержательностью» его либеральной программы. В это время Иванова занимает чтение монографии Ф. Тённиса (Tönnies) «Община и общество», которая «говорит о наступлении рационалистического века, который заменит органическое общественное соединение <...> соединением, основанным на договоре...» и вызывает у Иванова резкий протест. «Либерализм не побуждает учиться, – записывает он в интеллектуальном дневнике весной. – Он снимает одну плавающую на поверхности пену науки, на этом одном строит свои требования, не ценит остального. Он носит в себе односторонность оценки».

15 марта завершается зимний семестр.

16 апреля начинается летний семестр. В этот семестр Иванов слушает курсы О. Гиршфельда «Quellenkunde der römischen Geschichte» (понедельник, вторник, четверг, пятница, с 9 до 10 часов) и «Epigraphische Übungen» (вторник, с 18 до 20 ч.), Г. Бреслау «Übungen der historisch-diplomatischen Gesellschaft» (суббота, с 11 до 13 ч.), «Diplomatie mit besonderer Berücksichtigung der deutscher Kaiser- und Papsturkunden und Verbindung mit praktischen Übungen» (понедельник, вторник, четверг, пятница, с 10 до 11 ч.) и «Einführung in die Methode der mittelalterlichen Quellenkritik» (среда, с 9 до 11 ч.), В. Ваттенбаха «Lateinische Paläographie» (понедельник, вторник, четверг, пятница, с 15 до 16 ч.) и «Griechische Paläographie» (среда, с 14 до 16 ч.).

15 августа семестр завершился, Иванов перешел на третий курс.

Летом Германию продолжали сотрясать политические кризисы – 15 июня император Фридрих III скончался от рака горла и на престол взошел его политический антипод Вильгельм II. За это время Германию покинули В.В. Татарников и Зубашевы, после отъезда которых у Иванова вновь «возник продолжительный промежуток молчания», т.к. не с кем было «удовлетворит потребность высказаться». С другой стороны, в это же время произошло сближение Иванова со специальным корреспондентом газет «Новое время», «Гражданин» и «Московские ведомости» в Берлине и Вене Г.С. Веселитским-Божидаровичем, сотрудником российского Министерства иностранных дел. Это знакомство дало возможность «студенческой семье» Ивановых получить источник постоянного заработка: Иванов становится секретарем-референтом Веселитского, а Д.М. Иванова начинает преподавать музыку его детям.

В августе Иванов посетил берлинскую Академическую выставку и по итогам этого посещения написал эссе «Женский бюст», которое отослал в «Гражданин». Помимо того, им была написана статья о Г. фон Трейчке, также отосланная в Москву (обе статьи опубликованы не были). В замыслах (нереализованных) Иванова во время летних каникул – повесть (или поэма) «Три встречи» и произведение об Иуде.

22 сентября Иванов записывает в своем «интеллектуальном дневнике»: «Я думаю, что познание человека составляет необходимый элемент христианской любви. <...> В самом деле, Христос говорит: люби ближнего своего, как самого себя. <...> Не более того. Ведь, собственно говоря, мы себя не любим, т.е. не любим так, как привыкли любить дорогих людей. <...> Неужели так трудно перенести на другого чувство доброжелательности в объеме, приближающейся к объему нашей доброжелательности к себе? Другой же элемент любви, наряду с доброжелательностью, есть <...> знание – только в форме познания, следовательно в низшей нежели сознание, но приближающейся к нему степени. Из того, что оба элемента должны количественно приближаться к элементам любви к самому себе, выходит 1) что христианство есть непрерывный нравственный прогресс и 2) что оно потенциально может разделяться чрезвычайно большим числом людей».

На следующий день, 23 сентября, Иванов записывает: «Прежде я мало вникал в личность. Теперь наоборот. При взгляде на Веселитского, мне думается, что в его жизни должны быть моменты горя и слабости, когда он невыразимо жалок».

4 октября написано одно из лучших стихотворений раннего Иванова «Дни недели».

16 октября начинается зимний семестр. В этот семестр Иванов слушает курсы И. Фалена «Erklärung der Briefe des Horatius (II. Buch nebst Ars Poetica)» (понедельник, вторник, четверг, пятница, с 11 по 12 ч.) и «Erklärung der Electra des Sophocles und Euripides» (понедельник, вторник, четверг, пятница, с 12 до 13 ч.), У. Кёллера «Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Mantinea» (понедельник, вторник, четверг, пятница, с 8 до 9 ч.), О. Гиршфельда «Historische Übungen (Livius Buch 21 und 22)» (вторник, с 18 до 20 ч.).

Этот год был самый насыщенный за все время обучения Иванова в Берлинском университете. Вспоминая о нем, он писал: «Начались мои блуждания в области исторических проблем, удалявшие меня от того, к чему лежало мое сердце, – от изучения эллинской души. Так, я занимался равеннским экзархатом и предоставил профессору Бреслау первую часть большого исследования о византийских учреждениях в Южной Италии. Правда, я не пренебрегал вовсе и филологией (критические анализы Фалена меня увлекали, тогда как Кирхгоф был скучен <...>), а равно слушал философию и разбирал “Метафизику” Аристотеля у Целлера, посещал музеи с Курциусом, работал по латинской и греческой палеографии с Ваттенбахом, проходил политическую экономию у Шмоллера».

Помимо того, *все это время* Иванов записывает под диктовку тексты статей Г.С. Веселитского-Божидаровича, а также литературно обрабатывает его корреспонденции, оказываясь, подчас, фактическим соавтором (что при публикации этих материалов, разумеется, не указывалось). Продолжается его увлечение В.С. Соловьевым, работы которого он ищет, с помощью А.Д. Дмитриевского, в старой отечественной периодике.

3 декабря Иванов под впечатлением от чтения В.С. Соловьева (а также, вероятно, – под впечатлением от регулярных антисемитских «вылазок» «Гражданина») пишет набросок (план статьи?) «Евреи и русские», в которой утверждает, что «русский и еврейские народы стоят на противоположных концах доселе совершавшегося хода человечества, и если кажется, что при сильном различии оба имеют между собой и нечто общее, что позволительно думать, то и назначение обоих до некоторой степени аналогично».

1889

1889 3 февраля написано стихотворение «Звездное небо».

В первой половине года продолжается сотрудничество Иванова с «принципалом» – Г.С. Веселитским-Божидаровичем. У Ивановых гостит сводный брат поэта, настроенный крайне консервативно, что вызывает споры в семье. Впрочем, Иванов уже полностью перешел на позиции «славянофильства с либеральным оттенком» в общественности, и мистики – в области духовной. «...В год Парижской всемирной выставки, которую я клеймил, как «юбилей секиры» (выставка открылась в честь 100-летия начала Великой Французской революции, *14 июля* – *Ред.*), написал я длинное послание к брату жены (А.Д. Дмитриевскому – *Ред.*) о теургической задаче искусства с характеристиками и Гесиода, и древнего синкретизма, и искусства катакомб, и романтических церквей, и готического стиля, и Рафаэля, и современного притязательного ничтожества...». Иванов имеет в виду программное стихотворение «Ars mystica».

12 июля им написана другая «программная» поэма (драматическая сцена) «Ночь в пустыне», интерпретирующая новозаветный сюжет об искушении Христа в гуманистическом, «геттианском» духе.

Ранее, в *апреле* Иванов делает в «интеллектуальном дневнике» ряд заметок о природе художественного творчества («О типическом» и др.), содержание которых предвосхищает его будущие концепции символизма как движение эстетического созерцания «от реального к реальнейшему».

Между тем, он продолжает посещать занятия в Университете: *весной, 15 марта*, завершается зимний семестр третьего курса и начинается (*24 апреля*) летний. В этот семестр Иванов слушает курсы У. Кёллера «Makedonisch-griechische Geschichte bis zum Tode Alexanders des Grossen» (понедельник, вторник, четверг, пятница, с 8 до 9 ч.), О. Гиршфельда «Römische Geschichte (II Teil) bis auf Cäsars Tod» (понедельник, вторник, четверг, пятница, с 9 до 10 ч.) и «Historische Übungen (Cicero de republica, zweites Buch)» (вторник, с 18 до 20 ч.).

Семестр кончается *15 августа* и Иванов переходит на четвертый курс, хотя новые пристрастия настойчиво уводят его за границы научной карьеры вообще: «Если я возвышаюсь над заботами и опасениями обыденной жизни, мне бывает трудно удовлетворять требованиям этой жизни с охотой и ревностью. Если я начинаю страстно преследовать цели низменной жизни, я подпадаю под бремя мелочных беспокойств и мелочного страха. Как трудно сохранять в себе гармонию духа! <...> Как трудно быть архитектором и каменщиком своей жизни! обтесывать и слеплять грубые камни и следить за правильностью и красотой целого» (*3 августа*, последняя запись в «интеллектуальном дневнике»).

25 сентября написано стихотворение «К Фантазии». Помимо того, в записных книжках Иванова за *два последних года* – целый ряд творческих планов, в том числе – «Мистическое в произведениях Достоевского», «Революция в поэзии», «Литература страдания», «Богопокорство», «Жить для будущего» и т.д. Его творческая физиономия художника-модерниста уже достаточно определилась как раз ко времени, когда в России его сверстники – Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Аким Волынский и др. начинали «борьбу за идеализм» в искусстве. Но в отличие от них студент берлинского университета Иванов «варится в собственном соку».

16 октября начинается зимний семестр. В этот семестр Иванов слушает курсы В. Ваттенбаха «Geschichte des Mittelalters» (понедельник, вторник, четверг, пятница, с 15 до 16 ч.), Э. Гюбнера «Römische Epigraphik» (понедельник, вторник, четверг, с 13 до 14 ч.) и «Übungen seiner philologischen Gesellschaft» (пятница, с 19 по 21 ч.), О. Гиршфельда «Römische Provinzial- und Munizipalverfassung» (среда, с 16 до 17 ч.) и «Historische Übungen (Tacitus Historiae, Buch I)» (вторник, с 16 до 18 ч.), Т. Моммзена «Historische Übungen» (расписание отсутствует). В ходе занятий фактическим научным руководителем Иванова становится О. Гиршфельд, который «признал “солидную работой”» первый набросок его будущей диссертации «De societatibus vectigalium». «Тот же вопрос о государственных откупах, но уже не в римской республике, а за время империи (эта часть, большая первой по объему, не была мною позднее переработана и не вошла в мою латинскую диссертацию) я разрабатывал далее в семинарии Моммзена, который заводил серьезнейшие и опаснейшие

диспуты с более зрелыми учениками, среди которых вспоминаю Мюнцера (ныне профессора в Базеле), П. Мейера (профессора в Берлине), знаменитого впоследствии бельгийца Ф. Кюммона, выступавшего у нас со своими первыми опытами о распространении религии Митры в римском мире», – вспоминал Иванов.

21 декабря написано стихотворение «Вожатый».

30 декабря написан дистих «Мистика».

1890

1890 – В *январе* начинается новый политический кризис в Германии: рейхстаг отклонил предложение канцлера О. фон Бисмарка о продлении закона против социалистов. Нарастает конфликт между Бисмарком с его политикой, ориентированной на союз с Россией, и новым императором Вильгельмом II, стремившемся построить политическую «ось» Германии с Великобританией.

20 марта О. фон Бисмарк уходит в отставку, что означает изменение внешнеполитического курса.

5 апреля Иванов откликается на это событие сонетом «Могучий дух в могуществе уверен...», где пророчески предсказывает молодому императору крушение («...Слава трона / Плавающей служила колесницей / Для дерзости безумной Фазтона»). Помимо того *в этом же году* было написано программное «русофильское» стихотворение «Русский ум».

В первую половину года Иванов меняет «место заработка»: уходит от «принципала» Г.С. Веселитского-Божидаровича и поступает секретарем к агенту министерства финансов, критику и драматургу, камергеру Ф.А. Куманину, который стал «добрым другом юности» поэта.

15 марта завершается зимний семестр и *16 апреля* начинается летний. В этот семестр Иванов слушает курсы Э. Гюбнера «Geschichte der elegischen Poesie und ausgewählte Elegien des Propertius» (понедельник, вторник, четверг, с 13 до 14 ч.) и «Historische Übungen» (расписание отсутствует), О. Гиршфельда «Philologische Übungen» (расписание отсутствует), Т. Моммзена «Historische und philologische Übungen» (расписание отсутствует).

15 августа летний семестр завершается и Иванов переходит на пятый – заключительный – курс Университета.

16 октября начинается зимний семестр. В этот семестр Иванов слушает курсы Э. Гюбнера «Römische Literaturgeschichte nach seinem Grundriß (4. Auflage)» (вторник, с 18 по 20 ч.) и «Über Ciceros Reden mit Erklärung ausgewählter Stellen» (понедельник, вторник, четверг, с 13 по 14 ч.), О. Гиршфельда «Römische Staatsaltertümer» (понедельник, вторник, четверг, пятница, с 9 до 10 ч.).

Осенью написано стихотворение «Покорность».

Помимо того, *в этом году* произошли некие трагические события («... Молодой ученый, спокойный, уравновешенный <...> неожиданно убил другого человека и себя. В.И. глубоко потрясло случившееся; он вдруг почув-

ствовал себя виноватым, хотя молодого человека того он почти не знал и ко всей драме никак причастен не был» (О. Шор со слов Иванова), отразившиеся в поэме-фантазмагории «Миры возможного», которая посвящена «памяти погибшего».

1891

1891 – 15 марта завершается последний зимний семестр Иванова в Берлинском университете. «В 1891 году, отбыв в Берлине девять семестров и напутствуемый наставлениями Гиршфельда тщательно передумать и изложить по-латыни свою диссертацию, а также хорошо изучить Лувр, я отправился в Париж с томиками Ницше, о котором начинали говорить. Мы поселились вблизи Национальной библиотеки у одного chef d'institution и officier de l'Académie, под руководством которого я в течение почти года упражнялся во французской стилистике. Тогда же в первый раз побывал я на короткое время в Англии. В парижской Национальной библиотеке, правильно мной посещаемой, познакомился я с И.М. Гревсом; за сближением на почве общих занятий римскою историей последовала и душевная дружба». Впечатления Иванова от жизни во Франции нашли отражения в большом цикле стихотворений, объединенных им впоследствии в цикл «Парижские эпиграммы». Магистрант Петербургского университета И.М. Гревс (живший за границей с весны 1890 г. и успевший к тому времени, помимо Парижа, побывать в Риме и Флоренции) знакомит В.И. Иванова с А.В. и В.А. Гольштейнами и он становится вхож в их «русский салон» на улице Ваграм (avenue de Vagram, 29). *К концу этого года* у Иванова оказывается выполненной значительная часть задуманной диссертации.

1892

1892 – В январе Иванов живет в Париже, тесно общаясь с И.М. Гревсом, который «властно указывал» своему другу на необходимость совершить путешествие в Италию. Перевод первого варианта диссертации Иванова на латинский язык *к этому времени* уже завершен, но автора не удовлетворяли ни собранный материал, ни стилистика его подачи. После колебаний, Иванов решает повременить с защитой, и, «воспользовавшись благоприятными внешними обстоятельствами» (очевидно – неожиданным денежным поступлением), следует в Рим за уже отбывшим туда Гревсом.

В феврале-марте состоялось путешествие Ивановых по южной Франции по маршруту: Лион, Вьена, Оранж, Ним и Point du Gard, Арль, Марсель. В каждом из этих городов Иванов осматривает «остатки римской культуры», о которых он много слышал еще в Берлине от своего учителя О. Гиршфельда. Из Марселя Ивановы направляются вдоль Ривьеры в Геную, а оттуда – в Рим, где И.М. Гревс уже забронировал им комнаты в Albergo d'Alibert на via Margutta, близ площади Испании (piazza di Spagna). Здесь, помимо Гревса, проживает и литературовед-археограф М.Н. Сперанский, с которым Иванов подружился.

28 марта Иванов регистрируется в Германском археологическом институте на Капитолии и включается в его работу. Впечатления от знакомства с Римом изложены в стихотворном послании «Laeta» А.Д. Дмитриевскому, посланному в Ялту в конце марта.

В апреле-мае он участвует в лекциях-экскурсиях по музеям Рима, которые для стипендиатов и гостей института проводит археолог Е. Петерсон, увлекший Иванова историей трабеи (парадного одеяния римских царей, жрецов и консулов).

22 апреля Иванов участвует в заседании, посвященном закрытию очередного сезона. В эти месяцы Иванов знакомится с молодыми русским учеными, проживавшими тогда в Риме – искусствоведами Д.В. Айналовым и Е.К. Рединым, византологом М.Н. Крашенинниковым, – которые, вместе с Ивановым и Гревсом составили своеобразный «русский кружок», регулярно собиравшийся в Albergo d'Alibert. К ним присоединяются литературовед А.И. Кирпичников с женой, молодой профессор Мюнхенского университета, византолог К. Крумбахер, путешествовавшие по Италии, а также художник Ф.П. Рейнман, который делал копии с катакомбных фресок для создаваемого в Москве Музея изящных искусств. Сам создатель музея И.В. Цветаев также был в это время в Риме, и Иванов познакомился с ним. Помимо того, Ивановы тесно сходятся с семьей диакона русской посольской церкви св. Николая Мирликийского о. Христофором Флеровым, который дружил со многими «русскими римлянами» и устраивал их дела в посольстве. Такое активное общение – научное и личное – отвлекает Иванова от работы над редактированием диссертации.

В июне «русский кружок» постепенно распадается: Айналов, Редин и Сперанский уезжают в Неаполь, Гревс – возвращается в Париж.

23 июня (ночь на Ивана Купала) Ивановы принимают участие в народном гулянии на площади San-Giovanni in Laterano, где встречаются с Петерсоном, Крумбахером, библиотекарем Германского археологического института А. Иоллером, а также – знакомятся с известным антиковедом, профессором римского университета Ла Сапьенца К-Ю. Белохом (последнему Иванов вскоре нанес визит). Во время ужина в кафе К. Крумбахер, уезжавший в Неаполь, предложил Иванову также совершить во время летних каникул с семьей поездку на юг Италии, обещая содействовать в найме жилья.

К 11 июля из Рима, охваченного нестерпимым зноем, уезжают последние из «русского кружка» – Ф.П. Рейман, А.И. и Е.А. Кирпичниковы. Ивановы также решают последовать совету Крумбахера, однако до конца месяца их удерживает в Риме возобновленная, наконец, главой семейства работа над диссертацией.

24 июля Иванов, предварительно списавшись с Крумбахером, вместе с Дарьей Михайловной и Сашей выехал из Рима в Неаполь. Здесь они пробыли до 3 августа, сначала – в пансионе Freimann на набережной Santa Lucia, затем – в пансионе Poli на Parco Regina Margherita.

3 августа Ивановы отправились из Неаполя в Мессину, а 4 августа из Мессины – в Таормину.

5-6 августа Иванов осмотрел достопримечательности Таормины и посетил место недавнего землетрясения у подножья вулкана Этна.

7 августа Ивановы едут из Таормины в Сиракузы. *7-10 августа* Ивановы живут в Сиракузах, античные памятники которых произвели на Иванова большое впечатление.

Затем, *11 августа*, они отправляются в Джирджетти, о древностях которого Иванову много рассказывал Гревс.

14 августа Ивановы прибывают в Палермо, где Дарья Михайловна и Саша остаются на *неделю*, а Иванов, осмотрев город, совершает еще экскурсии в античные городки Сегестос и Семелут.

Около *26 августа* Ивановы возвращаются в Неаполь.

27 августа Иванов, получив «разрешение, выдаваемое археологам», посещает Помпеи.

До *середины сентября* семейство живет в Неаполе вместе с приехавшим тут М.Н. Крашенинниковым. Затем Крашенинников возвращается в Рим, где по поручению Иванова ищет сдающуюся на длительный срок квартиру. Следуя составленному им списку, Иванов, вернувшись с семьей из летнего путешествия, быстро снимает удобное и недорогое жилье на *via Castelfidardo, 51*.

В *сентябре-декабре* Иванов возобновляет занятия в Германском археологическом институте, посещая лекции-экскурсии (*giri*) Х. Гюльзена по топографии Древнего Рима. Одновременно он работает над второй и третьей главами новой редакции диссертации в библиотеке Института, а также – в Национальной библиотеке Виктора-Эммануила. Здесь Иванов знакомится с ее сотрудником, известным итальянским поэтом Д. Ньюли и дает ему советы по подписке русской периодики (Иванов все время пребывания в Италии выписывал отечественные газеты и был главным поставщиком новостей с родины для близких ему «русских римлян»). *Все эти месяцы* он целиком поглощен работой и ведет уединенный образ жизни, общаясь приватно преимущественно с М.Н. Крашенинниковым и с Флеровыми.

События *второй половины года* изложены во втором стихотворном послании «Laeta» А.Д. Дмитриевскому, посланному в Ялту, очевидно, в *октябре-ноябре*.

9 декабря Иванов присутствовал на торжественном заседании в Германском археологическом институте, посвященном дню рождения И-И. Винкельмана; помимо того в *осенне-зимний сезон* он участвовал в юбилейном чествовании археолога Дж. Де Росси и торжественном открытии в библиотеке института памятной стелы в честь Э. Герхарда.

К *концу года* Иванов утверждает в мысли, что сможет защитить диссертацию весной следующего года.

30 декабря он пишет письмо-отчет в Берлин своему научному руководителю О. Гиршфельду, выражая надежду «получить свой докторский диплом из его рук» (Гиршфельд в этот учебный год исполнял обязанности декана).

1893

1893 – 8 января О. Гиршфельд отправил из Берлина ответ на «отчет» своего аспиранта. Гиршфельд «настоятельно призывал» Иванова представить работу в апреле, причем в качестве диссертационного текста он предлагал оставить «одну единственную главу» (об организации обществ откупщиков в республиканском Риме). Точно такой же совет, независимо от Гиршфельда, Иванову *в это же время* дал и М.Н. Крашенинников, узнав, что у его друга к *началу года* «обработано по латыни» только четверть всего диссертационного материала. В конце концов, Иванов осознает, что «три месяца до Рождества <1892 г.>» он «потерял, занимаясь той частью работы, которая не имеет никакого отношения к диссертации», и возвращается к первой главе, «отработанной по латыни» еще перед прошлогодней поездкой в Неаполь и на Сицилию.

15 февраля Иванов отсылает в Ялту А.М. Дмитриевскому шутивное стихотворное послание «ΕΙΣ ΚΑΙ ΠΑΝ» с многозначительным эпиграфом: «Лучше хочу быть первым в муниципалии этом, нежели вторым в Риме». *В феврале* его неожиданно навещает приехавший из Берлина Ф. Мюнцер, уже защитивший докторскую работу и получивший от Гиршфельда поручение «вытащить Иванова из Рима».

Вплоть до *апреля* Иванов работает над третьим вариантом диссертационного сочинения, однако, *23 апреля* он вынужден сообщить Гиршфельду, что «не успел переписать текст набело и снабдить его цитатами и примечаниями». В связи с этим сроки представления текста диссертации были отложены до осени.

В *апреле* Ивановы, к этому времени очень сдружившиеся с семьей домовладельца Micheli, переезжают в другую, «этажом выше», квартиру в том же доме по улице Кастельфидардо, 51.

В *мае-июле* в Риме вновь собирается «русский кружок» «почти в том же составе, как и год назад». В Albergo d'Alibert останавливается И.М. Гревс, приехавший в сопровождении историков М.И. Ростовцева и К.С. Шварсалона, а также – бывшая ученица Гревса, выпускница петербургских Высших женских курсов М.В. Шульман. С Шварсалом Иванов не общался (тот сразу покинул Рим и обосновался в Венеции), а с Ростовцевым, изучавшим историю живописи Помпей, сошелся коротко, ввел его в научные круги Германского археологического института, а в *июне* – ездил вместе с ним в Неаполь на традиционные «археологические прогулки», который устраивал библиотекарь Института, выдающийся знаток Помпей А. Мау. Эта поездка стала началом многолетней дружбы. Что же касается М.В. Шульман, то она подружилась с Д.М. Ивановой и в *августе* уехала вместе с ней и Сашей в Porto d'Anzio (побережье Тирренского моря в 60 км. от столицы). Иванов остался на летние каникулы в Риме – доделывать текст диссертации и готовиться к устному экзамену.

Во *второй половине июля – начале августа* Д.В. Айналов знакомит Иванова и Ростовцева (Гревс к этому времени уже уехал в Париж) с художником

М.В. Нестеровым, который изучал тогда памятники раннехристианского искусства.

В августе Иванов и Крашенинников принимают участие в подготовке юбилея 50-летней научной деятельности Т. Моммзена: высылают в Берлин каждый по 10 марок для создаваемого в честь юбиляра научного фонда Mommsen-Stiftung и планируют просветительскую компанию в российской периодике, призванную привлечь к этому событию отечественную общественность. Помимо работы над диссертацией, превратившейся для Иванова в «надоедливую ношу», он в это время увлеченно штудировал труды А. Шопенгауэра, которого находит «удивительно глубоким».

Около 17 сентября с морских купаний возвращаются Д.М. Иванова и Саша вместе с М.В. Шульман, которая селится вместе с ними на via Castelfidardo. Поближе к Ивановым, на via Curtatone переезжает к этому времени и М.Н. Крашенинников.

Осенью-зимой этого года они, вместе с Флеровыми и археологами А.М. Мироновым и А.А. Павловским, входят в ближайший круг общения Иванова. 1 октября в Рим вместе с женой Марией и дочерью Хильдой в Рим приезжает сбежавший от юбилейной суеты Т. Моммзен.

12 ноября Иванов сообщает в письме к И.М. Гревсу, что ранее виделся с maître-ом и имел с ним спор, заставивший его вновь отредактировать диссертационный текст. Но к этому времени Иванов уже болен малярией, и его подготовка к защите фактически остановилась. О поездке в Берлин не может быть речи.

25 ноября Иванов пишет стихотворение «Кумы» («Мицена гордого и милостивых Бай...»), обращенное к теме рока.

Вплоть до конца декабря он болеет и в письме к И.М. Гревсу от 5 января 1894 г. («лихорадка еще не прошла и возвращается раз в несколько дней») называет минувший год – «потерянным годом».

1894

1894 – 1 января Иванов пишет письмо О. Гиршфельду, сообщает о болезни и просит разрешения отложить защиту. В ответном письме (21 января) Гиршфельд, выражая надежду, что защита отлагается «не надолго», вновь напоминает Иванову о необходимости выдержать объем диссертации «в известных пределах» и «настоятельно просит» строго ограничить ее тематику историей организации общества откупщиков в республиканском Риме.

В январе-феврале Иванов продолжает работать в библиотеке Германского археологического института и посещать заседания (26 января, 9 февраля), где встречается с А. Мау, Ф. Мюнцером, К-Ю. Белохом и другими учеными. Тем не менее, состояние духа у него мрачное.

18 января в Париж уезжает М.В. Шульман (с которой Ивановы будут еще несколько лет поддерживать переписку) и единственным конфиденнтом Иванова остается М.Н. Крашенинников. Он старается поддержать исчезающую уверенность друга в благополучном исходе затянувшейся работы. 25 мая

Иванов пишет И.М. Гревсу о своем намерении работать над диссертацией в Риме до сентября, но иронически замечает, что «будущее – Θεων εν υούνασι».

Ранее, 25 апреля он пишет о том же в письме к М.Н. Сперанскому: «... Будущее в воле богов». Неопределенность возникла и в бытовом положении четы Ивановых: их хозяин Michelini, у которого они прожили около двух лет, собирався переезжать и удерживал на лето дом за собой только из-за обязательств перед симпатичным русским квартирантом. К концу весны Ивановы окончательно решают покинуть Рим.

В июне Иванов совершил поездку во Флоренцию на «рекогонсцировку», а также – в город Террачину, думая снять там на лето комнату для семьи. Последнее намеренье, впрочем, исполнено не было из-за удаленности Террачины от столицы (110 км.), где Иванов планировал встречу с И.М. Гревсом в июле-августе.

1 июля Ивановы переезжают из Рима на морской курорт в уже знакомый им Анцио, где останавливаются в palazzo Duranti на via Romana. По договоренности с хозяевами, римская квартира остается в их распоряжении до конца лета. Вместе с Ивановыми в Анцио едет М.Н. Крашенинников.

В это время И.М. Гревс приезжает из Полтавы в Швейцарию, куда его пригласил «для отдыха» один из участников «приютинского братства» Л.А. Оболянинов. В Женеве они встречают знакомую Гревса Л.Д. Шварсалон, только что пережившую измену мужа и скандальный разрыв с ним, а также ее подругу С.И. Алымову, сопровождающую ее в путешествии по Европе. Вместе с ними Гревс и Оболянинов едут в Швейцарские Альпы, пешком переходят через Сент-Готард и следуют далее в Милан и Флоренцию.

8 июля Гревс, оставив спутников во Флоренции, ночью приезжает в Рим и, не застав на via Castelfidardo ни Ивановых, ни хозяев (супруги Мишелини уехали на выходные за город), ночует в Albergo d'Alibert (переделанном к этому времени в немецкий Fischer's Hôtel).

Утром 9 июля Гревс отправляется из Рима в Анцио (2 часа езды), долго ищет там Ивановых и приходит в palazzo Duranti лишь в пятом часу. После обеда и морского купания Д.М. Иванова отправляется с Гревсом в Рим, устраивать его на via Castelfidardo, а Иванов остается в Анцио с Сашей.

10 июля Д.М. Иванова и Гревс ожидают хозяев, которые приезжают лишь вечером; Гревс договаривается с ними о том, что пробудет здесь до начала августа. Утром 11 июля на via Castelfidardo неожиданно являются приехавшие из Флоренции Л.Д. Шварсалон, С.И. Алымова и Л.А. Оболянинов, которые решили воочию увидеть «замечательного человека» – героя многочисленных рассказов Гревса в предшествующие недели. Д.М. Иванова хлопочет об устройстве гостей по соседству, а всю компанию, тем временем, отправляет с Гревсом в Анцио. Здесь их встречает на улице возвращающийся из кофейни Иванов (это – первая встреча Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал). Следует беседа, в которой, помимо всех названных, принимал участие и М.Н. Крашенинников. Л.Д. Шварсалон рассказывает историю своего разрыва с

К.С. Шварсалоном, изменившим ей с женой их общего знакомого, историка Г.Г. Вульфiusa. Вечером Гревс и его спутники возвращаются в Рим.

12 июля Иванов в Анцио чувствует себя «очень дурно и тоскливо» и пишет в Рим жене письмо, в котором подробно описывает события вчерашнего дня.

13 (или 14) июля Д.М. Иванова, устроив все дела в Риме, возвращается в Анцио, договорившись с гостями об их воскресном визите.

В воскресенье, *15 июля* в Анцио у Ивановых собираются И.М. Гревс, М.Н. Крашенинников, Л.Д. Шварсалон, С.И. Алымова и Л.А. Оболянинов и проводят вместе целый день, оставшийся у всех «радостным, поэтическим воспоминанием». Вечером гости возвращаются в Рим, а на следующий день, *16 июля*, туда же едет и Иванов.

Во *второй половине дня* он ведет гостей Гревса в Колизей. Здесь между ним и Л.Д. Шварсалон происходит разговор о религии, глубоко ее потрясший и вызвавший переворот в ее мировоззрении.

17 июля Иванов и Гревс везут гостей в Тиволи на виллу Адриана.

Утром 18 июля Л.Д. Шварсалон под аккомпанимент соседей-итальянцев поет для Иванова; далее следует еще один «фатальный» разговор – об искусстве. *После обеда* Л.Д. Шварсалон уезжает на трехчасовом поезде из Рима к отцу в Женеву. И у нее, и у Иванова остается острая досада на «незавершенность» их бесед. Вслед за Л.Д. Шварсалон в *этот или на следующий день* Рим покидают и Оболянинов с Алымовой, направляющиеся в Неаполь (они еще вернуться в Рим *24 или 25 июля*, проездом в Россию).

В *20-х числах июля* Иванов и Гревс ведут «однообразную» жизнь в Риме: утром и днем занятия, вечером беседы. В *конце месяца* из Анцио возвращаются Д.М. Иванова с Сашей и М.Н. Крашенинников, и все начинают готовиться к отъезду: Ивановы – во Флоренцию, Крашенинников – в Милан. Тем временем, *28 июля* в Женеве Л.Д. Шварсалон, под впечатлением от римских встреч с Ивановым, пишет ему исповедальное письмо: «...Мне чуеться, что мы молимся одному Богу».

1 августа И.М. Гревс уезжает из Рима в Париж.

8 августа Ивановы окончательно покидают дом на *via Castelfidardo*, где они прожили два года. Отправив багаж, они путешествуют из Рима во Флоренцию, останавливаясь в Перудже, Сиене, Пизе.

Не позднее *23 августа* Ивановы устраиваются во Флоренции, сняв две комнаты в доме 13 на *via dei Russi*. Д.М. Иванова с Сашей уезжают путешествовать по Швейцарии, а Иванов, разработав им маршрут, «наотрез» отказывается сопровождать жену, рассчитывая, наконец, в одиночестве завершить работу над диссертацией (по выражению М.Н. Крашенинникова, писавшего в *конце месяца* Иванову из Милана, «Гиршфельд с Моммзеном» в Берлине уже «поют о нем дуэтом»). Тем временем, в *августе* Л.Д. Шварсалон, не дождавшись ответа на свое письмо, уезжает из Женевы к детям в Петербург. Здесь она встречается с вокальным педагогом К.Л. Ферни-Джиральдони, преподававшей в петербургской Консерватории, и консультируется с ней относительно возможной оперной карьеры. По совету Джиральдони Л.Д. Шварсалон

уезжает (с детьми и двумя компаньонками) в итальянскую консерваторию города Пезаро на Адриатике, заниматься с известной в прошлом певицей В. Боккабардатти.

Около 23 августа они прибывают в Пезаро, устраиваются в доме инженера Beldraghi и Лидия Дмитриевна начинает брать уроки пения. В этот же день Иванов в письме к И.М. Гревсу просит немедленно сообщить о местонахождении Л.Д. Шварсалон и прислать ему ее точный почтовый адрес.

8 сентября И.М. Гревс пишет из Парижа в Пезаро Л.Д. Шварсалон, общая, между прочим, флорентийский адрес Иванова.

12 сентября Л.Д. Шварсалон пишет Иванову во Флоренцию, прося о помощи в обмене русских денег.

14 сентября Иванов отвечает ей исповедальным письмом, в котором пишет о «впечатлении духовной общности и близости, взаимного сочувствия и понимания», возникшего у него во время их римских встреч.

17 сентября Л.Д. Шварсалон сообщает Иванову, что в ближайшее время она будет сопровождать во Флоренцию своего вокального педагога и просит его нанять комнату на месяц.

19 сентября Иванов высылает Л.Д. Шварсалон поменянные им деньги и начинает подыскивать сдающуюся комнату близ piazza Indipendenza.

Не позднее 27 сентября из Швейцарии возвращаются Д.М. Иванова и Саша, а 30 сентября Иванов встречает приехавшую во Флоренцию Л.Д. Шварсалон.

9-16 октября Иванов, так и не приступивший в сентябре к собственным научным занятиям, внимательно изучает присланный ему для обсуждения очерк И.М. Гревса «Гораций» (первую главу будущей диссертации) и делает подробнейший письменный разбор. На это же время приходятся первые «флорентийские» встречи Иванова с Л.Д. Шварсалон, во время которых она знакомит его с набросками своего будущего романа «Пламенники» (преимущественно – автобиографического содержания).

18 октября, в свой день рождения, она дает ему прочесть интимные дневниковые записи о первом юношеском любовном романе, а затем просит их разорвать. Вечером они вдвоем долго гуляют по Флоренции и Иванов признается: «Я чувствую к Вам больше дружбы, я определяю это слово нежностью, т.к. это не любовь». В этот день Л.Д. Шварсалон записывает в своем дневнике: «Я люблю его, положим, что я люблю его. Мы пара».

27 октября Л.Д. Шварсалон описывает в дневнике «типичный день этого месяца во Флоренции»: «Мой день начинается с той минуты, как я рано утром около 6 часов открываю глаза. <...> Я встаю и охлаждаю свои нервы холодной ванной. Затем черновая работа: разучиваю и повторяю. <...> В 10 часов я на уроке. <...> Далее: иду обедать к И<ванов>ым, после чего дома опять ложусь на диван и думаю. <...> Около 3½ опять принимаюсь за черновую работу. <...> К 7-ми часам почти ежедневно отправляюсь к И<ванов>ым и мы читаем Пушкина. <...> Дальше: около 10 иду домой, и меня провожает он, и мы говорим, говорим без конца». Она принимает решение остаться во Флоренции, после отъезда В. Боккабардатти находит себе мест-

ную учительницу пения и вывозит из Пезаро детей и компаньонов; Иванов встречает их на вокзале.

2 ноября (русское 20 октября) в Ливадии (Крым) умирает от водянки император Александр III, которому наследует двадцатилетний Николай II. С молодым царем Иванов связывает надежды на установление «просвещенного абсолютизма» (его политический идеал этого времени).

Между тем, в *октябре-ноябре* работа Иванова над диссертацией заходит в окончательный тупик, он переживает (не в последнюю очередь из-за бурных личных переживаний осенних месяцев) глубочайший творческий кризис и начинает помышлять о возвращении в Россию. Эти планы всячески поддерживает и Дарья Михайловна, которую с *сентября* начинают мучить недобрые предчувствия.

Во второй половине ноября наступает резкое охлаждение в отношениях Иванова с Л.Д. Шварсалон, которая тогда же помечает в дневнике: «Я не была любима, я не могла принять такой любви. Я не устаю его чувство названия любви, хоть бы он тысячу раз повторял: “Я люблю”. Конечно, конечно». Возможно, свою роль здесь сыграл неожиданный поворот в бракоразводном разбирательстве Шварсалонов – отчаявшийся получить возможность видаться с детьми «прелюбодей» К.С. Шварсалон в это время, в свою очередь, начал публично обвинять жену в прелюбодеянии с... И.М. Гревсом и написал об этом «встречный иск» («донос», по выражению крайне возмущенного Гревса) в Синод.

10 декабря Гревс пишет Л.Д. Шварсалон из Парижа: «Я думаю, что то особенное настроение, которым Вы были охвачены вся <...> теперь улеглось. Я тогда порадовался за Вас тому наплыву счастья, который Вас наполнил и который вдохнул в Вас такую прекрасную энергию <...> Но вместе с тем это настроение Ваше и обеспокоило меня: мне виделось в нем более нервное возбуждение, реакция подъема духа после года тяжелых ударов и горьких разочарований, чем нормально развивающийся нравств<енный> переворот. <...> Во всяк<ом> случае рад за Вас, что Вы не в Пезаро, а во Флоренции, где, может быть, найдется пища для ума и для души, и где Вы находитесь в общении с Ивановыми: я по опыту знаю, какие это хорошие люди и какими они могут быть великолепными друзьями».

В *декабре* Ивановым написано стихотворение «Усталость», передающее особенности лирического переживания автора *в эти недели*. С декабря Саша Иванова начинает посещать итальянскую частную школу и очень увлекается уроками, несмотря на то, что ей приходится нагонять одноклассников и много заниматься дома с родителями. Это также отдалило Ивановых от Л.Д. Шварсалон и ее домочадцев.

В *последних числах декабря* во Флоренцию из Милана приезжает М.Н. Крашенинников, завершивший работу над диссертацией и возвращающийся в начале нового года в Россию готовить защиту. В это же время из Парижа приходит известие об успехе очерка И.М. Гревса о Горации в Петербургском университете: профессор В.Г. Васильевский рекомендовал рукопись к публикации в «Журнале Министерства народного просвещения» и начал

хлопотать о приеме ее автора на университетскую кафедру. Под впечатлением от удач друзей на фоне собственного «научного кризиса» Иванов в канун Нового года пишет Гревсу отчаянное письмо, в котором прямо признается в неудаче своей трехлетней работы над историей публикан и сообщает о решении вернуться в Россию «на щите». Об этом он тогда же сообщает и М.Н. Крашенинникову, который пытается переубедить друга и настоятельно советует ему немедленно ехать в Берлин и откровенно обсудить в личной беседе с Гиршфельдом и Моммзеном перспективы получения докторской степени в обозримом будущем. Перед новогодними праздниками, показывая Крашенинникову Флоренцию и ее окрестности, Ивановы и Л.Д. Шварсалон посещают руины античного театра во Фьезоле. Здесь, «меж развалин древней сцены», Л.Д. Шварсалон, под впечатлением рассказа Иванова о Зимних Дионисиях, ко всеобщему изумлению изобразила жрицу-вакханку, поющую трагическую песнь о смерти и воскресении Диониса: «Земных обетов и законов / Дерзните преступить порог, – / И в муке нег, и в пире стонов / Воскреснет иступленный бог!..». На Иванова эта сцена произвела огромное впечатление, воскресив страстное влечение к «новой мэнаде». Новый год Ивановы (в последний раз в жизни) встречают вместе, – в компании М.Н. Крашенинникова, Л.Д. Шварсалон с детьми и домочадцами и американки Bessy, с которой во Флоренции подружилась Д.М. Иванова.

1895

1895 – 1 января И.М. Гревс, обеспокоенный «пораженческими настроениями» Иванова, пишет ему из Парижа: «Друг мой! Сделайте усилие над собой, переломите колебания, сомнения и самолюбие; сочтите себя подготовленным к экзамену; засядьте за переписку в окончательном виде диссертации, не подвергая ее больше улучшениям <...> чтоб весною окончить все и стать доктором. Поверьте же хоть раз уверениям друзей, которые убеждены в вашей полной научной подготовленности к докторству...». Это письмо «глубоко тронуло» Иванова и, в совокупности с призывами М.Н. Крашенинникова, убедило его не возвращаться в Россию с «пустыми руками». Поскольку еще осенью он убедился, что научная работа во Флоренции на порядок менее продуктивна, чем в Риме («...Во Флоренции написать что-нибудь <...> очень трудно при отсутствии нужных пособий»), Иванов решает вновь вернуться к столичным библиотекам, «привести свою работу в окончательный вид, сделать ее druckfertig (годной к печати – *Ред.*) и даже, если представится возможность, переписать набело». По его расчетам, на все это должно было хватить шести недель уединенного пребывания в Риме «по образу Гревса», т. е. в состоянии предельной сосредоточенности исключительно на научной деятельности.

10 января Иванов и М.Н. Крашенинников одновременно покидают Флоренцию, первый уезжает в Рим, второй – в Петербург. Вечером того же дня Иванов прибывает в Рим и устраивается у старых знакомых, в семье Микелини, переехавшей на via Veneto, 33.

11 января Иванов пишет в Париж ответ на новогоднее письмо Гревса, благодарит друга за поддержку и выражает твердую надежду «представить в Берлине свою диссертацию в апреле». *В январе*, сразу по прибытии в Рим, Иванов возобновляет посещения Германского археологического института и исключительно интенсивно работает в библиотеках, «лишь мимоходом бросая беглые взгляды на знакомые мраморы Капитолия и Ватикана». Тем не менее, продуктивность его научной деятельности существенно осложнена драматическими личными переживаниями.

16 января начинается его переписка с Л.Д. Шварсалон, свидетельствующая о новом «взрыве страсти», бороться с которым оба не в состоянии.

19 февраля написано стихотворное воспоминание о прошлогоднем воскресенье в Анцио – «Помнишь, как над бездной моря...».

20-21 января Иванов запечатлевает образ Л.Д. Шварсалон в театре Фьезоле в стихотворении «Тризна Диониса». Помимо личных потрясений Иванова отвлекают от научной сосредоточенности и бурные политические события *этого января* как в Европе (острейший правительственный кризис во Франции, в результате которого президент-консерватор Ж. Казимер-Перье был вынужден подать в отставку и уступить место умеренному либералу Ф. Форю) и России (речь Николая II на приеме дворянских, земских и городских делегаций, положившая конец надеждам интеллигенции на скорое ослабление политической реакции).

Тем не менее, *13 февраля* он сообщает Л.Д. Шварсалон, что уже «принялся за переписку диссертации» и полагает завершить работу и вернуться во Флоренцию «до половины марта».

1 марта Иванов присутствует на заседании в Германском археологическом институте, а *3 марта* – переезжает на новую квартиру в доме на via Palestro, 97 (поближе к Капитолию), твердо решив завершить здесь «значительную, если не большую часть работы» и покинуть Рим 15-го числа («Оставаться дольше здесь по многим причинам мне неудобно, да и семья уже давно ждалась меня во Флоренции»).

Однако *6 марта* Иванов получает открытку от И.М. Гревса, в которой тот просит друга об экстренной встрече для обсуждения «ряда важных вопросов» (профессор В.Г. Васильевский, уходя в отставку, предлагал своему ученику занять его место на кафедре Петербургского университета, а также – взять на себя редактуру «Журнала Министерства Народного просвещения»). *В тот же день* Иванов пишет письмо Л.Д. Шварсалон, используя возможный приезд Гревса, как предлог для просьбы о тайном свидании в Риме: «Для научных совещаний с Гревсом было бы почти необходимо остаться в Риме, тогда мы приехали бы вместе <с Гревсом> (в апреле?) во Флоренцию. Но ты меня ждешь... но сам я также не могу принести в жертву, по крайней мере, две недели нашей “дружбы” перед разлукой или, говоря вернее, не могу противиться <...> своей жажде твоей близости. Остается написать, что я “на выезде”... Подумай, как нам быть? – До некоторой степени могу сказать, что кладу нашу судьбу в твои руки».

10 марта, получив ответ от Л.Д. Шварсалон, Иванов посылает Гревсу телеграмму, что остается до его прибытия в Рим. (*14 марта* деликатная Д.М. Иванова пишет крайне удивленному и смущенному такой неожиданной «жертвой» Гревсу, что сама советовала мужу «остаться еще в Риме и спокойно переписывать дальше свою работу»).

11 марта Иванов телеграфирует Л.Д. Шварсалон: «Останусь в Риме, если Вы приедете немедленно». Ответ *в тот же день*: «Приезжаю сегодня в полночь».

12-15 марта происходит тайное (она уезжала из Флоренции под предлогом срочной поездки в город Нерви, он объяснил квартирной хозяйке свое трехдневное отсутствие археологической командировкой в пригород Витербо) любовное свидание Иванова и Л.Д. Шварсалон в Риме: «Наш первый хмель, преступный хмель свободы / Могильный Колизей / Благословил: там хищной и мятежной / Рекой смесились бешеные воды / Двух рухнувших страстей». «Они не расставались ни на один час. Гуляли по любимым, сразу становившимися памятными местам; жили в какой-то случайной гостинице. Когда она уехала, он почувствовал себя изгнанным из чудесной страны» (О. Дешарт со слов Иванова).

16 марта к вернувшейся из Рима Л.Д. Шварсалон неожиданно приходит Д.М. Иванова. После часовой, очень напряженной беседы с ней Л.Д. Шварсалон остается в убеждении, что жена Иванова «почти уверена в истине», – и тут же сообщает об этом в Рим. Иванов приходит в «ужас» от сознания трагичности сложившейся ситуации, в отчаянье бродит по городу, заходит на кладбище Campo Verano и «припадает к земле», переживая момент некоей «пантеистической эпифании», сообщившей ему «нищиеанское» ощущение своего существования «по ту сторону добра и зла». В *последующие дни* он испытывает творческий подъем, торопясь завершить диссертацию, которая мешает ему «писать задуманный цикл песен» (письмо к Л.Д. Шварсалон от *19 марта*). Упомянутым циклом песен явились «Песни Дафниса» («Цикады», «Испытание», «Весна», «Гроза», «Аполлон влюбленный»). В эти дни создаются также стихотворения «Персть», «В Колизее», «Золотое счастье».

23 марта в Рим приезжает Гревс и останавливается у Иванова на via Palestro. Он передает другу письмо В.Г. Васильевского с предложением университетской кафедры и спрашивает его мнение. Иванов, благополучно разрешив сомнения Гревса насчет открывающейся ученой карьеры, оставляет того в неведении относительно собственных обстоятельств.

Между тем, *24 марта* Л.Д. Шварсалон сообщает, что «по письмам из России» она пришла к выводу о невозможности на будущую зиму «пристроиться к порядочному русскому театру» и, потому, с отъездом Ивановых из Флоренции в Россию, любовников ожидает год разлуки. В связи с этим она торопит Иванова с возвращением во Флоренцию, надеясь, что присутствие И.М. Гревса даст ей возможность вновь беспрепятственно бывать у Иванова в последние (как ей казалось) дни перед расставанием: «Я только и мечтаю, что о тех вечерах, которые, благодаря присутствию Гревса сделаются

опять возможными. Я буду сидеть в своем уголке на диване, а ты рядом, и мы будем так близко друг к другу».

25 марта Иванов, отвечая на это письмо, писал: «Я иду ночью рядом с Гревсом, и мы тихо беседуем, и я кажусь одинаково с ним настроенным, но как бы удивился он, если бы заглянул мне в душу. Она бесконечно напряжена, она вся трепещет, она расширяется, как широкое звездное небо, мерцающее над нами, и всецело отражает его в себе; я чувствую себя богом, несущим в себе весь мир с необъятной силой, с необъятным страданием, с необъятным счастьем, – и в средоточии моего мира я несу и лелею один милый златокудрый облик». Однако, когда к концу марта Иванов практически завершает работу над диссертацией, дела продолжают удерживать И.М. Гревса в Риме.

30 марта Иванов писал Л.Д. Шварсалон, что «И<ван> М<ихайлович>, несмотря на все мои убеждения, лелеет крайне неприятный для нас план остаться в Риме один до 10 <или> 12 числа, а потом посвятить во Флоренции дружбе три полных дня».

4 апреля Иванов уезжает во Флоренцию, а Гревс, переехав в гостиницу (?) на via dei Burrò, 145, прожил в Риме, интенсивно работая в библиотеке Немецкого археологического института, вплоть до Великого Четверга, пришедшегося в этот год на 11 апреля (русское 29 марта).

12 апреля он остановился во Флоренции в гостинице Casa Nardini (Borgo SS. Apostoli, 17), а на Пасху, 1/14 апреля – был у Ивановых. Именно на эти (пасхальные!) дни приходится разрыв супругов Ивановых. Иванов «во всем покаялся жене, сказал, что в Лидию влюблен безумно, оторваться сразу от нее не в его силах, но он надеется, что со временем “наваждение пройдет”. Он попросил Дарью Михайловну не разъезжаться, жить вместе как брат с сестрою. В ответ на такое предложение он получил решительный отказ и заверение от Дарьи Михайловны, что она готова дать ему немедленно развод. Он ее уговаривал повременить: “Ведь вовсе еще и неизвестно, чем кончится это демоническое увлечение”. Но Дарья Михайловна настаивала на своем...» (О. Дешарт, со слов Иванова). Все это происходило в апреле, уже после того как свидетель семейной драмы Ивановых И.М. Гревс «в очень запутанном состоянии» вернулся из Италии в Париж к завершению каникул в Национальной библиотеке (16-го апреля). Еще до его отъезда супруги разъехались: до начала мая Иванов жил во Флоренции на via degli Alfani, 49.

До 30 апреля Д.М. Иванова получила из российского посольства отдельный паспорт и вид на жительство, дающий право на пребывание за границей и на возвращение в Россию, и 2 мая, в сопровождении дочери, завершившей школьный год с четырьмя медалями, и американки Bessy, очень поддержавшей подругу в эти дни, выехала из Флоренции в Берлин. Навстречу из Москвы в Берлин выехала ее мать, теща Иванова А.Т. Дмитриевская. Перед отъездом Д.М. Иванова неожиданно попросила мужа записать ей на память все стихи, сочиненные им за десять лет их совместной жизни. Иванов заполнил текстами два альбома и отдал жене в качестве «прощального подарка». Что же касается Л.Д. Шварсалон, то она, напуганная всем происходящим, на эти

недели покинула Флоренцию и перебралась в Париж, где, по выражению Гревса, ее «приняла под свою опеку тетя Саша» (А.В. Гольштейн).

9 мая Иванов, независимо от жены, прибыл в Берлин и до 16 мая «вел переговоры» с тещей (которая, помимо прочего, тут же сообщила ему все московские слухи о скандальных подробностях развода четы Шварсалонов), после чего все отправились в Москву.

5/18 мая Ивановы и А.Т. Дмитриевская были в Варшаве, и Иванов, рассказывая об этом в письме к Л.Д. Шварсалон (вернувшейся к этому времени из Парижа во Флоренцию), отмечал: «Границу <России> переступил я не без радостного волнения». Свидание с родиной после девятилетнего отсутствия, впрочем, было у него очень кратким – *менее двух недель*, которые он провел в Москве, общаясь с тяжелобольной матерью, жившей у А.Т. Дмитриевской. По общему решению, от Александры Дмитриевны скрыли истинное положение дел в семье сына. К тому же, *в эти «московские» дни* произошло частичное примирение супругов: Иванов заявил, что отныне у него «две жены», а Дарья Михайловна согласилась «делить» мужа с Л.Д. Шварсалон, полагая, что Иванов «человек благородный и гениальный, и что ему, как гению, нужны особые условия счастья» (о чем она тогда же писала в Париж И.М. Гревсу).

19 мая / 1 июня Иванов приехал в Берлин и вызвал туда для объяснений Л.Д. Шварсалон. Свидание любовников вышло крайне тяжелым: статус «второй жены» Л.Д. Шварсалон сочла оскорбительным и уехала в «полупомешанном отчаянии» в Париж к Гольштейнам и Гревсу, а Иванов написал жене в Москву, что его окончательный возврат в семью «возможен и весьма вероятен». Тем временем обнадеженная Д.М. Иванова передала в Москве альбомы со стихами Иванова В.С. Соловьеву и 1/14 июня встретилась с великим философом лично.

На следующий день, 2/15 июня она в письме поздравила мужа «с gloria» и подробно описала вчерашнюю встречу, дословно передав слова Соловьева: «Стихи великолепные, я их читал с большим удовольствием, в них столько содержания. <...> Лучше издать их отдельной книгой – они произведут цельное впечатление <...> Сборник заметит критика, я напишу в нескольких журналах рецензию. <...> Если желаете, я постараюсь найти издателя». Тем не менее, Иванов медлил с возвращением в Россию и не прекращал переписку с Л.Д. Шварсалон. Это и решило исход дела: не дождавшись мужа, Д.М. Иванова с дочкой уехала в Ялту, к брату А.Д. Дмитриевскому, который, глубоко оскорбленный поведением своего бывшего друга, решительно настаивал на расторжении брака. По-видимому, в Ялту тогда же приехал безнадежно влюбленный в Дарью Михайловну все «итальянские» годы М.Н. Крашенинников.

7 июля Иванов получил от жены письмо, в котором она извещала, что требует от него развода, чтобы выйти затем замуж за Крашенинникова. В тот же день Иванов написал о своем неожиданном «освобождении» Л.Д. Шварсалон, а 15 июля сам приехал в Париж для «окончательного объяснения» с ней.

В ночь на 16 июля (годовщина их первой беседы в Колизее!) Иванов встретился с Л.Д. Шварсалон в Булони, в ее квартире на rue de Paris, 180 и они «окончательно воссоединились». *Несколько дней спустя* Иванов отослал в Ялту формальное согласие на развод с женой.

В июле-августе Иванов и Шварсалон живут в Булони, изредка выбираясь в Париж для встреч с Гревсом и посещения салона Гольштейнов на улице Ваграм, а затем уезжают в Forêt (Бретань, Concarneau). *В конце августа* Иванов получает письмо из Петербурга от М.Н. Крашенинникова (которому Д.М. Иванова поручила вести дело о разводе) с просьбой «ускорить совершение delle relative formalità, насколько они зависят от Вашего содействия», но отвечает на эту просьбу уклончиво: «Не могу удовлетворить Вашего интереса какими бы то ни было соображениями о принимаемых мною по делу с женой решениях».

Между тем, 16/29 августа Д.М. Иванова вернулась из Ялты в Москву, устроила дочь в приготовительную школу Е.А. Кирпичниковой на Остоженке и 20 августа / 2 сентября приехала в Петербург для начала бракоразводного процесса. Ожидая мужа, она посетила в Царском Селе В.С. Соловьева, вновь передала ему альбомы со стихами и договорилась о встрече философа с Ивановым.

В первых числах октября Иванов через Париж (где он захватил с собой заверченный текст диссертационного сочинения) и Берлин едет в Петербург для участия в бракоразводном процессе. 6/19 октября он останавливается в меблированных комнатах на Почтамтской улице, 13. 7/20 или 8/21 октября он был формально засвидетельствован в полиции как «прелюбодей», а затем, 9/22 октября... был представлен Д.М. Ивановой в гостинице «Англетер» В.С. Соловьеву, «с которым обсуждал возможности литературной карьеры».

В эти же дни его «соперник» М.Н. Крашенинников пытался устроить Иванову магистратуру в Петербургском университете, однако, в отсутствие докторского диплома, к магистерскому экзамену Иванова не допустили, посоветовав, впрочем, «заменить немецкую “промоцию” <...> экзаменом в весенних филологических комиссиях», который давал кандидатский диплом и право как магистрирования, так и преподавания в России.

11/24 октября Иванов сообщает Л.Д. Шварсалон, что «обстоятельства требуют от него безотлагательного решения»: либо остаться в Петербурге «для устройства своей научной и литературной карьеры» и получения постоянного заработка, либо – ехать за границу «для завершения своих тамошних дел», надеясь на ее «дружбу» (т.е. – материальную поддержку). Л.Д. Шварсалон гарантирует свое безраздельное участие в устройстве судьбы любимого человека, и 20 октября / 2 ноября Иванов уезжает из Петербурга в Берлин (через Москву, где он повидал умирающую мать – это было их последнее свидание – и дочь). В Берлин он прибыл утром 8 ноября.

9 ноября Иванов нанес визит О. Гиршфельду, который встретил его очень доброжелательно и согласился стать вторым рецензентом на защите, при условии, что первым рецензентом (и, соответственно, экзаменатором) Ивано-

ва будет Т. Моммзен. В *тот же день* Иванов был у Моммзена, который не возражал против оппонирования.

10 ноября Иванов вновь посетил О. Гиршфельда, вместе с которым выбрал главы для официального диспута в качестве печатного диссертационного текста.

К *16 ноября* Иванов «окончательно законтрактовался» в Берлинском университете: внес 180 марок оплаты за докторантуру, был занесен в книгу докторантов и получил официальное разрешение на привлечение на защиту Т. Моммзена в качестве главного оппонента. Однако необходимо было еще восстановить в канцелярии университета утраченное выпускное свидетельство 1891 г., составить для сопровождения диссертационного текста латинское прошение декану и жизнеописание, а сам текст отдать в печать. Разлука с Л.Д. Шварсалон все более тяготила Иванова.

20 ноября он пишет стихотворение-воспоминание о поездке в Бретань – «Между двух мерцаний бледных...».

29 ноября, уладив все формальности и простившись с О. Гиршфельдом, Иванов покидает Берлин. По совету «Meister'a» он увозит с собой свежеприобретенные 5 томов «Римского государственного права» Т. Моммзена, без досконального знания которых было опасно выходить на дискуссию с «Altmeister'ом». *4 декабря* Иванов приезжает в Париж, где Л.Д. Шварсалон (именовавшая уже себя в частном общении девичьей фамилией – **Зиновьева**) сняла для них квартиру в доме № 63 на rue de Passy. В декабре они живут достаточно уединенно в обществе детей и компаньонов. Иванов штудирует «Staatsrecht» Моммзена и пишет пространный полемический разбор присланной из Петербурга рукописи очерка И.М. Гревса «Аттик». Вечером *31 января* Иванов получает из Берлина письмо от О. Гиршфельда, в котором сообщается, что оба оппонента (Т. Моммзен и сам Гиршфельд) дали положительный отзывы на его диссертацию.

1896

1896 – Время с января до апреля Иванов вместе с Л.Д. Зиновьевой и ее детьми проводят в Париже. Живут они замкнуто, круг их общения формируется из близких им посетителей салона Гольштейнов. Это обуславливается тем, что в бракоразводном процессе супругов Шварсалон оглашение «прелюбодейной связи» Л.Д. Зиновьевой (находящейся в это время на последних месяцах беременности) может дать весомые аргументы противной стороне для решения вопроса о проживании детей. К тому же «параллельно» (!) в России идет и бракоразводный процесс самого Иванова с Д.И. Ивановой. Поэтому Иванов и Зиновьева вынуждены жить на два адреса – в Пасси и Булони (последний, по которому проживают дети и домочадцы – «засекречен», и даже ближайшие друзья не могут по нему делать визиты без предварительного согласования с хозяевами). Иванов продолжает готовиться к докторскому диспуту с Т. Моммзеном.

3 февраля он сообщает И.М. Гревсу, что защита его диссертации назначена на июнь и приглашает друга в Берлин, «украсить собой диспут» и познакомится с *maestri* (Моммзеном, Гиршфельдом и другими). Помимо того в это время Иванов перечитывает Ницше, несомненно проецируя его «этику сверхчеловечества» на собственные жизненные обстоятельства.

22 февраля он читает у Гольштейнов «конференцию о Ницше», которая вызвала настоящий переполох среди собравшихся там «честных русских интеллигентов». «Теперь мы с Ивановым будем спорить жестоко и часто», – сообщила в Петербург И.М. Гревсу А.В. Гольштейн 24 февраля.

Между тем события в личной жизни Иванова приобретают драматический характер. В апреле в Москве умирает А.Д. Иванова, которой так и не сообщили о разрыве сына с первой женой и его новой семейной связи. Иванов получил телеграмму о смерти матери в Париже и на следующий день заказал панихиду в православном храме св. Александра Невского. Во время службы Иванов испытал потрясение, воскресившее в нем память о детской религиозности: «Церковь была для него связана с образом матери и неизменно присутствовала в душе его и в период религиозного бунта <...> Он стоял без нее в “Божьем доме” на чужбине. Чувствовал ее живое присутствие полнее, глубже, чем раньше». Неизвестно, был ли Иванов в Москве на похоронах; после похорон А.Т. Дмитриевская продает московский дом и переезжает с дочерью и внучкой в Харьков, сознательно ограничивая общение Иванова с последними только своим (эпистолярным) посредничеством.

28 апреля в Париже у Иванова и Зиновьевой рождается дочь Лидия (которая из-за специфики гражданского положения родителей не была крещена и не получила при рождении никаких официальных документов).

24/31 мая «Определением Санкт-Петербургского Епархиального начальства» был расторгнут брак супругов Ивановых «по причине доказанного прелюбодеяния Вячеслава Иванова Иванова <...> с воспрещением ему <...> навсегда вступать в новые браки и преданием его <...> семилетней церковной эпитимии». Все это делало фигуру «ницшеанца» Иванова одиозной даже в глазах его ближайших друзей. «Иван<ова> вижу часто, не очень его люблю и очень опасно думаю о дальнейшей судьбе Лидии, – писала И.М. Гревсу А.В. Гольштейн 23 апреля. – Знаете, под великим секретом сообщу окончательное впечатление об Ив<анове> – он человек не нашего общества и этим, я думаю, очень, очень многое объясняется и в его поведении, и в том впечатлении, кот<орое> он производит. C’est souvent agassant: son français est trop correct, его поклоны слишком низки, его сюртуки слишком по талии и проч., и проч. А что слишком совсем, – это его чудовищный эгоизм». В конце концов, Иванов и Зиновьева на некоторое время прекращают общение с Гольштейнами. «...Мы с Вами глубоко расходимся <...> во взгляде на любовь, – писала Зиновьева А.В. Гольштейн. – Для меня она священна, Божество, которому я молюсь. Божество, для которого у меня в душе и уме есть целая сложная религия. Для Вас что она? Вы отделяете страсть от дружбы, amour от affection. Для Вас страсть презренна. Для меня она так же свята, как и дружба».

В мае-начале июня Иванов приходит к выводу, что из-за катаклизмов в личной жизни он не готов к докторскому диспуту, и вновь обращается (письмом) к О. Гиршфельду с просьбой о переносе защиты.

17 июня Гиршфельд посылает Иванову ответ, в котором сообщается, что, принимая во внимание исключительный повод для переноса защиты (смерть матери), декан разрешил докторанту защищаться в ноябре, при условии, что этот срок – последний и далее защиту уже нельзя будет переносить ни при каких обстоятельствах. Помимо того, Гиршфельд обращал внимание ученика на появление новых трудов по теме диссертации (конкретно – на монографию Ф. Книпа «Общества публиканов», вышедшую на латыни в Вене), осложняющих его положение докторанта-соискателя.

В первых числах июля Л.Д. Зиновьева, оставив в булонской квартире детей на попечение своих компаньенок и кормилицы, уезжает к заболевшему отцу в Gryon (Швейцария). Иванов остается в Париже, куда *тогда же* приезжает И.М. Гревс, продолжающий работать над очерком «Аттик». Иванов, регулярно встречаясь с ним в Национальной библиотеке, вновь консультирует его, подробно разбирая новые фрагменты. С первых дней по прибытию в Париж Гревс очень обеспокоен отчуждением Иванова от круга Гольштейнов и *4 июля*, очень осторожно, пытается в разговоре с Ивановым уяснить для себя новую «расстановку сил». Помимо Гревса, *в июле* Иванов встречает в Национальной библиотеке М.И. Ростовцева. Здесь же – знакомый Иванова по студенческим берлинским годам А.Н. Щукарев, состоящий теперь приват-доцентом по кафедре всеобщей истории Петербургского университета. Последний, столкнувшись с Ивановым в библиотеке *11 июля*, нехотя рассказал, что виделся с Д.М. Ивановой на докторском диспуте М.Н. Крашенинникова (*5/18 ноября 1895 г.*) в Петербурге, – и затем нанес ей визит. По поводу семейного положения Иванова недоумевал и Ростовцев, пытавшийся расспросить Гревса об истинности распространяемых в петербургских и московских университетских кругах скандальных слухов о чете Ивановых. Общение с М.И. Ростовцевым *в эти недели* вызывало у Иванова тем более двусмысленные переживания, что тот активно работал над диссертацией «История государственного откупа в Империи (от Августа до Диоклетиана)» (будет защищена в Петербургском университете весной 1899 г.), т. е. оказывался «научным конкурентом» Иванова. Тем не менее, Иванов сохранял доброжелательные отношения с Ростовцевым и несколько раз наносит ему визиты, во время которых они подробно обсуждают их «общую» тему откупов в Древнем Риме.

В конце июля Иванов уезжает к Л.Д. Зиновьевой в Gryon, приняв предварительно конспиративные меры в отношении К.С. Шварсалона, который начал добиваться личного свидания с женой и детьми (ему была сообщена неверная информация о месте проживания семьи в Швейцарии).

Осенью Иванов и Зиновьева возвращаются в Париж, где Иванов переносит рецидив малярии, из-за которого не смог добраться до Берлина в оговоренный срок *в ноябре*. Он вынужден был отослать в Берлинский университет письмо с приложенным сертификатом, удостоверяющим «уважительную при-

чину» его опоздания. Иванов отправился в Берлин только *во второй половине декабря и 18 – го* был на месте.

19 декабря он наносит визит декану философского факультета, который предложил ему экзаменоваться во время заседаний факультета в январе грядущего года (окончательная дата должна была быть определена в первых числах января 1897 г., после утверждения расписания занятий на новый семестр). В *тот же день* Иванов был у О. Гиршфельда, где обсуждал издание диссертации.

20 декабря, в субботу, Иванов вновь был у Гиршфельда, у которого вчера забыл зонтик. Тем не менее, этот случайный визит в «неурочное» время был отмечен большой и важной беседой, в ходе которой Гиршфельд настоятельно советовал Иванову немедленно переговорить с главным оппонентом – Т. Моммзеном.

22 декабря Иванов приходит к Моммзену, который неожиданно встречает его с недоброжелательностью, заявив, что за давностью уже не помнит ни работы диссертанта, ни своего отзыва о ней. В конце концов, Моммзен согласился «перечитать» диссертацию и собственный отзыв, для чего поручил Иванову попросить декана доставить рукописи из университета ему на дом. Гиршфельд, к которому Иванов зашел после Моммзена, несколько ободрил ученика, упавшего духом. *Последние дни года* Иванов проводит в Берлине, в томительном ожидании «решающей встречи» с главным оппонентом и окончательного утверждения сроков защиты.

28 декабря он пишет сонет «Полет», обращенный к Музе: «Простри же руку мне! Дай мне покинуть брег / Ничтожества, сует, страстей, самообманов!».

Утром *29 декабря*, после прогулки по Тиргартену он пишет в Париж Л.Д. Зиновьевой: «В последние дни, милая радость, не работается мне. Мозг мой испытывает прямо страдание от пассивного усвоения навязываемой ему научной пищи. <...> Читать для меня стало невыносимо трудно. О, если бы спал с плеч моих этот нелепый, детский, мелочный, нервы раздражающий экзамен! Это маленькое, маленькое препятствие моему благополучию, ничтожный камешек в обуви, который делает, однако невыносимым существование! Как это комично, я знаю сам, потому что сознаю себя бесконечно выше требуемого экзаменом научного уровня; но и страшно вместе, потому что я никак не могу опуститься до него...».

1897

1897 – 1 января Иванов пишет Зиновьевой, что Новый год он встречал «один с научными книжками» и ее «дорогим портретом» на рабочем столе.

2 января Иванов сделал поздравительный визит О. Гиршфельду, думая только оставить визитку. Однако Гиршфельд, паче чаяния, принял его, был «очень мил» и посоветовал ученику «идти к Моммзену только в понедельник и, по вопросу об экзамене, просто сказать ему: “Wie soll ich dem Dekan sagen, ob Sie oder Prof. Hirschfeld mich prüfen werden?”». Однако в понедельник,

4 января Моммзен ушел до вечера в библиотеку, и встреча с ним состоялась лишь на следующий день.

5 января. Во время беседы Т. Моммзен прямо сообщил Иванову, что диссертацией он недоволен и, по его мнению, для того, чтобы ликвидировать «недостатки в структуре» необходимо еще «несколько лет» работы. Тем не менее, он согласился быть экзаменатором докторанта и даже дал записку, разрешающую соискателю ознакомиться с его отзывом, уже отправленным на факультет. «Обескураженный» Иванов бросился в университет и, несмотря на то, что отзыв Моммзена оказался не однозначно отрицательным («Работа господина Иванова <...> показывает владение богатым материалом <...> тщательное использование филологической литературы, самостоятельное мышление и, наконец, способность изложить разрозненный материал на правильной, хотя и не всегда легкой, а зачастую и вычурной латыни. Однако, с другой стороны, я должен сказать, что автор переоценил свои силы и в целом ряде случаев не справился с очень большими трудностями избранной задачи»), решил вновь просить о переносе защиты – *с января на февраль*. О. Гиршфельд, также весьма озабоченный сложившейся ситуацией, тут же рекомендует ему новую, дополнительную порцию научной литературы для подготовки к дискуссии, ибо теперь уже нет никакой уверенности, что «Altmeister» явится на защиту «mit dem guten Vorurteil».

На *русский Новый год (13 января)* к Иванову в Берлин, проездом из Парижа в Петербург (куда ее звали срочные дела по бракоразводному процессу), на несколько дней приезжала Л.Д. Зиновьева (около *2/15 января* она была уже в Петербурге). Зиновьева предложила Иванову переселиться в Берлин всей семьей до завершения «промоции», однако того немецкая столица, – после Рима и Парижа – начинает раздражать («О жалкий, богами отверженный Север, когда я покину тебя? <...> Жить здесь ради здешней филологии – слишком большая жертва»).

16 января Иванов посещает берлинскую книготорговую фирму S. Calvary & Co, чтобы узнать условия публикации диссертационного сочинения. Цена, которую хозяин потребовал от Иванова à fond perdu (безвозвратно, в качестве предоплаты) оказалась очень велика – от 300 до 500 марок, т.к. «юристы и экономисты не читают по-латыни» и ждать активной продажи не приходилось. Тем не менее, вплоть до *начала февраля* Иванов продолжает упорно готовиться к диспуту. И только с возвращением из Петербурга Л.Д. Зиновьевой он приходит к решению отказаться от защиты. «Мне оставалось явиться на экзамен, который, по уверениям Гиршфельда и по намеку самого Моммзена, был бы простою формальностью; Гиршфельд убеждал меня также по получении докторской степени “габилитироваться” в германии приват-доцентом. Но на испытание мне никогда не суждено было предстать: ревностное изучение специальных исследований и толстых книг, вроде «Государственного права» Моммзена, не обеспечивало меня от возможности промахов в ответе на какие-нибудь вопросы порядка элементарного, а мое самолюбие с этой возможностью не мирилось. Да и не тем уже в то время сердце полно было», – рассказывал сам Иванов. Возможно, на это решение повлияли неблагоприят-

ные новости о бракоразводном процессе Зиновьевой, который обещал быть крайне напряженным из-за непримиримой позиции занятой К.С. Шварсалон. «...Человек, женившейся на девушке с состоянием для того, чтобы на ее средства содержать любовниц, – писала о бывшем муже Л.Д. Зиновьева, – <...> человек, который на деньги жены, но на свое имя купил себе дом и имение и с грубыми угрозами выгонял из дому жену, не давая ее паспорта и <...> грозясь лишить ее права на детей, человек, распространявший слухи о помешательстве своей жены и в Канц<лярии> Прош<ений> называвший ее социалкой, человек, писавший на жену и на друга И.М. Гревса фальшивый донос, и не считая еще массу подлостей и низостей отказывающийся дать развод, когда жена просит себе свободы от порабощающих уз брака, отказывающийся несмотря на <...> торжественное письменное обещание, данное мне, своей жене <...> подобный человек – подлец и негодяй».

Февраль-июль Иванов и Л.Д. Зиновьева с детьми и домочадцами живут в Париже, на двух квартирах в Булони и Пасси, соблюдая предельные правила осторожности.

В августе-сентябре Л.Д. Зиновьева живет в Женеве у больного отца, а Иванов с детьми – на юге Швейцарии в Montée, куда Зиновьева приезжает тайно. Иванов начинает заниматься с Верой и Сергеем Шварсалонами по программе парижского лицея.

В 13/26 сентября в Петербурге начинаются заседания консистории по разводу супругов Шварсалон.

В октябре К.С. Шварсалон явился к шурина А.Д. Зиновьеву с предложением добровольного согласия на развод с его сестрой, при условии обеспечением капиталом, дающим ежегодно 2000 рублей ренты. Л.Д. Зиновьева отправляет из Montée телеграмму брату в Петербург с просьбой не соглашаться на эти условия. После этого, ввиду того, что процесс неизбежно затянется и опасаясь провокаций со стороны К.С. Шварсалона, Иванов и Зиновьева решают не возвращаться в Париж, а переехать на зиму в уединенную горную деревню Agenzano, в семи километрах от Генуи (Италия). Парижские квартиры они оставляют и, сообщив свой новый адрес только ближайшим знакомым, уезжают в эту «еще неизвестную иностранцам» область итальянской Ривьеры.

В ноябре Иванов и Зиновьева «делали вдвоем un giro (экскурсию – Ю.З.) по верхней Италии», посетили Ассизи, который произвел на них огромное впечатление (мистические переживания, связанные с Умбрией запечатлены в программном стихотворении «Красота») и вновь побывали во Флоренции.

Зиму 1897/ 1898 гг. они живут в Agenzano, где Иванов обучает Веру и Сергея Шварсалон по программе парижского лицея. «Что касается нашей жизни, мы очень счастливы и довольны тем, как она сложилась. Местечко наше совсем полудикое: никого нет. Тишина и море и вся красота упоительная Генуэзского залива с амфитеатром Генуи по холмам вдаль – лежит перед нами, видимая с нашей горки, где наша вилла, через серую рощу олив. Занимает верхний этаж виллы одинокого офицера, порядочного негодяя, как и большинство здешнего народа, mal famé, впрочем, издревле. Зато мы одни, в

каждое окно глядят оливы, море и небо, и еще на крыше большая итальянская терраса. Часы нашего дня распределены строго. Все утро с 10 ч. В<ячеслав> посвящает детям, образование которых взял на себя. До 10 ч. и после 2-х мы имеем оба на наш собственный труд, и ничто внешнее в этом отшельничестве не отрывает нас от него. Прогулка наша всегда к морю, где читаем у самых волн на камнях». Впечатления от панорамы Генуэзского залива отражены в стихотворении «La Superba».

1898

1898 — В *январе-мае* Иванов и Зиновьева с детьми и домочадцами живут в Агензано и ведут уединенный и размеренный образ жизни.

В *феврале* Иванов сообщает И.М. Гревсу, что «центр тяжести» в его занятиях «снова наклонился к научному полюсу» (возможно, речь идет о последней попытке выйти на защиту в Берлине, ибо в зимний семестр 1897/98 гг. он еще числился в списке докторантов Берлинского университета).

В *июне* Иванов и Зиновьева, оставив детей на попечение «девушек», едут в Петербург. Эта поездка была вызвана новым ходатайством К.С. Шварсалона о расторжении брака в его пользу (и, соответственно, с передачей ему детей) — по причине «душевной болезни» жены, проявившейся в *idée fixe* освобождения от уз брака и в болезненно-ожесточенном настроении против мужа (Шварсалон указывал на освидетельствование как душевнобольного тестя Д.В. Зиновьева). Л.Д. Зиновьева представила в консисторию медицинские и специальные психиатрические свидетельства о своей дееспособности, после чего вопрос был исчерпан. В Петербурге Иванов часто видится с И.М. Гревсом. Зиновьева живет с матерью в Копорье, но в Петербург наезжает часто и принимает участие в их беседах, в частности — о понимании любви у Шопенгауэра и В.С. Соловьева.

С последним Иванов и Зиновьева, по всей вероятности, виделись лично и, под впечатлением от беседы с ним, Зиновьева *27 июня / 10 июля* уезжает в Киев для посещения Киево-Печерской лавры в знак своего примирения с православной Церковью. В Киеве она встречалась с С.И. Алымовой, и, в частности, прочла новый сонет Иванова «Мы два грозой зажженные ствола...». Алымова просила назвать это стихотворение «Любовь» (что и было сделано).

Иванов оставался в Петербурге до *конца июля*, возобновив научные занятия по истории землевладения в Древнем Риме (он использовал для этого книги из библиотеки Гревса, часть из которых затем забрал с собой). Помимо того, он всерьез задумывается над изданием в России «своего *volume de vers*» (будущей книги стихов «Кормчие звезды»), однако эти планы были отложены из-за «жажды дополнений и усовершенствований». Из Петербурга Иванов уезжает в Москву, куда должна вернуться после своего паломничества Л.Д. Зиновьева. Из Москвы, через Вену и Милан (где они посетили монастырь Санта-Мария Дела Грация, на стене трапезной комнаты которого поме-

щается фреска Леонардо да Винчи «Тайная Вечеря») Иванов и Зиновьева возвращаются в Agenzano.

В начале осени они строят планы переезда во Флоренцию или Рим (прежде всего, из-за необходимости школьных занятий для детей), однако, получив извещение от И.М. Гревса, путешествовавшего в июле-августе по Италии, о неутихающих сплетнях, с которыми тот столкнулся в Риме, решают остаться в «полудиком местечке» под Генуей.

В начале ноября Иванов подробно разбирает увезенную им из Петербурга диссертацию Гревса. Из-за того, что бракоразводный процесс Шварсалонов «благополучно пройдя первую стадию, вступает в следующие две – еще более опасные, чем первая, так как даже слухи могут быть теперь приняты в расчет», Иванов планирует временно расстаться с семьей «на критическое время», переехать в Берлин и «сконцентрироваться на заботе об экзамене». Однако эти планы не осуществились. В Agenzano он и Зиновьева с детьми провели вместе второй *осенне-зимний сезон*. В это время в России, в № 9 журнала «Вестник Европы» (*сентябрь*) стараниями В.С. Соловьева появляется стихотворение «Дни недели», а в № 12 журнала «Cosmopolis» (*декабрь*) – стихотворение «Тризна Диониса». Это – дебют Иванова-поэта в отечественной периодике.

1899

1899 – Зимние месяцы Ивановы проводят в Agenzano. В это время в Петербурге начинаются студенческие волнения в ответ на запрет празднования дня открытия Университета – *8/21 февраля* и опубликование «Временных правил» внутреннего распорядка, ущемляющих свободу учащихся. В знак солидарности со студентами отказались проводить занятия профессора И.М. Гревс и М.И. Ростовцев – друзья Иванова. Сам он в это время занят иными материями.

В начале марта сюда приходит извещение от А.Д. Зиновьева о завершении в Петербурге бракоразводного процесса в пользу Л.Д. Зиновьевой. Поскольку надобность в «конспирации» исчезла, Иванов и Зиновьева решают перевезти детей на лето в Неаполь, а самим ехать в Петербург, где хлопотать о «легализации» их семейной жизни (Зиновьева была уже вновь беременна).

В середине марта они останавливаются на вилле Faraone, в Ресине, близ Неаполя, а в *конце марта*, через Вену – едут вдвоем в Петербург.

В апреле-июне в Петербурге делятся «хлопоты и совет практический... с адвокатами» («выигрышные» условия развода Лидии Дмитриевны с К.С. Шварсалоном были действительны лишь до заключения ею второго брака; разведенный по факту «прелюбодеяния» Иванов не мог вступить в новый брак своей волей, но только по разрешению «обиженной стороны»). *В первые недели* Иванов проживал в меблированных комнатах на Караванной, 28, а Зиновьева – в Копорье у больной матери, бывая в Петербурге наездами.

С мая Иванов и Зиновьева живут на Васильевском острове у знакомой Лидии Дмитриевны, ученицы И.М. Гревса М.М. Замятниной, работавшей то-

гда помощником библиотекаря на петербургских Высших Женских курсах. Когда становится ясно, что хлопоты по устройению семейных дел затягиваются, Замятнина, предоставив друзьям свою петербургскую квартиру, *во второй половине мая / начале июня* уезжает в Неаполь присматривать за их детьми.

30 мая / 12 июня Л.Д. Зиновьева пишет ей в Италию, что «дело наше благополучно дожидается счастливого часа. Но пока он, этот час, еще не настал, даже, напротив, прозвучала мрачная нота: умер тот самый поп устроитель в день, когда все должно было устроиться».

5/18 июня Иванов посылает в письме к Замятниной стихотворения «“Вечеря” Леонардо» и «Magnificat (картина Сандро Филиппи Боттичелли)».

В июне в № 6 «Вестника Европы» выходит подборка стихотворений Иванова «Четыре сонета» («На Миг», «Воспоминание», «Полет» и «Сны»). Тогда же Иванов ведет переговоры с заведующим Отделом классической филологии Журнала Министерства народного просвещения В.К. Ернштедтом о публикации своего перевода из Пиндара. *Во время этой поездки в Россию*, Иванов, согласно предварительной договоренности, попытался навестить В.С. Соловьева, проживавшего тогда под Петербургом в усадьбе С.А. Толстой Пустынька (ж/д. станция Саблино). Однако «в назначенный день он, хоть и старался все точно исполнить, но взял не тот поезд, слез не на той станции, пошел не по тем дорогам, которые ему были указаны. Проискал Пустыньку много часов безуспешно; наконец к ночи приблел на какой-то вокзал, взял первый попавший поезд и вернулся в город». Во время поисков Иванов вел мысленную беседу с философом и был уверен, что слышит его ответы телепатически. В ходе этого «солилоковия» Иванов пришел к убеждению в правоте утверждений Соловьева о том, что «Церковь есть таинство вселенской любви и свободного единения во Христе и адекватное познание тайны бытия возможно лишь в общении мистическом, т.е. в Церкви».

В начале июля Иванов и Зиновьева уезжают из России, рассчитывая обвенчаться в какой-нибудь заграничной греческой православной церкви, не связанной жесткой «синодальной» дисциплиной. 7 июля они прибывают в Берлин, затем едут в Лейпциг, а потом – в Венецию. Здесь им удастся договориться о венчании с греческим архимандритом, но русский консул потребовал у Иванова официальное разрешение о вступлении в новый брак, после чего венчание расстроилось, а несостоявшимся «новобрачным» пришлось «бежать ни с чем и отсюда, понапрасну разгласив здесь свое опасное дело».

17 июля, уезжая из Венеции, Иванов пишет М.М. Замятниной отчаянное письмо в Неаполь с просьбой проконсультироваться с тамошним греческим архимандритом относительно возможности их венчания. Однако по пути в Неаполь Иванов и Зиновьева остановились в Ливорно, где старый священник пожалел чету «скитальцев» и избавил Лидию Дмитриевну, бывшую к этому времени на восьмом месяце беременности, от участи во второй раз становиться матерью «незаконнорожденного» ребенка. «Свадьбу справили в маленькой греческой церкви Ливорно <...> где по греческому обычаю им, вместо русских брачных венцов, надели на головы обручи из виноградных лоз, обмотанных белоснежной шерстью ягненка. Эта особенность обряда, о кото-

рой они раньше не знали, их взволновала и обрадовала своей для них знаменательностью: именно в то время В<ячеслав> И<ванов> начинал приходить к убеждению, что не только еврейская, но и эллинская религия <...> является предтечей христианства, – “ветхим заветом язычников”. А виноградная лоза и белое руно пришли из культа Диониса» (О. Дешарт).

Не позднее 9 августа, «справив все бумаги», определяющие их статус законной супружеской четы, Ивановы вернулись в Неаполь. В это время в России указом министра народного просвещения Н.П. Боголепова от 24 июля / 6 августа был уволен из Петербургского университета и Высших женских курсов И.М. Гревс (Иван Михайлович называл это увольнение своим «университетским крахом» и был глубоко потрясен своим «отстранением от науки»). Тогда же, в августовской книжке «Журнала Министерства народного просвещения» выходит ивановский перевод I Пифийской оды Пиндара. Но Иванов в Италии поглощен семейными заботами.

17 сентября у Ивановых рождается дочь Елена, которую супруги окружают нежной любовью. К этому времени семья уже вернулась в Agerzano и готовилась к переезду из Италии в Англию, где «школы... лучше, чем где-либо в другой стране» и есть «прекрасные библиотеки для научной работы».

В первых числах октября Ивановы с новорожденной Еленой, Верой и Сергеем (Константин и Лидия присоединяться к родителям позднее) в сопровождении М.М. Замятниной отправляются на пароходе «Bayern» из Генуи в Соутгемптон, оттуда – в Лондон, где устраиваются в частном пансионе на Torrington Square, 15. Иванов начинает работать в библиотеке Британского Музея, где он «усердно собирал материалы для исследования религиозно-исторических корней римской веры во вселенскую миссию Рима». Между тем, из-за нерешенности вопроса о правовом статусе детей в виду «второго брака» Л.Д. Зиновьевой, семья продолжала «нуждаться в забвении, тишине и тайне». Для законопослушных обитателей «косного и неподвижного злчного острова, на котором пасется и дижерирует (жует жвачку – *Ред.*) упорно-выйный Джон Буль» окружающая Ивановых таинственность не могла не казаться предосудительной. В результате в начале ноября они были вынуждены съехать из пансиона на Torrington Square, хозяева которого оказались «подлецами» в квартиру на Endsleigh Gardens, 27. Здесь происходит трагедия: 9-10 ноября у маленькой Елены начинаются судороги – первые симптомы начавшегося легочного процесса, от которого 27 ноября она скончалась.

30 октября Ивановы похоронили дочку в Норвурде, «на очень красивом кладбище в окрестностях Crystal Palace <...> у самого алтаря греческой часовенки». Вслед за этой смертью, в ноябре-декабре в жизни семьи начинается «черная полоса» все дети переболели «злой инфлюэцией», а сам Иванов весь декабрь пролежал в жару. «Туманы, как желтая тюрьма, охватывают город, тусклые красные огни горят с утра и, как туман и страх и одиночество, охватывают нашу душу. Жизнь стала и как и когда двинется, кто знает», – писала 27 декабря Л.Д. Зиновьева А.В. Гольштейн.

1900

1900 – 4 января Л.Д. Зиновьева пишет в письме отцу: «...Нам плохо приходится здесь в Лондоне. Как ушла Еленушка, так стало все плохо. <...> Заболел Вячеслав и очень плохо: инфлуэнца напала на легкие и произвела катар легких. Доктор гонит со дня на день к морю на юг, но он не может еще двинуться, потому что скоро уж три недели, как лежит в жару. Ужасно страшно за него. Он очень изменился и ослаб». Однако к *7 января* – русскому Рождеству, совпавшему с сороковинами Елены – Иванов был уже на ногах и был на панихиде и на кладбище. *В это время* Зиновьева хлопочет об усыновлении подкидыша, найденного близ их дома, однако по английским законам иностранцы не могли выступать усыновителями и ребенок, названный Джорджем, был отдан в сиротский приют на Endell-Street.

В середине января Иванов и Зиновьева ездили на несколько дней в Брайтон (графство Суссекс), осматривать школу, куда они намеревались поместить Веру и Константина (Сергей к этому времени уже учился интерном в лондонской University College School на Gower Street, с директором которой Дж. Л. Пэтоном (Paton) Ивановы сблизились еще в первые месяцы пребывания в Англии). В конце концов, в *феврале* они устроили детей (также интерном) в Craigmore College (Wargrave on Thames, Berk.), а сами *в конце месяца* переехали из Лондона к морю, в Тинтажилль (Северный Корнуол). Здесь, вблизи замка короля Артура, связанного с легендой о Тристане и Изольде, Иванова посещает прилив поэтического вдохновения.

19 марта он посылает в письме к М.М. Замятниной стихотворение «На склоне», *29 марта* – стихотворения «Мгла» и «Голос моря», *10 апреля* – «Прилив», «Ступени волн», а также переработанное стихотворение «Закат над Искией». Помимо того в Тинтажиле Иванов начинает работать над трагедией «Ниобея» (не завершена). *12 апреля* на пасхальные каникулы в Тинтажилль приехали дети, которые пробыли здесь до «русской» Пасхи (*12/25 апреля*).

1/14 апреля в Петербурге должна была состояться докторская защита И.М. Гревса, превратившаяся в политическую акцию. Иванов, осведомленный о жизненных перипетиях друга М.М. Замятниной, пишет ей: «Завтра le grand jour! <...> Жду Вашего отчета, летописец Пимен! Да не разделят Гревса, учинив созвучного Загревса <...>, то есть не будет растерзан на части!... О, я понимаю не титанов факультета, которые, надеюсь, провозгласят его доктором, – а мэнад ваших курсов и корибантов студенчества, одним словом, исступленных сочувствующих». Скандальная защита, действительно, была перенесена, и Гревс получил ученую степень лишь месяц спустя, *21 мая / 3 июня*.

В мае для супругов стала очевидна необходимость летней поездки в Женеву и Петербург для представления Иванова родителям Л.Д. Зиновьевой и улаживания очередных семейных дел (прежде всего – крещения и формальной «легализации» дочери Лидии, пребывавшей все это время без документов, удостоверяющих личность и гражданство). Они договариваются с дирек-

цией крэгморской школы о том, что Вера и Константин остаются там на летние каникулы, и устраивают, – при содействии директора Пэтона – Сергея и Лидию в «почтенные» семьи в Хэмстеде (Лондон).

В начале июня Ивановы живут в Женеве у Д.В. Зиновьева. Вероятно, уже в эти дни был решен вопрос о переезде грядущей осенью, после возвращения из России из Англии в Швейцарию и достигнута предварительная договоренность о найме виллы Java, в Шатлене, неподалеку от Женевы.

6 июня они уезжают в Петербург. Здесь для них стараниями М.М. Замятиной уже приготовлена квартира в доме № 13 по Николаевской набережной. Иванов приехал в Петербург с рукописью книги стихов «Кормчие звезды», которую хотел, прежде чем отдавать в печать, показать В.С. Соловьеву. Помимо того, он хотел получить содействие Соловьева в издании «Антологии французских символистов», которую планировал составить вместе с А.В. Гольштейн (она переводила прозу – Вилье де Лиль-Адана, П. Лафорга, Ф. Жамма, Андре Жида, Иванов должен был сделать поэтические переводы Верлена и Маларме). Сборник Иванова Соловьев приветствовал («Печатайте скорее. А я статью напишу. Вас не поймут, надо объяснять») и одобрил название («Номоканон... Скажут, что автор филолог, но это ничего. Очень хорошо, очень хорошо»), а в деле с «Антологией» посоветовал обратиться в новое издательство «Знание», т.к. сам он «при всем своем желании ни в чем не мог помочь». Это была их последняя встреча: Соловьев уехал из Петербурга в Пустыньку, а оттуда – в Москву, куда приехал *14 июля* совершенно больным и, преодолевая недуг, *15-го* отправился в свое последнее путешествие, в подмосковное имение Трубецких Узкое. Что же касается Иванова, то он отдал рукопись «Кормчих звезд» в типографию А.С. Суворина и, без успеха посетив на предмет издания «Антологии...» редакцию «Знания», а также повидавшись с редактором «Мира Искусства» С.П. Дягилевым, уехал с женой в Копорье, где получил благословение от С.А. Зиновьевой, пробыл два дня и вернулся в Петербург не позже *13 июня*. Л.Д. Зиновьева осталась в Копорье с матерью.

В *июле* Иванов снял дачу в курортном пригороде Сестрорецк (дача Мансурова на Большой Канонерской улице): Ивановы планировали вызвать сюда из Англии детей.

31 июля в Узком после двухнедельной агонии скончался В.С. Соловьев. Иванов узнал об этом на следующий день, *1 августа*, вместе с гостившей в Сестрорецке М.М. Замятиной. Вечером, желая «иметь какое-нибудь слово от Вл<адимира> С<ергеевича>» он взял подаренную им книгу стихов и прочел открывшиеся ему строки: «Ярче светлого сна, наяву, / Вся долина в сиянье лежит. / Никого, никого я с собой не зову».

2 августа Иванов и Замятина едут в Петербург на панихиду, назначенную «во Владимирской церкви в 1 ч. дня». В Москве в это время состоялись похороны философа на Новодевичьем кладбище. *В этот день* написано стихотворение «Под древом кипарисным».

4 августа Иванов получает из издательства макет «Кормчих звезд» и начинает работать с ним в Сестрорецке. *6 августа* здесь написана еще одна соловьевская некрология – стихотворение «Вечная память». Все эти стихи вой-

дут в «Кормчие звезды». Таким образом, книга изначально стала видоизменяться: в состав сборника вносила коррективы сама жизнь. Л.Д. Зиновьева все это время оставалась в Копорье, поскольку «стала очень хворать». Оказалось, что она вновь беременна, причем беременность протекала с очень тяжелой токсикацией: «удушья и слабость такая, что лежу каждый день до завтрака в постели». Во второй *половине августа* Вера и Костя «с оказией» приехали из Лондона в Копорье. Л.Д. Зиновьева, уже несколько оправившаяся к этому времени от недомогания, повезла Костю на осмотр к петербургскому врачу, затем они заехали в Сестрорецк к Иванову и все вместе вернулись в Копорье ночью *19 августа*. Лето завершалось, и *в конце месяца* (по «русскому стилю») из Лондона, как и было договорено, навстречу родителям, двинулись Лида и ее опекунша Ольга Никитина. Однако запланированная в Париже встреча сорвалась: накануне отъезда, *7/20 сентября*, у Л.Д. Зиновьевой в Сестрорецке случился выкидыш, она была срочно доставлена в местную земскую больницу и прооперирована.

10/23 сентября Иванов шлет из Сестрорецка отчаянное письмо А.В. Гольштейн, в котором просит ее – в виду непредвиденных чрезвычайных обстоятельств – позаботиться в Париже о маленькой дочери и ее спутнице.

20 октября / 2 ноября Иванов пишет из Сестрорецка А.В. Гольштейн: «...За то, что Вы делаете для маленькой Лидии, и благодарить, как хотел бы, не умею...». Он сообщал, что больная идет на поправку и в ближайшее время они смогут покинуть Россию. Помня о совместном с А.В. Гольштейн плане издания «Антологии французских символистов» Иванов *за истекший месяц* списался с московским издателем М.А. Мамонтовым, связанным с только что организованным московскими символистами издательством «Скорпион». Мамонтов сообщал, что, в принципе, идея антологии пришлась москвичам по вкусу, однако требовал существенно расширить список авторов, включив в него А. Рембо, Метерлинка, Г. Роденбаха, Э. Верхарна, Вьеле-Гриффина, Анри де Ренье (на этом дело с антологией заглохло). Не была завершена в России и правка макета «Кормчих звезд» – его Иванов взял с собой для доработки, которая затянулась до будущего года.

В ноябре-декабре Ивановы устраивают свое «семейное гнездо» в Швейцарии. Тем не менее, ни здесь, ни в Париже не удалось решить вопрос с крещением Лидии и, в конце концов, девочка (четырех с половиной лет от роду!) *16 декабря* была крещена в греческой церкви Мюнхена, причем при оформлении документов она была записана как «дочь Вячеслава Иванова Иванова», без упоминания о матери. Тем не менее, это была окончательная «легализация» пятилетней «беззаконной семейственности» Ивановых. На «европейское» Рождество вся семья собирается на вилле Java. В *конце года* написан «Стих о Святой горе».

1901

1901 – В *январе* Иванов и Зиновьева заняты решением «школьной проблемы» Сергея (Веру и Константина с переездом в Шателен перевели из Craigmore College в женевские школы), о котором еще с осени прошлого года идет переписка с Дж. Л. Пэтоном. В конце концов, Зиновьева решила не отрывать сына «от любимой им школы и от ее директора, человека совершенно выдающегося нравственно и умственно». К тому же старший сын Лидии Дмитриевны обнаружил действительно незаурядные способности: два года подряд он становился победителем конкурса (scholar'ом), что давало право на огромную скидку в оплате его обучения в течение 3-х лет.

16 января Л.Д. Зиновьева с Сережей приезжает в Лондон и договаривается об условиях пансиона с его старой хозяйкой миссис Туррег, несколько раз посещает могилку Елены на кладбище в Норвурде, а также – приют, в котором содержался их неудавшийся приемный Джордж. *В конце месяца* Зиновьева покидает Лондон, оплакивавший в те дни смерть королевы Виктории (†22 января).

В *феврале* Ивановы живут в Женеве, куда к ним приезжает М.М. Замятнина, решившая, по выражению Зиновьевой, «всецело отказаться от своего библиотечарства и прирасти к нашей семье любимым ее членом». Это дало возможность Ивановым, оставив детей на попечение своей верной конфидентки, совершить в *марте* давно задуманную поездку в Грецию. В Афинах они селятся в немецкой семье на rue Sina, 25. *В течение месяца* Иванов изучал Акрополь, осматривал городские музеи, а по утрам посещал библиотеку местного отделения Германского археологического института. Заочно он хорошо знал его тогдашнего первого секретаря, выдающегося архитектора и археолога, знатока античной Греции В. Дерпфельда и, по примеру римских лет, хотел записаться на проводимые им giri. Это сделать не удалось, т.к. все вакансии слушателей на них «были уже давно заняты». Зато *в начале апреля* у Иванова и Зиновьевой появилась неожиданная возможность совершить путешествие в Святую Землю: «К Пасхе устроилась организованная поездка для греческих паломников в Иерусалим и мы примкнули к ней».

С *25 марта / 7 апреля по 8 / 21 апреля* (православные Страстную и Пасхальную седмицы) они проводят в Иерусалиме, встречают Пасху (*1/14 апреля*) у Гроба Господня.

22 апреля они верхом выезжают из Иерусалима в Назарет, куда прибывают после четырех дней пути (во время которого Иванов упал с лошади и разбил голову) *26 апреля*.

27 и 28 апреля они проводят в Назарете, «светлом и радостном после пустынного мрака Иерусалима», затем посещают Тивериаду, совершают плавание по Генисаретскому озеру в Капернаум, оттуда едут в Кайфу, чтобы через Александрию плыть обратно в Афины. Однако из-за карантина отправление рейса задержали и Ивановы, ожидавшие отплытия в немецкой гостинице в Кармиле, смогли побывать на горе, связанной с именем пророка Илии.

В Кармиле, в мае Иванов составляет версию предисловия к «Кормчим звездам» (в окончательную версию книги не вошедший) – о «благословении», которое дал его стихам «свет наверху горы, труженик работы Господней, мистагог добрый в логосе и символе своего чаяния и возгорания, поэт души боговещей», т.е. В.С. Соловьев. По всей вероятности, уже тогда, под влиянием всего увиденного и пережитого, концепция уже почти готовой книги изменилась. Во время плаванья Ивановых по Красному морю также не обошлось без приключений: корабль попал в бурю и пассажирам пришлось на шлюпках высаживаться в Яффе. Из Порт-Саида Ивановы заехали в Каир, где провели три дня, посетив долину Гизы и осмотрев пирамиду Хеопса.

В июне они вернулись в Афины, где Иванов «горячо принялся за материалы для своих новых, определившихся научных замыслов» и параллельно с этим радикально переработал макет «Кормчих звезд», включив много новых текстов и «выпустив много старого». Переработанная книга, ставшая практически новой, была отослана в Петербург. В июле, когда Зиновьева планировала вернуться в Швейцарию, чтобы вместе с детьми летние каникулы, Иванов заболевает тяжелой формой брюшного тифа и 45 суток, до 5 сентября лежит в жару и лихорадке. Несколько раз положение становилось критическим. Непосредственно перед началом болезни, Иванов отправляет переделанную книгу (макет) в Петербург, и в сентябре-октябре получает переверстку, однако, разумеется, теперь автору не до книги. Выздоровление было очень медленным. Зиновьева выхаживает его до декабря (!). К этому времени они поменяли адрес: прежние хозяева-немцы посчитали, что длительное наличие в их «пансионе» тяжелого тифозного больного наносит ущерб репутации заведения и... выставили счет, оценив моральный ущерб в 1400 драхм. Ивановы сторговались на двухстах, при первой возможности покинув «хищников». Новым хозяином оказался грек-цирюльник Анжело Гониомос, сдавший комнату в домике на южном склоне горы Ликабет, где улиц уже не было, равно как и домов, а только один монастырь св. Георгия на самой вершине горы, за «пинациями и скалами». «Мы озираем долину Иласса и Гимет, город с Акрополем, Фалерон, Эгину и берег Пелопоннеса. Couler locale жизни – в полной мере: дешевизна, чистый воздух, расстояния от Герман<ского> Института и центра Афин – минут 20 ходьбы».

Около 16 декабря Зиновьева уезжает, а Иванов почувствовав себя значительно лучше, остается в Афинах, поскольку ему было «горько сознавать, что все мои начинания опять смяты и скошены, что я должен покинуть Грецию, увидев только Афины и едва начав ориентироваться в предмете своих новых увлечений». Предметом этих «новых увлечений» было «обращение к эллинской древности, в частности, к истории религии». В декабре вновь начались лекции В. Дерпфельда об архитектурных памятниках и топографии Афин, Пирея и Элевсина. Помимо лекций, Иванов «примкнул к участникам эпиграфических упражнений (в Музее)», а также «записался на весенние поездки Института в Пелопоннес, Дельфы и на острова (между прочим, Крит)». Европейское Рождество и Новый год Иванов встречал в Афинах один. Зимой 1901-1902 гг. Иванов пишет цикл стихотворений «Suspiria» –

«рассказ в стихах о пережитой встрече со смертью», ставший «последней дополнительной, но органически необходимой частью» книги «Кормчие звезды» (О. Дешарт).

1902

1902 – В *январе-апреле* Иванов в Афинах посещал в Германском археологическом институте курс В. Дерпфельда о греческом театре, а также – курс в афинском Музее, посвященный «объяснению скульптур». Помимо того, он много работал в библиотеке Института, где «собирал материалы по вопросам греческих мифов и культов, которые легли в основу всех его научных трудов. По вечерам к нему приходил студент-грек для упражнения в живой эллинской речи. Свободные часы проводил в парке, начинавшемся прямо за домом, гулял среди пиний». В это время были окончательно доделаны и отправлены в Петербург «Кормчие звезды»: дальнейшая правка носила уже стилистический, корректурный и «цензурный» характер.

В *феврале* И.М. Гревс сообщил в письме из Петербурга, что весной повезет в Грецию своих учеников из Тенишевского училища. Это как нельзя лучше отвечало тогдашним планам Иванова, который рассчитывал, что в половине мая, когда окончатся археологические *giri*, к нему вновь присоединиться жена и они проведут вместе летние месяцы в поездках по Архипелагу. Однако Л.Д. Зиновьевой по семейным обстоятельствам пришлось отказаться от весенней поездки в Грецию.

В *апреле* Иванов, стосковавшись по семье, сам едет в Швейцарию, махнув рукой на Архипелаг (а Гревс, которого летом вернули на университетскую кафедру приват-доцентом, ушел из Тенишевского училища и тоже в Грецию не поехал).

С мая до конца года Иванов безвыездно живет в Шатлене. «Дети учатся в школе и дома. Мы в расстоянии четверти часа трама от центра города и, вместе, в очаровательной, обильной большими деревьями и живописно ограниченной по краям долины горами сельской местности. Сад, в котором стоит наш домик, уютно изолирует нас от внешнего мира. Воздух и природа хороши. Вершина Монблана в ясные дни видится из наших окон, как далекий маяк идеала. Мы слышим часто хорошую музыку. Умственные и научные ресурсы есть в достаточной степени».

В *первой половине мая* сюда в гости к нему и Зиновьевой приезжает А.В. Гольштейн. *20 мая*, покинув виллу Java, она писала вдогонку: «Навсегда унесла с собою воспоминания о твоей, Лидия, экспансивной дружбе и Вашей, Вячеслав Иванович, вдумчивой дружбе, которая у меня ассоциирована с обгрызком карандаша маленькой Лидии. Я этот обгрызок сохранию на всю жизнь. По маленькой Лидии я поняла Вяч<еслава> Ив<ановича> в душевном его образе, который был мне чужд. Обгрызок карандаша – это новый фазис моей дружбы с Вяч<еславом> Ив<ановичем>». А.В. Гольштейн, будучи знатоком и поклонником восточных религиозных учений, заинтересовала Иванова «восточной» версией дионисийских культов в индуизме, заставив по-ново-

му взглянуть на «локальный» феномен греческой религии Диониса. Муж А.В. Гольштейн, врач В.А. Гольштейн, вслед за женой, также гостил в Шатлене. «Своим» в доме становится композитор, преподаватель Женевской консерватории Ф.В. Острога, обучавший музыке детей (в том числе и маленькую Лидию, обнаруживавшую уже тогда явную одаренность).

Во *второй половине года* в Петербурге завершается, наконец, затянувшийся процесс издания «Кормчих звезд» в типографии А.С. Суворина. *2 ноября* из типографии пришло извещение о цензурном запрете на одну из «парижских эпиграмм» в «Кормчих звездах» с просьбой произвести замену одной страницы (что Иванов и сделал). Это – последняя трансформация книги, уже «на выходе» из печати. Что касается творчества Зиновьевой, то *весь этот год* она работала над романом «Пламенники», начатом еще до ее знакомства с Ивановым.

Осенью Иванов приходит к необходимости расширить свои познания в области индологии. «Хотя интерес к санскриту и Индии принадлежит к моим старинным умственным вожделениям, все же я бы не обратился к этим новым занятиям, если бы они не имели тесной связи с занимающими меня вопросами религиозно-исторического характера. Общий, великий и многоликий феномен дионисической религии – в центре моих научных интересов и представляется мне в виде отдельных феноменов, из которых два-три я исследую систематически, – но не спеша, и, по возможности, широко собирая материал. В Женеве можно будет, конечно, только наметить очертания, – но и до этого работы много», – писал *13 ноября* Иванов И.М. Гревсу.

20 ноября он поступает вольнослушателем на филологический факультет Женевского университета, записавшись на единственный курс зимнего семестра 1902/1903 гг. – курс санскрита у великого лингвиста Ф. де Соссюра. Изучая *осенью-зимой* санскрит под его руководством, Иванов самостоятельно изучает также индологическую и буддологическую проблематику в библиотеке университета по работам P. Deussen («Das System des Vedânta»), M. Monier («Brahmanism and Hinduism») и др. В плане творческом у Иванова *в это время* определяется замысел «трагической трилогии (на основе греческого мифа)», т.е. – трагедий «Тантал», «Ниобея», «Прометей», работа над которыми растянется более чем на десятилетие.

В *декабре* Иванов в двух больших посланиях подробно разбирает присланные к нему на отзыв статьи А.В. Гольштейн (литературное имя – А.В. Баулер) о французских писателях.

14 декабря скоропостижно скончалась жившая в Швейцарии художница М.В. Якунчикова – жена сына А.В. Гольштейн от первого брака Л.Н. Вебера, и Иванов с Зиновьевой приняли живое участие в судьбе овдовевшего друга.

29 декабря из объявления в суворинской газете «Новое время», которую он, следуя своей привычке, выписывал в Швейцарии, Иванов случайно узнает о выходе в России в свет книги стихов «Кормчие звезды».

1903

1903 – Выход «Кормчих звезд» вызвал эйфорию у обитателей виллы Java. По словам Л.Д. Зиновьевой, «времена круто изменились <...> тишина и отвлеченность нашей жизни должна роковым образом превратиться со дня выхода Сборника, и иное должно быть направление всех наших усилий теперь».

9/22 января из Женевы в Петербург выезжает М.М. Замятина, «командированная» для ведения литературных дел Иванова и Зиновьевой в России. Вслед за ней краткий визит в Петербург – 19 января / 1 февраля – 27 января / 9 февраля – нанесла и Л.Д. Зиновьева, призванная известием о временном улучшении самочувствия смертельно больной матери, к которой ненадолго вернулась память (С.А. Зиновьева скончалась уже в отсутствии дочери, в *марте*). Никакими издательскими делами Л.Д. Зиновьева в этот приезд в Петербург, разумеется, не занималась. После возвращения в Шатлен Зиновьева пережила еще одно потрясение: некий «ужас» на берегу озера Леман, в результате чего у нее случился выкидыш (это событие отразилось в стихотворении Иванова «Леман»). Между тем, М.М. Замятина в январе-феврале следуя указаниям из Женевы, обратилась в журналы «Литературный вестник», «Мир Божий», «Вестник Европы», «Литературное обозрение» с просьбой о рецензии на сборник Иванова и предложением о публикации первых глав романа Л.Д. Зиновьевой «Пламенники», а также провела личные переговоры о том же с Ф.Д. Батюшковым, Н.И. Котляревским, В.П. Летковой-Султановой, И.А. Шляпкиным и А.Н. Бенуа. Результаты были малоутешительны: новизна идей и, главное, стиля вызывали у большинства собеседников в лучшем случае благожелательное удивление, в худшем (как, например, у Батюшкова) – резкое отрицание. Малоутешительными были и первые отклики критики на «Кормчие звезды» (Измайлов А.А. Непомерные претензии // Новая иллюстрация. 1903. № 6; Ф.М. [Рецензия] // Южное Обозрение. 1903. 13 февраля (№ 2073); Ашешов Н. [Рецензия] // Русские ведомости. 1903. 3 апреля; К-рс [Рецензия] // Курьер. 1903. 27 мая). Единственным изданием, заинтересовавшимся женевскими «дионисийцами» был только что начавшийся журнал «Новый Путь». М.М. Замятина трижды (5/18 февраля, 16 февраля / 1 марта, 8/21 марта) была у Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус и, в результате, в марте Иванов и Мережковский обменялись доброжелательными письмами, договорившись о сотрудничестве.

«Мне Ваши стихи очень многим нравятся и кажутся родными так же, как и вся Ваша личность», – писал Д.С. Мережковский Иванову 7/20 марта. В № 3 «Нового Пути» (март) появилась рецензия В.Я. Брюсова, приветствующая появление книги Иванова («Вячеслав Иванов – настоящий художник, понимающий современные задачи стиха, работающий над ним. Его стих – живое, органическое целое, самостоятельная личность»).

В конце марта – начале апреля Замятина побывала у Брюсова в Москве, пристроила стихотворение Иванова «Хор духов благославляющих» в альманахе «Северные цветы на 1903 год...» (вышел в *апреле*) и договорилась о

публикации «Пламенников» в издательстве «Скорпион» (последнее в дальнейшем осуществлено не было). *Все это время* сам Иванов безвыездно жил в Шатлене (переболев в *январе* достаточно тяжелым гриппом).

До *марта* он продолжал заниматься санскритом в Женевском университете (преподнеся своему учителю Ф. де Соссюру экземпляр «Кормчих звезд» и получив благодарственное письмо). Главным же его занятием продолжает оставаться изучение культа Диониса. Некоторое время, в *феврале-марте* он носился с идеей создания совместного с Зиновьевой альманаха «Дионис», в котором его трактат «Греческая религия страдающего бога» печатался бы вместе с «Пламенниками», но, прислушавшись к мнению А.В. Гольдштейн и Д.С. Мережковского (последнее было передано через Замятнину) счел за благо отказаться от этого замысла. Тем временем, один из адресатов, которым Иванов в начале года рассылал авторские экземпляры «Кормчих звезд», искусствовед и филолог И.И. Щукин, преподававший в парижском Институте восточных языков, откликнулся 8 *февраля* на присылку книги благодарственным письмом, в котором приглашал Иванова «прочсть в нашей Русской школе какой-либо цельный курс (не менее 10 лекций) по истории античного мира». Речь шла о русской Высшей школе общественных наук в Париже, основанной в 1901 г. М.М. Ковалевским, где сотрудничали, помимо Щукина, Е.В. Аничков, П.Д. Боборыкин, В.Г. Тан-Богораз, К.Д. Бальмонт, С.А. Котляревский, И.И. Мечников, К.А. Тимирязев, М. Нордау, Г. Брандес, Э. Реклю и другие русские и европейские знаменитости.

Идею Щукина горячо поддержала и тесно связанная с русской Высшей школой А.В. Гольдштейн, писавшая Иванову 20 *февраля*: «Вот это дело!!! Вот это настоящая постановка для деятельного ума! Читайте, читайте, читайте свой курс! Читайте его так, чтобы его можно было печатать. <...> Чтение там Вас <...> ставит в деятельное общение с русской профессурой, создает Вашу легенду в России. <...> Я бы на Вашем месте употребила март на составление блестящего курса, часть кот<орого> или весь можно было бы напечатать в виде статей, а потом осенью поехала бы в Россию с готовыми статьями...». Совет А.В. Гольдштейн (которая 28 *марта* навестила виллу Java по дороге в Савой) Иванов принял: к моменту встречи с у него уже были готовы две лекции. «Вячеслав назначил начало своего курса на Фоминой <неделе> и, вероятно, на Святой <неделе> уезжает. Но, может быть, и до Пасхи – сообщала из Шатлена Л.Д. Зиновьева М.М. Замятниной в начале *апреля*. – Пока ему здесь много материала в библиотеке и даже дома (из Берлина выписано). Работает он отлично».

29 *марта* (или 5 *апреля*) Иванов и Зиновьева ездили из Женевы в Негмансе на границе с Францией и провели там целый день «в дивной, тающей красоте».

25 *марта* / 7 *апреля* Иванов вместе с Л.Д. Зиновьевой присутствует на панихиде по скончавшейся в Петербурге С.А. Зиновьевой, после – поехал с ней в Bellerive, где они гуляли по лесу и ужинали у озера. Однако большинство дней в *апреле* заполнены работой – дома или в библиотеке. Вечером 25 *апреля* Иванов выехал с вокзала Cornavin из Женевы в Париж.

Утром 26 апреля Иванов прибывает в Париж и останавливается в «Отельчике» на rue de la Tour, 89, по соседству с Гольштейнами (rue de la Tour, 75). В 12 часов он наносит визит И.И. Щукину (все расходы на проезд – 300 франков – брала на себя принимающая сторона), затем – «генеральному секретарю» распорядительного комитета русской Высшей школы, юристу Ю.С. Гамбарову, а также – ее директору М.М. Ковалевскому, которого дома не застал.

27 апреля Иванов при большом стечении слушателей (около 70 человек) читает первую лекцию в помещении Школы в Ecole des Hautes Etudes Sociales на rue de la Sorbonne. В аудитории присутствовали А.В. Гольштейн, Ю.С. Гамбаров, И.И. Щукин. Чтение завершилось аплодисментами. После лекции М.М. Ковалевский предложил Иванову войти в состав постоянных профессоров школы. Затем Иванов завтракает с А.В. Гольштейн в Tavernes de Panteon, а после – гуляет с ней по Латинскому кварталу. Они осматривают церкви св. Женеьевы, церковь св. Юлиана и Notre Dame: «...Париж предстал предо мной совсем новым, ничего этого я не знал».

28 апреля Иванов работает в Национальной библиотеке, готовясь к завтрашней лекции. Возможно, в этот день в библиотеке произошло его знакомство с писательницей Ал. Н. Чеботаревской, присутствовавшей на первой лекции вместе с группой московских слушателей Школы. Иванов дарит ей тут же написанный сонет «Кассандре». Вечером Иванов посещает jour-fix у И.И. Щукина, где присутствовали историки К.Ф. Валишевский, М.М. Хвостов, И.В. Лучицкий, социолог Е.В. де Роберти, этнограф Ф.К. Волков, а также – коллекционер-пушкинист А.Ф. Онегин (Отто), в альбом которого Иванов записывает стихотворение «Здесь – во святилище заветном...» («Пушкин у Онегина»).

29 апреля Иванов читает вторую лекцию, на которой присутствуют В.Я и И.М. Брюсовы, А.Ф. Онегин, Е.С. Кругликова, А.С. Яценко (последнему посвящено стихотворение Иванова «Dem Weltverbesserer»). После лекции Иванов знакомится с Брюсовым («Я говорю ему, пожимая руку: “Благодарю вас”. “За что?” – “За добросовестное отношение к тому, что французы называют effort»). Брюсов передает Иванову только что вышедший альманах «Северные цветы» с его стихотворением. Иванов и Брюсов остаются в Школе на следующую лекцию – М.М. Ковалевского. На выходе из Школы Иванова встречает журналист С.Л. Поляков (Литовцев) и приглашает его выступить на вечере студенческого общества, куда уже приглашен с лекцией о задачах искусства Брюсов. Иванов идет завтракать к Гольштейнам, у которых находит открытку от Брюсова. «...Самое интересное – это Вячеслав Иванов, – записывает Брюсов в дневнике свои впечатления от посещения Школы. – <...> Это настоящий человек, немного слишком увлечен своим Дионисом». В этот день (семь лет со дня рождения дочери Лидии) Иванов обходит места, связанные с этим событием.

30 апреля Иванов и Брюсов посещают А.Ф. Онегина в его доме-музее на ул. Мариньян, 26 и осматривают его пушкинскую коллекцию. Затем они гуляли «по Champs Elysée через Tuileries до Palais Royal’я и по дороге <...> бесе-

довали о дионисизме, о ритмике и о других предметах». Иванов приглашает Брюсова посетить салон Гольштейнов.

1 мая Иванов вместе с А.В. Гольштейн посещает мастерскую художника О. Редона, где его потрясла картина «Пророк Диониса» («*Prophète de Dionysos*»). Под впечатлением от увиденного Иванов пишет стихотворение «Пустынник духа».

В первых числах мая в Париж приезжает Л.Д. Зиновьева.

В понедельник, *3 мая* она присутствует на вечере русского студенческого общества, где, при очень большом стечении слушателей («народу было так много, что зала не вмещала, сидели, стояли, толпились, не впускали, было душно, жарко») В.Я. Брюсов читает лекцию о поэзии (будущая статья-манифест «Ключи Тайн»), а Иванов – подборку своих стихотворений. Обсуждение было очень бурным, по словам Иванова, «мы с Брюсовым подвизались против разъяренной толпы марксистов» (Брюсов вспоминал, что «вылезали какие-то “сельские учителя”, как они рекомендовались, и требовали объяснить им, что такое декадентство»). Впрочем, Иванов читал свои стихи, когда основная масса «недовольных» уже покинула собрание и в аудитории остались только «сочувствующие» (среди них – А.В. Гольштейн, Ал. Н. Чеботаревская, Вл. Н. Ивановский, С.А. Котляревский, С.Л. Поляков, Е.С. Кругликова, Н.Е. Поярков, А.М. Аничкова (Ivan Strannik), А-Ш. Пийо, Л.И. Савицкая, Е.К. Цветковская). После лекции Брюсов познакомился с Л.Д. Зиновьевой и «в течение вечера рассказывал, что он больше всех в мире страдает, ибо вынужден лгать и скрывать свое истинное лицо». Зиновьева была потрясена и очарована Брюсовым («Брюсов (так! – *Ред.*) умный очень, и искатель, и крупный талант, и очень интересен лицем и манерами»).

5 мая состоялась третья лекция Иванова, на которой вновь присутствовал Брюсов («Брюсов ходит аккуратно на мои лекции» – отмечал Иванов). После лекции М.М. Ковалевский объявил Иванову, «что выбран единогласно в профессора и члены Совета Русской Школы». Иванов воспринял свое «профессорство» с иронией («Видите, какая честь!»), однако, по словам Л.Д. Зиновьевой, решил «что это выгодно и умно принять и может послужить к связям и даже к экзамену Берлинскому» и принял предложение прочесть курс об экономике Древнего Рима в зимний семестр. *Вечером этого дня* Брюсовы были в салоне Гольштейнов и произвели на хозяев самое благоприятное впечатление, несмотря на неприятие А.В. Гольштейн «декадентства».

7 мая Иванов и Зиновьева слушали в Школе лекцию (воспоминания) Г. Брандеса о Г. Ибсене, затем завтракали в кафе с Брюсовыми и «еще тремя русскими из “эстетов”». Вечером Иванов был с визитом у А.М. Аничковой (Ивана Странника).

8 мая А.М. Аничкова «отдала» визит Ивановым, посетив их у Гольштейнов. С Л.Д. Зиновьевой у нее произошел знаменательный разговор, послуживший, по всей вероятности, источником для создания литературного имени жены Иванова («Ив<ан> Странник нашел, что у меня *очень* интересное лицо и видна негритянская кровь! (Аннибал)»). *В этот же день* Брюсов пишет в Москву С.А. Полякову: «Познакомился здесь и много видался с Вячеславом

Ивановым и его женой <...> Он очень интересен, хотя и томителен со своим Дионисом. Она – довольно-таки пустая особа, извне набитая чужими идеями, как чучело соломой».

9 мая состоялась пятая лекция Иванова. Вечером он и Зиновьева побывали в салоне Е.С. Кругликовой, где Иванов читал стихи. Е.С. Кругликовой Иванов посвятил стихотворение «Латинский квартал».

10 или 11 мая Иванов и Зиновьева знакомятся у А.М. Аничковой с Г. Брандесом. По словам Зиновьевой, «там были еще несколько русских княгинь и князей. Он (Брандес – Ред.) вел себя по-немецки грубо, самомнителен и невежествен до непонятности. Весь разговор вел Вячеслав, Брандес выпрашивал хриплыми выкриками. Вячеслав стал таким спокойным и *causeur*, что просто радость <...> Вообще пресмешно, что образуется круг читателей его».

14 мая состоялась шестая лекция Иванова. В тот же день Иванов, Зиновьева вместе с А.В. Гольштейн были в мастерской О. Редона, договорились о том, что он будет иллюстрировать издание «Пламенников», «с час времени провели в мастерской, после чего были так им пьяны, что, дойдя до Trocadero, сели в кафе и просидели часа 3, там и пообедали, а дома еще кутили особенно». Зиновьева начинает работать над пьесой «Кольца» (первоначальное название – «Звенья»).

С 20 по 30 мая Л.Д. Зиновьева уезжала из Парижа в Лондон, чтобы посетить могилу дочери и заказать могильную плиту. Вернувшись, она застала Иванова «больным от переутомления: лихорадка и опухоль лица».

16/29 мая В.Я. Брюсов пишет из России Иванову: «Мережковские только что уехали из Москвы. “Новый Путь” будет существовать. Он хочет Ваших статей (о Дионисе). Будут печатать целиком, даже со всей библиографией».

31 мая Иванов работал в Национальной библиотеке.

6 июня – очередная лекция Иванова. Вечером у Ивановых «прием» в салоне Гольштейнов – «княгини Гагариной, княжны Трубецкой, m-me de Roberti <...>, Кикиной и т. д.». Там же была актриса и писательница Н.П. Анненкова-Бернар, с которой Ивановы подружились. Вечером этого дня они были в театре на представлении новой пьесы М. Метерлинка.

10 июня Иванов в письме к В.Я. Брюсову выражает согласие на публикацию «Греческой религии страдающего бога» в «Новом Пути».

13 июня Иванов и Зиновьева слушают в Русской Школе лекцию Е.В. де Роберти об анархизме, а затем (в 12.30) Иванов читает заключительную лекцию. Завершение курса Иванов и Зиновьева отметили завтраком в артистическом кабачке в компании двух поэтов и нескольких знакомых. В этот день в Школе завершился семестр и вечером Иванов и Зиновьева присутствовали на торжественном банкете.

14 июня Иванов поссорился с А.В. Гольштейн и «разорвал» отношения с ней (причина ссоры неизвестна).

Во второй половине июня – июле Иванов работает над текстом «Эллинской религии страдающего бога», специально задержавшись в Париже из-за возможности пользоваться Национальной библиотекой («Мой курс я не хо-

тел бы представить не убранным опрятно к печати»). В свободные часы он беседует в кафе Латинского квартала с «русскими парижанами» – Ал. Н. Чеботаревской, философом Вл. Н. Ивановским (однокашником Иванова по 1-й Московской гимназии), С.А. Котляревским, Н.Е. Поярковым, которые скоро становятся постоянным «домашним окружением» Ивановых. Каждому из них Иванов посвятил одно или несколько стихотворных «посланий» («Обновление», «La Faillite de la science», «Аспекты», «Пришлец», «Цветы»).

В конце июня-начале июля у Иванова были по поручению Мережковских З.А. Венгерова и С.Г. Балаховская-Пети – «потолковать о разных вещах» (и, в том числе, конечно, о работе над рукописью для «Нового Пути»).

4 июля у Ивановых были с визитом Н.И. Котляревский и его жена, актриса В.В. Пушкарёва-Котляревская. По всей вероятности, среди прочего поднимался вопрос о возможной постановке пьесы Л.Д. Зиновьевой «Кольца» в Москве. В *этот же день* в газете «The Athenaeum» (№ 3949) появляется написанный Брюсовым обзор русской литературы, в котором особо упоминалось о парижских лекциях Иванова и о «Кормчих звездах» как о явлении в современной культуре.

5 июля к Ивановым в гости пришел В.Н. Ивановский «в состоянии утомления» из-за сложных личных отношений с Ал. Н. Чеботаревской и произвел некоторый скандал (*9 июля* Ивановский извинился перед Ивановым письменно).

22 июля Иванов и Зиновьева вернулись в Шатлен. *В августе-сентябре* супруги работают над заочно принятыми Брюсовым в издательство «Скорпион» драмой «Кольца» и второй книгой стихов «Прозрачность». Последняя была составлена Ивановым очень быстро – в «три недели» и переписана гостившей в *сентябре-октябре* на вилле Java Ал. Н. Чеботаревской (к ней обращено написанное *16 октября* стихотворение «Осенью»). Вместе с Ивановым Ал. Н. Чеботаревская посещает виллу покойной художницы М.В. Якунчиковой-Вебер (под впечатлением увиденного Чеботаревская напишет статью, которая будет опубликована в «Русской мысли» в 1905 г.). Рукописи Иванова и Зиновьевой были отосланы в «Скорпион» *28 сентября*.

В первой половине октября Иванов вновь едет в Париж, где по издательским делам встречается с О. Редоном и, очевидно, дорабатывает в Национальной библиотеке рукопись «Эллинской религии страдающего бога» (текст будет издан в «Новом Пути» под этим названием). Не позже *12 октября* Иванов возвращается в Шатлен, где вскоре получает корректурные оттиски «Прозрачности» и начинает над ними работать.

В первой половине ноября Иванов получает книгу стихов В.Я. Брюсова «Urbi et orbi» и пишет на нее рецензию («В поэте есть художник, характер и лирик. И стихия этого лиризма – дионисический озон, усиливающий жизненность до последнего избытка»). Эту рецензию, вместе со стихотворным обращением к Брюсову («Твой правый стих, твой стих победный...») и стихотворениями «Фуга», «Темница», «На чужбине», «Кармил» Иванов посылает в готовящийся альманах издательства «Гриф», владелец которого С.А. Соколов (Кречетов) *15 октября* обратился к Иванову с письмом о сотрудничестве.

В *октябре-ноябре* Иванов планирует: 1) начать работу над давно задуманной трагедией «Тантал» для очередного выпуска брюсовского альманаха «Северные цветы», завершить ее до Рождества, 2) в январе следующего года — ехать в Париж для чтения лекций в русской Высшей школе общественных наук (в программе зимнего семестра были заявлены два ивановских курса — «Связь греческой мифологии с древнейшими философскими системами» и «История римских государственных учреждений») и 3) работать над переводом трактата «Рождение трагедии из духа музыки» для предполагаемого книгоиздательством «Скорпион» полного собрания сочинений Ф. Ницше. Однако выход альманаха (и соответственно работа Иванова над трагедией) был отложен, к идее преподавания в Париже он вскоре полностью охладел, а собрание сочинений Ницше в «Скорпионе» осуществлено не было.

Вместо этого в *ноябре-декабре* Иванов работает над статьей «Ницше и Дионис» для «Весов».

1 ноября в Шарлоттенбурге под Берлином скончался Т. Моммзен.

20 ноября / 3 декабря Д.С. Мережковский пишет Иванову о необходимости срочно определиться с публикацией «Эллинской религии страдающего бога» и отослать рукопись, предварительно телеграфировав о ее готовности. Иванов посылает в Петербург телеграмму и рукопись, «отказавшись от мысли о дополнении статьи недостаточно использованным филологическим материалом и более тщательной (в филологическом отношении) ее обработке». Благодаря настойчивости Мережковского (и, действующей в согласии с ним З.А. Венгеровой, также пославшей Иванову 21 ноября / 4 декабря «увещательное» послание) «Эллинская религия...» избежала участи многих работ Иванова, так и не доведенных до публикации из-за стремления автора к перманентным доработкам, и оказалась в редакционном портфеле «Нового Пути».

Во второй половине месяца появляется рецензия П.Н. Николаева на «Кормчие звезды» (Хроника журнала «Мир Искусства». 1903. № 14) в которой автор книги, согласно резюме самого Иванова, «был провозглашен трудолюбивой бездарностью» и насмешливая рецензия Н. Ашешова в № 12 журнала «Образование». Впрочем, подобные выпады были теперь малочувствительны: успешный дебют Иванова в среде русских символистов состоялся.

В декабре у Л.Д. Зиновьевой вновь случается тяжелый выкидыш, ее оперируют и она долго болеет. В конце декабря Иванов также переносит нервное заболевание, рецидивы которого (крапивница с жаром) будут преследовать его в первые месяцы следующего года. Тем не менее, он продолжает работать над статьей «Ницше и Дионис», дорабатывает корректуры «Прозрачности» и изучает печатаемую в журнале «Русский архив» (№№ 11 и 12) летопись жизни Ф.И. Тютчева, составленную В.Я. Брюсовым.

1904

1904 — 7 января, поздравляя Брюсова с русским Новым годом, Иванов сообщает ему, что «“Тантал” пишется: далек от окончания, но перспективы

прозрачны». «Жена, – пишет он далее, – просит известить Вас, что своим литературным *nom de guerre* избирает: “Л.Д. Зиновьева-Аннибал”».

В *январе* в № 1 журнала «Новый путь» начинается публикация «Эллинской религии страдающего бога» (которая будет продолжена в №№ 2-4, 8,9), а «Альманах “Триф”» С.А. Соколова (Кречетова) публикует подборку стихотворений («Кармил», «Фуга», «Темница», «На чужбине»).

11/24 января Япония разорвала дипломатические отношения с Россией. *14/27* японский флот без объявления войны атаковал русскую эскадру в Порт-Артуре, а на следующий день, *15/28 января*, в корейской бухте Чемульпо произошло историческое сражение крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с японской эскадрой контр-адмирала Уриу. Начинается русско-японская война. Иванов переживает патриотический подъем, что делает окончательно невозможным для него сотрудничество с оппозиционными либералами из русской Высшей школы общественных наук в Париже («ехать в парижскую колонию слишком не по сердцу, увидеть же теперь Россию стало почти потребностью»). Однако перед поездкой в Россию Ивановы в *феврале-марте* вынуждены были провести несколько недель на швейцарском горном курорте в St. Sergues près Nyon, «куда, проболев всю зиму <...> принуждены были спасаться, чтобы подышать укрепляющим горным воздухом».

11/24 марта они выехали в Россию, *12/25 марта* они «ночевали дивно в Базеле», а *13/26 марта* – во Франкфурте. К этому времени в России, в № 2 «Нового пути», наряду с очередной частью «Эллинской религии...» выходит и подборка стихотворений Иванова «Из книги “Прозрачность”» («Дриады», «Пан и Психея», «Хмель», «Седьмой день»). Сама книга вышла в свет в день появления Ивановых в Москве – *16/29 марта*.

В Москву супруги прибыли в 16 ч., остановились в меблированных комнатах Троицкой (проезд Тверского бульвара у Никитских ворот, дом не сохранился) и поехали к Брюсову. Не застав его дома они отправились в редакцию издательства «Скорпион» (Театральная площадь, гостиница «Метрополь»), где в это время проходило редакционное собрание. Здесь они знакомятся с С.А. Поляковым и К.Д. Бальмонтом. После собрания все отправились в Большой Московский трактир на Воскресенской площади, где С.А. Поляков угощал всех собравшихся ужином «с обилием вина и ликеров», затянувшись до 3 ч. ночи. *17 марта* Ивановы у себя в гостинице ждут Брюсова с цензурным экземпляром «Прозрачности». Во второй половине дня Брюсов привозит книгу и... выпуск газеты «Новое время» за 27 февраля (№ 10051) с резким откликом В.П. Буренина («идиотская поэзия») на подборку ивановских стихов в «Новом пути». На эту «ругань» Брюсова ответил заметкой в № 3 «Весов», в которой назвал стихи Иванова «образцом чистой и сильной поэзии». Помимо Брюсова у Ивановых *в этот день* с поздравлениями был Н.Е. Поярков. Около недели «Прозрачность» проходит цензуру и поступает в печать после Пасхи (*28 марта*).

20 марта Иванов и Зиновьева-Аннибал посещают редакцию «Скорпиона», откуда идут обедать в трактир вместе с Брюсовым и Бальмонтом. Там оба «скорпионовца» напились. В 9 ч. вечера вся четверка была в гостях у вла-

дельца издательства «Гриф» С.А. Соколова (Кречетова) и его жены Н.И. Петровской, где «застали нескольких грифистов, и здесь-то началось нечто неопишное». Брюсов попытался увенчать Бальмонта лавровым венком и призывал всех присутствующих «преклонить колена» (от чего Иванов наотрез отказался). Ночью Иванов провожал нетрезвого К.Д. Бальмонта домой: в ходе этой прогулки Бальмонт завел Иванова к гимназическому педагогу, немецкому поэту Г.Е. Бахману, затем на рынок, затем к Брюсову, а затем, у себя дома, выскочил вдруг от Иванова... в окно и убежал.

23 марта (именины Л.Д. Зиновьевой-Аннибал) Ивановы были у Брюсовых.

24 марта у Ивановых в гостях были Брюсов, Бальмонт, Поярков и Ю.К. Балтрушайтис. Л.Д. Зиновьева-Аннибал читала свои стихотворения в прозе «Тени Сна» и получила полное одобрение.

27 марта, в Великую Субботу Иванов, Бальмонт и Зиновьева-Аннибал провели «вечер с несколько сумасшедшими беседами», а в пасхальную ночь гуляли по Кремлю. В мартовском № «Весов» выходит статья Иванова «Поэт и Чернь».

30 марта Ивановы уезжают из Москвы в Петербург.

До *2 апреля* Иванов один дважды посещал Мережковских.

Утром *2 апреля* он вновь наносит визит Мережковским вместе с Зиновьевой-Аннибал, которую пыталась «очаровать» З.Н. Гиппиус. Здесь они встречаются с Ф.К. Сологубом и Г.И. Чулковым. Затем Иванов один посетил З.А. Венгерова. *Вечером того же дня* Иванов и Зиновьева-Аннибал присутствуют у В.А. и О.А. Беляевских на литературном вечере Ф. Сологуба, который им сначала «очень не понравился». Зиновьева-Аннибал, как и в Москве, читает здесь «Тени Сна», однако никакого сочувствия не находит: «Здесь дух иной. Нет глубокой солидарности, нет детской ласки поэтов».

Утром в воскресенье *3 апреля* к Ивановым приходит Н.П. Анненкова-Бернар, пригласившая их в среду, *6 апреля*, к себе для переговоров с режиссером театра В.Ф. Комиссаржевской Н.А. Поповым о постановке «Колец». *Вечером* Ивановы нанесли визиты Мережковским и Розанову, поразивших обоих своим пониманием «Новой Церкви»: «Их интимный, нагой человеческий облик так и остался нам скрытым. Все возможно, и худшее: бездна тщеславия Новой Главы Церкви и извращенность черных месс и пороков, следующих из слов Мер<ежковского>, что по принятию Христа все вновь становится приемлемо, и любовь, и страсть... <...> Москва прямее, яснее...».

Около *10 апреля* Ивановы вернулись в Москву, где Иванов познакомился с Андреем Белым, посетив его в его квартире на Арбате. В это время Иванов готовит для «Весов» «две больших статьи и рецензии».

В *апрельском* № 4 «Весов» выходит рецензия В.Я. Брюсова на «Прозрачность».

6 мая из Москвы в Париж отбыл К.Д. Бальмонт (Л.Д. Зиновьева-Аннибал так подытожила историю первого знакомства с поэтом: «Ах, чего не было у нас с ним: и слез, и смеху, и любовных объяснений, и горького разочарования, в конце концов»).

9 мая в Москву приехали Мережковские и поэт Л.Д. Семенов (Семенов Тянь-Шанский). Ивановы, вместе с Брюсовым и С.А. Поляковым принимали их в «Скорпионе» («...Были споры яростные Петербурга и Москвы. Наши держались твердо вместе, а по уходе гостей в час ночи мы остались допивать вино и осуждать ближних»).

22 мая Зиновьева-Аннибал экстренно выехала в Петербург: на дальневосточном фронте погиб в бою ее племянник, А.А. Зиновьев и она до 26 мая находилась с братом А.Д. Зиновьевым и Е.Н. Зиновьевой-Корф, разделяя их горе.

На следующий день Иванов написал стихотворение «Месть мечная», которое посвятил «геройской памяти сотника Александра Зиновьева»: «Русь! На тебя дух мести мечной / Восстал – и первенцев сразил, / И скорой казнию конечной / Тебе, дрожащей, угрозил – / За то, что ты стоишь, немея, / У перепутного креста, / Ни Зверя скиптр подъять не смея, / Ни иго легкое Христа...».

В майском № «Весов» появилась статья Иванова «Ницше и Дионис». 28 мая в «Московских ведомостях» появилась рецензия на «Прозрачность» К. Тарского.

В конце месяца Брюсов уехал на летний отдых с семьей из Москвы в Антоновку (под Тарусой), куда усердно зазывал и Ивановых («...У нас хорошо: ваша Ока, лес, налимы, молоко, деревня...»), однако его приглашением они не воспользовались.

1 июня у С.А. Поляковым Ивановы встречаются с В.Э. Мейерхольдом, с которым Зиновьева-Аннибал обсуждала возможности постановки «Колец» в его «Товариществе новой драмы». С.А. Поляков вскоре покидал Москву (этим летом ему пришлось по семейным обстоятельствам совершить большое путешествие – сначала на Дальний Восток, а затем, проездом через Москву, – в Женеву; этот «анабасис» главного редактора существенно отразится на деятельности «Скорпиона»).

3 или 4 июня Ивановы проводят прощальный вечер с С.А. Поляковым в «Эрмитаже».

Между 16 и 20 июня состоялось знакомство Ивановых с приехавшим в Москву из Киева А.М. Ремизовым, который работал в то время заведующим репертуаром в «Товариществе новой драмы». На квартире брата Ремизова Сергея (он был биржевым маклером, но его жена Варвара Федоровна содержала богемный «салон») Л.Д. Зиновьева-Аннибал читала «Кольца» и получила одобрение. В эти дни Ивановы вместе с Ремизовым ездили в Царицыно «поглядеть на жизнь вокруг монастырской ограды и в провинциальном городе при монастыре».

20 июня А.М. Ремизов уехал из Москвы, а 25 июня сообщил Ивановым из Киева, что свои впечатления от «Колец» сообщил Мейерхольду (этот сезон «Товарищество новой драмы» давало в Тифлисе и Пензе) и режиссер «ждет» книжку. Письмо Ивановых в Москве не застало и нашло адресатов в Женеве только в октябре).

Во второй половине июня Иванову нужно было завершить и сдать в готовящийся летний номер «Весов» (№ 7) статью «Новые маски» (которая одновременно планировалась и как предисловие к отдельному «скорпионовскому» изданию драмы Зиновьевой-Аннибал «Кольца»). Помимо того он по просьбе Брюсова работает над статьей «Рассказы тайновидца» (о сборнике рассказов Ф.К. Сологуба «Жало смерти»), а Зиновьева-Аннибал – над отзывом о книге Андре Жида «В раю отчаяния» (будут опубликованы, соответственно, в №№ 8 и 10 «Весов»).

13-16 июня Брюсов и Иванов обмениваются стихотворными посланиями («В вагоне» – «Над омутами темными...»).

В июньском № 6 «Нового пути» появляется рецензия А.А. Блока на «Прозрачность».

24 июня Иванов и Зиновьева-Аннибал покидают Москву.

Утром 27 июня / 10 июля они прибывают в Вену, где Иванов планировал посетить художественную выставку и написать о ней отчет в «Весы» (неизвестно, было ли осуществлено это намерение, т.к. отчет в «Весах» не появился), а около 12 июля – в Женеву. Здесь его настигает письмо Брюсова с просьбой отрецензировать для «Весов» книги М. Метерлинка «Двойной сад» и Ж. Леблан «Выбор жизни».

До конца июля-начала августа обе рецензии – первую написал Иванов, вторую – Зиновьева-Аннибал – были отправлены в Россию и вышли в № 8 «Весов».

17 июля Иванов посылает Брюсову стихотворения «Весы» и «Москва»; тогда же он возобновляет работу над трагедией «Ниобея», но вскоре вновь откладывает ее «на будущее».

23-24 июля написаны стихотворения «Ливень» и «В лепоту облечемся».

26 июля Иванов знакомится с приехавшим в Женеву М.А. Волошиным и беседует с ним «почти целые сутки без перерыва». Волошин «много рассказывал и много читал стихов».

9 августа Волошин, после нескольких дней отсутствия (он ездил в Интерлакен повидать друзей) вновь встречается с Ивановым и они беседуют «о мечте, воле, отношении к женщинам и т.д.». «Я считаю основой жизни пол – Sexе, – говорил Иванов. – Это живой, осязательный нерв, связывающий нас с вечной тайной. Мост между тайной и нами. Искусство это развитие пола – переводение этой силы в другую область. Сила пола, не нашедшая своего физического исхода, становится искусством, религией, философией. Дилемма: или создание человека, или создание произведения искусства».

С 10 по 21 августа Иванов и Волошин встречаются практически ежедневно; на последнего эти беседы произвели огромное впечатление и подвигли на чтение №№ «Нового пути» с работой Иванова о Дионисе: «“Эллинская религия страдающего бога” – целое откровение». Помимо Волошина, частыми собеседниками Иванова в июле-августе были переводчик «Весов» М.Н. Семенов и С.А. Котляревский, работавший в это время над историей вавилонского законодателя Хаммурапи (последнего Иванов безуспешно хотел привлечь к работе в «Весах»).

В *июле-августе* Иванов, вспоминая «историософские» беседы с Брюсовым в Москве (о том, что с 1900 г. судьбами Земли правит новый звездный демон Офиель, эра которого, согласно Агриппе Неттесгеймскому, страшная эра) пишет цикл стихотворений «Carmen Saeculare» («Песнь веку»).

В *середине августа* в Женеву приехал С.А. Поляков и, по выражению М.А. Волошина, «в Женеве оказался импровизированный съезд скорпионщиков. «Заседания съезда» проходили в кафе Ландольта, традиционном месте сбора русских политических эмигрантов («Видаемся чаще всего “у Ландольта”, где подозрительно косятся на нас из всех углов российские Бруты»). В ходе этих бесед у Иванова складывается замысел «статьи об индивидуализме» – «Копье Афины» (опубликована в № 10 «Весов»).

В *августовском* № 8 журнала «Образование» появилась рецензия на «Прозрачность» Н. Ашешова.

В *первых числах «русского» сентября* в Москве в «Скорпионе» вышла в свет отдельным изданием драма Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Кольца».

4 *сентября* в Женеве открылся II Международный философский конгресс, на котором делегатом от России был В.Н. Ивановский, остановившийся на вилле Java. Иванов описал работу конгресса в пространной заметке «Второй международный философский конгресс» (опубликована в № 10 «Весов» за подписью Ζακλῆς).

Во *второй половине сентября* Иванов завершает и отправляет в «Весы» статью «Копье Афины», рецензию на трагедию Ж. Пеладана «Семирамида» (опубликована в № 9) и начинает работать над статьей «О Моммзене» (опубликована в № 11).

В *это время* в Петербурге окончательно решилась судьба журнала «Новый путь»: Мережковские передали его с нового года группе философов «ново-идеалистов» (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, С.Л. Франк и др.), что, разумеется, меняло «художественную» ориентацию издания. В письме к Иванову от 15/28 *сентября* Брюсов прокомментировал это событие так: «Можно считать “Новый путь” покойным. Тем больше причин продолжать “Весы”, хотя я еще не изыскал на это средств».

27 *сентября* в Женеве скончался тесть Иванова Д.В. Зиновьев. Смерть старика, уход за которым связывал Л.Д. Зиновьеву-Аннибал, сделало переселение Ивановых в Россию «вопросом решенным». Для Иванова это переселение было тем более важным, что его глубоко волновали тотальные военные неудачи России на Дальнем Востоке (в *июле-сентябре* японские вооруженные силы нанесли по русским войскам ряд существенных ударов – в Желтом море и под Ляояном; им на помощь в *сентябре* из Петербурга была направлена сформированная 2-я Тихоокеанская эскадра под командованием адмирала З.П. Рожественского). Помимо того, сильным духовным искушением для Иванова стал религиозный нигилизм Брюсова и его «скорпионовского» окружения.

В *октябре*, отвечая на полемическую статью Мережковского «За или против?» (Новый путь. № 9), в которой прозвучали обвинения сотрудников «Весов» в антихристианстве («Вячеслав Иванов верит, или хотел бы верить, в

<Диониса> как в доселе живого, реального, действительно спасающего бога»), Иванов пишет стихотворную отповедь «Лицо – или маска?». Однако слова Мережковского затронули, действительно, болезненную тему. Осенью у Иванова начинается нервная болезнь. «Соблазны Люцифера <...> он тогда в Шатлене пережил как тяжелое событие своего внутреннего опыта, – пишет со слов Иванова О. Шор. – Уныние обернулось физическим заболеванием: В.И. стал ощущать на шее и на груди “узлы змей”, узлы, которые сжимали горло и сердце, прерывали дыхание. Приступы удушья были столь мучительны, что В.И. даже к врачам обращался за помощью. Но доктора отказались его лечить, объяснив, что такие припадки суть “просто нервные явления”. Тогда поэт <...> прибегает <...> ко снятию внутренних заторов посредством поэтического творчества: он пишет трагедию. Сперва припадки усилились; порою во время писания В.И. казалось, что он умирает; но когда трагедия была дописана, припадки удушья прекратились. Трагедия В.И. называется “Тантал”». «Во мне <...> возилась целая кучка трагических бесов, из которых каждый хотел узурпировать маску и котурны моей Музы, но я их заклил, – писал Иванов Брюсову 19 сентября. – Месяца через полтора крепко надеюсь выслать тебе текст трагедии для «Северных цветов». Ita me Bacchus amet!...».

15 ноября «Тантал» был завершен и отослан Брюсову для публикации в очередных «Северных Цветах».

В октябре-ноябре Иванов пишет для «Весов» рецензии на «Стихи о Прекрасной Даме» А.А. Блока, роман А.М. Аничковой (Ivan Strannik) «L'Ombre de la Maison» (обе опубликованы в № 11) и «Poésies religieuses» П. Верлена (опубликована в № 12).

Около 7 декабря написан цикл стихотворений «Из лабиринта». В декабре, под впечатлением бесед с Ф.В. Острогой (который в этом году женился на одной из «компаньенок» Зиновьевой-Аннибал – Ольге Никитиной) о творчестве Р. Вагнера, Иванов пишет статью «Вагнер и Дионисово действо» (будет опубликована в № 2 «Весов» за будущий, 1905 год). Ко дню рождения Брюсова (1/14 декабря) Иванов посылает ему своеобразный подарок – стихотворение «Mi fur le serpi amiche»: «И я был раб в узлах змеи, / И в корчах звал клеймо укуса; / Но огонь последнего искуса / Заклял, и солнцем Эммауса / Озолотились дни мои». Для России год завершился трагически: в декабре русскими был сдан Порт-Артур и очевидной стала перспектива поражения в войне с Японией.

31 декабря написано стихотворение «Зарево»; помимо того, размышления над судьбой страны отразились в стихотворении «Озимь», также написанном в этом году.

1905

1905 – В январе у Ивановых в Швейцарии гостит философ-«неославянофил» В.Ф. Эрн, который показался Иванову «новым Сведенборгом» и с которым у него и Зиновьевой-Аннибал устанавливаются дружеские отношения.

1/14 января Иванов в последний раз встречает русский новый год со всеми обитателями виллы Java.

16 февраля он отправляет в Москву новогоднее стихотворное послание Брюсову «В час новогодних суеверий...», где, в частности, упоминается святочное гадание о «даре свобод», который ожидает в грядущем году Россию, и о победе российского флота (2-я эскадра адмирала Рождественского находилась тогда на середине своего трагического пути из Петербурга в Японское море) Между тем, в России начинаются рабочие волнения.

9/22 января в Петербурге расстреляна мирная демонстрация рабочих, организованная о. Георгием Гапоном. Иванов осуждает действия царского правительства и считает возможным в подобной ситуации даже в условиях военного времени перейти в оппозицию. На этой почве начинается его заочный конфликт с Брюсовым, продолжавшим отстаивать необходимость гражданского мира.

16 февраля Иванова завершает рецензию на рассказ Л.Н. Андреева «Красный смех» («О “красном смехе” и “правом безумии”», опубликована в № 3 «Весов»). В № 2 журнала «Вопросы жизни», сменившего «Новый путь», появляется подборка его стихотворений («Зарево», «Озимь», «Созвездье Орла» и цикл «Из лабиринта»).

18 февраля, накануне чтимого Ивановым Дня Освобождения, написано стихотворение «Под знаком Рыб» (опубликовано в № 4/5 «Вопросов жизни»).

В конце февраля-начале марта Иванов переводит для «Вопросов жизни» шесть стихотворений Ш. Бодлера («Сплин», «Маяки», «Человек и море», «Цыганы», «Предсуществование», «Красота»; опубликованы также в № 4/5) и досылает в редакцию заключительные части «Эллинской религии страдающего Бога» (публиковались в №№ 6 и 7 под заглавием «Религия Диониса: Ее происхождение и влияние»).

4/17 февраля в Москве был совершен один из самых громких террористических актов: эсер И.П. Каляев подрывает на Сенатской площади Кремля карету московского губернатора, великого князя Сергея Александровича.

6/19 февраля началось решающее сухопутное сражение русской (командующий – генерал А.Н. Куропаткин) и японской (командующий – маршал И. Ояма) армий под городом Мукденом (Северо-Восточный Китай), которое завершилось через двадцать дней полным разгромом русских.

В конце марта – начале апреля Ивановы едут из Женевы в Петербург для устройства предполагаемого переезда семьи в Россию и решения вопроса с наследством. По пути они на некоторое время останавливаются в Вене, где посещают художественные выставки Secession, Hagen Band, Künstlerhaus (о которых затем напишут «Письмо из Вены», опубликованное в № 6 «Весов» за подписью «The Twins»). *В это время* в Москве выходит книжка «Северных цветов ассирийских» с публикацией «Тантала» и подборки стихотворений Иванова под общим заглавием «Змеи и Солнца» («Возрождение», «Mi fur le serpi amiche», «Хвала Солнцу», «Химеры», «Весы» и цикл «Carmen Saeculare») а также – «Теней Сна» Зиновьевой-Аннибал.

В апреле и первой половине мая Иванов и Зиновьева-Аннибал живут в Петербурге в отеле «Сан Ремо» на Невском проспекте, 90, тесно общаясь с сотрудниками редакции «Вопросов жизни», прежде всего — с Г.И. и Н.Г. Чулковыми, а также — с В.В. Розановым, Н.М. Минским и его женой Л.Н. Вилькиной. *В эти недели* Иванов получил корректуры «Религии Диониса» и, по видимому, договорился с издателем журнала Д.Е. Жуковским об отдельном издании этой работы.

В воскресенье *1 мая* Иванов и Зиновьева-Аннибал были у Розанова, вместе с Н.М. Минским, Л.Н. Вилькиной, Ф.К. Сологубом, А.М. Ремизовым, Е.П. Ивановым и другими литераторами. На этом собрании зашла речь о коллективных «ритмических движениях, танцах, кружении, особых символических мистических телорасположениях», способных вызвать «богообручение», экстатические переживания единения с потусторонним. Н.М. Минский предложил собравшимся на следующий день провести у него в квартире экспериментальное «дионисийское радение».

В полночь 2 мая у Минского и Вилькиной (Галерная улица, 63) собрались Иванов, Зиновьева-Аннибал, Н.А. и Л.Ю. Бердяевы, В.В. и В.Д. Розановы, А.М. и С.П. Ремизовы, З.А. и С.А. Венгерovy, М.М. Добролюбова, А.М. Бутягина (падчерица В.В. Розанова) и ее друг, студент консерватории Б.А. Зак. Последний добровольно принял на себя роль «жертвы», которой, после «кружений» и сидения на полу «в братском круге», вскрыли вены и «причастили» его кровью собравшихся. Эта «черная месса» вызвала резкое осуждение Мережковских и А.А. Блока, а в майском № весов появилась статья Иванова «О нисхождении» (позже переименована в «Символику эстетических начал»), связанная с полученными на «радении» впечатлениями.

15 мая Иванов и Зиновьева-Аннибал выехали из Петербурга в Москву, где остановились у Ал.Н. Чеботаревской.

Во второй половине мая они два раза побывали в Сокольниках — с Брюсовым и с В.Н. Ивановским, ездили в Петровский парк. Иванов пишет для «Вопросов жизни» статью «О Шиллере» (опубликована в № 6) и работает над корректурами «Религии Диониса». Однако эта «вторая Москва» Ивановых разительно отличалась от прошлогодней. Начиналась череда трагических событий.

14-15 мая 2-я Тихоокеанская эскадра разгромлена японским флотом у острова Цусима, что означало окончательное поражение России в войне на Дальнем Востоке (*18 мая* Иванов откликнулся на роковое известие стихотворением «Цусима», опубликованном в № 6 «Вопросов жизни»). Революционные волнения начинают охватывать русскую провинцию, в Иваново-Вознесенске создан первый в России Совет рабочих депутатов. Неблагополучие общественное соединилось в эту поездку Ивановых в Москву с неблагополучием в их тамошнем окружении. «...В Москве все было не то, — пишет об этих днях Л.Д. Зиновьева-Аннибал. — Отвратительно. Брюсов изолгался вконец в словах, в чувствах, в стихах, в авантюрах. Пошлость Апраксина рынка, одетая в бутафорское величие. Андрей Белый злой и выдохшийся. Поляков в бегах. Атмосфера злой сплетни, беззубой грязи какой-то».

На *весну этого года* приходится кульминация семейной драмы Брюсовых, вызванная бурным романом В.Я. Брюсова с Н.И. Петровской (в *конце мая* он уехал с ней на месяц в Финляндию). До отъезда Брюсов успел в общих чертах договориться с Ивановым о радикальном реформировании журнала (в который предполагалось ввести беллетристический отдел), однако эти планы казались Иванову неубедительными. Против учения Иванова «о нисхождении» выступил Андрей Белый, опубликовавший в № 6 «Весов» эссе «Химеры», которое Иванов считал для себя оскорбительной. Тем не менее, его сотрудничество с журналом продолжается.

В *начале июня* Ивановы нанесли визит И.М. Брюсовой и договорился о редактировании для «Скорпиона» сборника стихотворений А.М. Добролюбова «Из книги невидимой». Затем он на *несколько дней* заболел, а *11 июня* вновь появился в редакции «Скорпиона», принес доделанную статью о венских выставках и имел деловой разговор с С.А. Поляковым («Весы» задолжали Иванову достаточно большую сумму гонорара за прошлые публикации).

В *июльский № «Весов»* Иванов подготовил рецензию на книгу М. Метерлинка «Двенадцать песен», однако это был его последний материал для журнала. Между тем в *июльском № «Вопросов жизни»* опубликовано стихотворение Иванова «Астролог», а в следующем, *августовском* – большая подборка стихотворений («Утро», «Рассвет», «Ливень», «Осень», «Аттика и Галлея», «Бессонница» («Что порхало, что лучилось...»), «Знаменья», «Semper morion, semper resuege»).

Все это время Ивановы продолжают общаться с В.Н. Ивановским, а также с сестрой М.М. Замятниной Ю.М. Корш.

Весь *июнь* в России нарастает внешний и внутренний политический кризис: *7 июня* японские войска захватили Сахалин, *14 – 25 июня* в Одессе происходили беспорядки, связанные с матросским мятежом на броненосце «Князь Потемкин Таврический», а в Лодзи (Польша) восстали рабочие.

15 июня Ивановы уехали в Петербург. В Петербурге в *июне-июле* Ивановы живут на Петроградской стороне (Офицерский переулок, 7, кв. 13 (штабс-капитана Котуренко). Иванов работает над статьей «Кризис индивидуализма. К трехвековой годовщине “Дон Кихота”» (опубликована в № 9 «Вопросов жизни») и над переводом поэмы Д-Г. Байрона «Остров» для собрания сочинений, которое издавал С.А. Венгеров. Помимо того, он перерабатывает для отдельного издания «Эллинскую религию страдающего бога» и под влиянием М.И. Ростовцева, знакомство с которым он возобновил в это время, возвращается к идее издания своей диссертации.

25 июля Ивановы нанимают «удивительную квартиру» в доме на улице Таврической 25/1. «Единственная квартира во всем Петербурге. Что-то дико фантастическое и прекрасное. 6-й этаж, из кухни ход на крышу и прогулка по крышам самого высокого дома города с видом на все четыре стороны города и боров в синих далях. Сама квартира: огромная передняя. Прямо вход в огромную глубокую комнату, к концу ее обращаящейся в свод и с единственным суживающимся кнаружи окном. Что-то готическое. Из нее вход в большую, составляющую круглый угол дома (Тверской и Таврической). Она

разделена перегородками (стенками внутренними) на три комнаты, и они представляют странную форму благодаря башне». Обстановку в новую квартиру на «башне» перевезли из склада, где хранилась мебель М.М. Замятниковой.

31 июля Иванов в письме к Брюсову (к тому времени вернувшемуся в Москву из Финляндии) выражал сомнение в целесообразности сотрудничества с «Весами»: «Не думаю, чтобы мое присутствие в Москве было надобно “Весам” вообще». В августе в редакции «Весов» возникает острый конфликт С.А. Полякова и В.Я. Брюсова и судьба журнала висит на волоске: Брюсов заявляет о своем желании покинуть издание. Это окончательно определяет выбор Ивановым «Вопросов жизни» в качестве постоянного периодического издания.

22 августа московский актер и режиссер Н.Н. Вашкевич обращается письмом к Иванову за разрешением назвать созданную им театральную студию «Дионисовым действием», ибо эстетика нового театра была «наваяна» произведениями Иванова. Дебютом нового театра предполагалась постановка «Колец» Зиновьевой-Аннибал. Иванов и Зиновьева-Аннибал начинание приветствовали, но осуществить свое намерение Н.Н. Вашкевич не смог.

23 августа Иванов официально заявляет Брюсову о прекращении своего сотрудничества в «Весах» (формальная причина – искажение текста его полемической статьи «О химерах Андрея Белого» в июльской книжке «Весов»). Впрочем, уже к началу сентября этот конфликт был частично улажен, т.к. Иванов убедился в том, что дефект публикации случился из-за почтовой ошибки. Тем не менее, de facto его сотрудничество с «Весами» до конца года полностью прекратилось.

В тот же день, 23 августа в Портсмуте (США) между Россией и Японией был подписан мирный договор, по которому к Японии отходили права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и южная часть Сахалина.

26 августа у Ивановых «вышел импровизированный вечер»: Н.П. Анненкова-Бернар приехала с актрисой театра Литературного-художественного общества Е.Н. Рощиной-Инсаровой, независимо от них пришли С.Н. Булгаков, Д.Е. Жуковский и другие участники «Вопросов жизни». «Я два раза ставила самовар, но все вышло элегантно и уютно», – сообщала Л.Д. Зиновьева-Аннибал М.М. Замятниковой.

27 августа Ивановы были у Ф.К. Сологуба (7 линия Васильевского острова, 20), которого нашли «ужасно изящным и умным».

4 сентября Иванов получает письмо из Москвы от В.Э. Мейерхольда с предложением поставить «Тантала» силами «Театра Студии» при МХТ-е. Это – начало длительного творческого контакта Иванова и Мейерхольда, хотя собственно это предприятие им не удалось осуществить.

В среду 7 сентября прошло первое импровизированное литературное собрание у Ивановых, в котором участвовали В.А. Пяст и А.М. Ремизов. Под его впечатлением Ивановы принимают решение превратить в грядущий осенне-зимний сезон среду с свой jour-fix (точнее – nuit-fix, т.к. съезд гостей начинался здесь в 23 часа, а завершение приходилось на 5-6 часов утра).

В ночь с *14 на 15 сентября* в квартире Ивановых на Башне происходит литературный вечер с участием Г.И. Чулкова, Н.А. Бердяева, Ф.К. Сологуба, А.М. и С.П. Ремизовых, О. Дымова (О.И. Перельмана) и приехавшего из Москвы К. Бальмонта, который и стал «гвоздем» собрания (помимо него, свои произведения прочли О. Дымов, А.А. Блок и Ф.К. Сологуб). Это — начало ивановских «сред».

В ночь с *21 на 22 сентября* на вторую «среду» у Ивановых собираются Мережковские и Д.В. Философов, Сологуб, Пяст, Ремизов, Чулков, Эрн, А.В. Карташев, Ал. Н. Чеботаревская, М.О. Гершензон, П.Е. Щеголев, Н.П. Анненкова-Бернар. Была художественная декламация (Пяст) и острая полемика Ивановых с Мережковскими.

В ночь с *28 на 29 сентября* проходит третья «среда» с участием В.В. Розанова и его падчерицы А.М. Бутягиной, А.М. и С.П. Ремизовых, О. Дымова. «Розанов был в ударе и свежо рассказывал анекдоты из области любовных переживаний его супруги». После его ухода оставшиеся устроили спиритический сеанс с Дымовым в роли медиума, а остаток ночи провели за «профессиональными разговорами».

В *сентябре* Иванов завершает переводить поэму Д.-Г. Байрона «Остров» и пишет к ней статью-предисловие «Настроение поэмы “Остров”».

1 октября умер актер М.И. Писарев, бывший муж Н.П. Анненковой-Бернар, и *2 октября* Ивановы были на панихиде, а затем ездили к И.М. Гревсу (ходили слухи, что он арестован как «неблагонадежный»), Ф.К. Сологубу, Н.П. Анненковой-Бернар.

В ночь со *2 на 3 октября* проходит собрание у Ф.К. Сологуба, где читали стихи сам Сологуб, Иванов, Пяст, Чулков и А.А. Кондратьев.

3 октября Иванов был у Г.И. Чулкова вместе с приехавшей из Москвы Ал. Н. Чеботаревской.

4 октября Ивановы присутствуют на похоронах М.И. Писарева (где поэт простудился и около двух недель ощущал невралгическое недомогание). После похорон сестры Чеботаревские договариваются с пришедшими на кладбище сотрудниками неореалистического издательства «Знание» — С.С. Юшкевичем, М.П. Арцыбашевым, Скитальцем (С.Г. Петровым), В.В. Башкиным — об их участии в завтрашней «среде».

В ночь с *5 на 6 октября* проходит первая «объединенная» «среда» неореалистов с символистами. В ней участвовали Скиталец, Юшкевич, Чулков, Ремизов, Жуковский, Сологуб, сестры Чеботаревские, издатель С.А. Скирмунт, литературовед и критик Д.Н. Овсяннико-Куликовский, Г.Е. Пабст, О.А. Беляевская и др. (всего — около 30 человек). На вечере зачитывался новый рассказ М.П. Арцыбашева «Тени утра» (в присутствии автора рассказ читал журналист И.В. Жилкин). После чтения Иванов настоял на «организованных прениях», которые длились до 2 ч. ночи. После ухода «знаньевцев» завсегда и «башни» оставались до утра (согласно наблюдениям Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, «выпили 5 бутылок вина и 3 пива, съели 70 тартинок»).

9 октября на воскресном вечере у Ф.К. Сологуба Ивановы знакомятся с А.А. Блоком («Были все наши и Ал. Блок, очень симпатичный и красивый.

Много стихов читалось им, Сологубом, Вяч<еславом>, было еще несколько мол<одых> поэтов (Пяст, Кондратьев, Чулков...)).

10 октября Иванов пишет письмо С.К. Шварсалону, поступившему *тогда же* в Женевский университет: «...Основной задачей является выработка критического отношения к проблемам духовного и нравственного сознания. Критицизму противоположен догматизм, этот последний одинаково торжествует в православном катехизисе и в катехизисе “свободомыслящих”».

12 октября в Москве открылся Учредительный съезд Конституционно-демократической партии, более известной как «партия кадетов» (по аббревиатуре КД). Среда, прошедшая в ночь с *12 на 13 октября*, на которой, по выражению А.М. Ремизова, «коновожил <Е.В.> Аничков», была посвящена обсуждению политической ситуации в России (на следующий день, *13 октября* началась всероссийская забастовка и в Петербурге был образован Совет рабочих депутатов во главе с меньшевиком Г.С. Хрустальевым-Носарем).

17 октября выходит подготовленный С.Ю. Витте Манифест Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка» с дарованием гражданских свобод (совести, слова, собраний и союзов). Иванов приветствует его как сторонник конституционной монархии.

18 октября Иванов участвует в манифестации на Невском проспекте, посвященной Высочайшему Манифесту и пишет стихотворение «Populus Rex», которое будет опубликовано в № 10 «Вопросов жизни». В том же № журнала опубликовано и стихотворение Иванова «Тихая воля».

В ночь с *19 на 20 октября* на «среде» у Ивановых, помимо завсегдатаев, присутствуют В.С. Миролубов, И.И. Ясинский и М.П. Арцыбашев. Это снова «объединенное» собрание с неореалистами. В.А. Пяст читал эротический рассказ А.П. Каменского «Четыре», который вызвал скандал, ибо был воспринят Мережковским как нигилистическая демонстрация на фоне трагических событий нарастающей революции. Против обвинений Мережковского выступила Зиновьева-Аннибал, затем – Розанов (который оскорбил Каменского) и Иванов. Мережковский об этом собрании писал: «Читали дурацкую повесть какого-то Каменского <...> и происходили еще более дурацкие прения. В такие дни – хамство русской интеллигенции непостижимо». «...Опротивели мне все, – писала тогда же Л.Д. Зиновьева-Аннибал. – Одну минуту я верила в чудо. Теперь вижу впереди серую конституцию и пошлое политиканство».

24 октября Иванов в письме к Брюсову излагает свою политическую позицию: «...Принимать Государственную Думу с функциями учредительного собрания, если она не основана не на общеизбирательном праве и не выражает, следовательно, всенародной воли, не следует, но не радоваться нельзя тому, что самодержавие, принужденное к самоубийству, нанесло себе рану на этот раз смертельную, – тому, что самый лозунг недавней борьбы “долой самодержавие” – отныне стал праздным. <...> Уже давно самодержавие – “личина пустоты”, маска, из-за которой искаженно и хрипло говорит не личность, а чужая воля. <...> Пусть же всенародный голос прямо слышится. Пусть мир увидит (это мой исконный идеал) – государственное единство славянских народов».

26-28 октября бунтовал гарнизон Кронштадта (около 4,5 тысяч человек).

В 20-х числах октября Иванов переносит рецидив крапивной лихорадки, осложненной бронхитом и следующая среда 26 октября, на которой должны были выступить Н.М. Минский и Л.Н. Вилькина, по всей вероятности, не состоялась. В начале ноября стало очевидно, что журнал «Вопросы жизни» находится на грани закрытия.

10 ноября в Петербурге образована праволиберальная партия «Союз 17 октября», одним из основателей которой стал берлинский знакомый Иванова А.И. Гучков. В этот день Иванов и Зиновьева, пытаясь изыскать средства для продолжения «Вопросов жизни» уезжают в Москву, однако их хлопоты оказались тщетными, и к концу ноября судьба журнала оказалась решена. Во время пребывания в Москве Иванов узнал о конфликте Андрея Белого с журналом «Искусство» из-за рецензии С.А. Соколова (Кречетова), опубликовавшего в № 5/6/7 журнала уничижительный отзыв на «Северные цветы ассирийские» и, в частности, на «Тантала». Белый, несмотря на ссору с Ивановым, послал Соколову открытое письмо, в котором назвал «Тантала» величайшим достижением символизма и объявил о своем выходе из «Искусства» (дело едва не дошло до дуэли). Иванов был глубоко тронут поступком Белого, и дружба между поэтами была восстановлена. В это время в Москве происходит реорганизация «Искусства»: меценат Н.П. Рябушинский хочет превратить это издание в «продолжение “Мира Искусства”, но еще роскошнее, по-русски и по-французски». На Иванова издатель имеет особые виды.

17 ноября Иванов и Зиновьева-Аннибал уезжают из Москвы в Петербург. «Историческим фоном» московской поездки Ивановых становится восстание матросов и солдат в Севастополе, которое возглавил лейтенант П.П. Шмидт (11-15 ноября).

В ночь с 23 на 24 ноября состоялась очередная «среда» на Башне, где «были Розанов и несколько поэтов, читались стихи». В это время, ввиду закрытия «Вопросов жизни», Г.И. Чулков начинает работу по созданию нового альманаха, который сначала носил условное название «Огни», а затем был переименован в «Факелы» (планировалось и создание одноименного театра во главе с В.Э. Мейерхольдом, переехавшим 21 ноября, после закрытия его московской Театра-студии, в Петербург).

28 ноября у Ивановых собирается организованная Чулковым группа будущих «факельщиков» — Ф.К. Сологуб, Л.Н. Андреев, И.А. Бунин, О. Дымов, Л.И. Галич (Габрилович), С.Л. Рафалович, художники К.А. Сомов и Е.Е. Лансере.

В конце ноября Л.Д. Зиновьева-Аннибал начинает работать над «странной символической фантастикой на современную, политическую, революционную тему» — пьесой «Великий Колокол» (неоконченной) для театра «Факелы».

30 ноября у Ивановых были делегаты реорганизованного московского журнала «Искусства», который с января грядущего года должен был превратиться в журнал «Золотое руно». С.А. Соколов (Кречетов) и художник Н.Я. Тароватый передали Иванову и Зиновьевой-Аннибал предложение

Н.П. Рябушинского о сотрудничестве на очень выгодных условиях. Однако Иванов, помня осенний конфликт Кречетова и Андрея Белого из-за «Тантала», поставил обязательным условием своего сотрудничества вхождение Белого в «Золотое руно». С согласия Кречетова, Иванов и Мережковский *1 декабря* посылают Белому письма «с убеждением присоединиться к “Золотому руну” как к новому самостоятельному изданию».

В ночь с *30 ноября на 1 декабря* проходит «среда», посвященная обсуждению вопросов, связанных «с рождением “Факелов” и “Золотого руна” и умиранием “Вопросов жизни”».

В начале декабря к Иванову проявляют интерес ведущие сотрудники крупнейшего народнического журнала «Русское богатство» – Н.Ф. Анненский и В.И. Семеvский. Они вводят Иванова в Союз писателей.

4 декабря у Ивановых был Г.И. Чулков для заключения окончательной договоренности с Ивановым о формах сотрудничества последнего с «Факелами». В результате Иванов и В.Э. Мейерхольд получали театральнй отдел альманаха (с правом руководства создаваемым параллельно театром), а, помимо того, Иванов становился соредактором издания с правом veto и получал право ведения философского отдела (совместно с Л. Галичем). В качестве постоянного сотрудника редакции он получал ежемесячное жалование в 100 рублей, помимо гонораров. В тот же день Ивановым нанес визит приехавший в Петербург Андрей Белый, с которым Иванов обсудил перспективы совместного сотрудничества в «Золотом руне», отправив затем в Москву телеграмму о своей согласии на участие в новом журнале. Вечером того же дня Ивановы проводят у Розанова, где повсюду циркулируют слухи о создаваемом ими «политическом театре» и они становятся предметом всеобщего внимания.

5 декабря Зиновьева-Аннибал сообщает М.М. Замятниной: «Теперь совершается великая переоценка ценностей. <...> Душа меняется, и всякое действие, и всякий уклад жизни кидаешь на весы и говоришь: что это, жизнь свободного человека (пролетария), или жизнь позорного раба буржуа? И есть буржуа по доходам, но еще больше буржуа по качественным расходам. Все, утверждаю, все буржуа по расходам. Я это узнала теперь. И недаром моя дикая, вольнолюбивая душа с таким отвращением входила в уклад вашего уюта, который развратил Вячеслава и Веру. <...> Вячеслав неузнаваем, даже походка изменилась, ступает легко, как на цыпочках, за все благодарен, часто не обедает, когда устанем и поздно вернемся. <...> Есть что-то неуловимое, несказанное, что улегчает душу, освобождает тело в отпяти старог человека. О, все мое детство, вся моя молодость теперь осуществляется». Это – время наивысшего радикализма в мировосприятии Иванова, начало «неприятия мира», начало «жизнетворчества», связанного с идеями «мистического анархизма», «символизма пронизанного лучом соборности».

В ночь с *7 на 8 декабря* на Башне проходит «среда», на которой состоялось «собеседование о любви» под председательством историка П.В. Безобразова. С речами – на манер «Пира» Платона – выступали Блок (прочитавший стихотворение «Влюбленность»), Иванов, Андрей Белый (против концепции

которого о «трех фазах любви: «к Богу, к Ней, к людям» возражал Розанов), Галич и Зиновьева-Аннибал, выступавшая в роли платоновской Диотимы. Ее речь («Не в отказе от страсти и любви спасение, а в обращении порока нашего в добродетель») вызвала ожесточенные споры и стала источником замысла самой известной повести Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три уroda». Завершили дискуссию С.А. Борисов и Л.Ю. Бердяева. Кроме того, в «симпозионе» (одном из самых знаменитых за всю историю Башни) участвовали А.М. Бутягина, критик Е.Г. Лундберг, Н.П. Анненкова-Бернар, А.М. Ремизов, Г.И. Чулков, В.А. Пяст, А.А. Кондратьев.

9 декабря Иванов и Чулков были в закрытом полицией Союзе писателей, а затем проводили совещание редколлегии «Факелов». На этом совещании дебатировался союз социал-демократов и «анархистов-мистиков», сложившийся в публицистическом и художественном отделах будущего альманаха. *В этот день* в Москве на Пресне, в районах, где проходили детские годы Иванова, начинается вооруженное восстание под руководством социал-демократов, эсеров и анархистов, вошедших в Московский совет рабочих депутатов.

С 9 по 19 декабря в Москве идут кровопролитные уличные бои между повстанцами и правительственными войсками (более 1000 человек убитых); *в эти же дни* вооруженные столкновения происходили в Екатеринославе и Ростове-на-Дону. Иванов был глубоко потрясен происходящим в его родном городе и в России.

В ночь с *14 на 15 декабря*, в разгар московских событий, проходит очередная «среда», посвященная диспуту «Одиночество и Анархизм». На ней впервые «блестяще» председательствует Н.А. Бердяев, который с этого момента становится бессменным «башенным» председателем. Диспут открыла Зиновьева-Аннибал, прочитавшая отрывки из «Теней Сна» и «Пламенников» в качестве иллюстрации главного положения своего выступления о том, что «из тоски одиночества и безвыходности ее нужно сделать добродетель крайнего индивидуализма в анархизме». Вслед за ней с чтением своих стихов, посвященных проблеме одиночества, и автокомментариями к ним выступил Иванов. В дискуссии участвовали А.М. Ремизов, Ф.К. Сологуб, Л.И. Галич, Г.И. и Н.Г. Чулковы, Н.П. Анненкова-Бернар и С.А. Борисов, художники К.А. Сомов и М.В. Добужинский, критик К.А. Сюннерберг, молодые поэты В.И. Корин (Корехин), А.С. Рославлев, Я.В. Годин.

16 декабря Ивановы посетили мастерскую К.А. Сомова. Из Москвы приходит письмо Брюсова («Я жив, хожу под выстрелами, ни к какой партии не принадлежу»), которое вызывает возмущение у Ивановых («Подлый ломака!») как своим нарочитым аполитизмом, так и неприемлемым из-за многочисленных условий и обязательств предложением сотрудничества в обновленных «Весах».

18 декабря Ивановы были у Анненковой-Бернар и у Сологуба, который читал им свои новые вещи, посвященные революционным событиям.

19 декабря у Ивановых неожиданно для хозяев собирается неореалистический «кружок литературы» (комментарий Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: «Чи-

талась какая-то дрянь. Я кое-как поила чаем. Вяч. сбегал за пивом и колбасой. Люди славные, простые, теплые, но уж до печали бесталанные! Скушно!»).

20 декабря Иванов пишет дифирамб «Факелы», который читает на очередной «среде» в ночь с 21 на 22 декабря. На этой «среде» была продолжена дискуссия об «одиночестве и анархизме». С докладом выступил социал-демократ, студент С.А. Гидони, поразивший присутствующих своим красноречием («Через верблюда и льва мы придем к ребенку, с легкостью сбросим тяжесть жизни и кончим Творящим Странником, тогда уже не нужно будет искусства, мы сами станем творцом и творением...»). Затем друг с другом полемизировали Иванов и Мережковский, а после выступал К.А. Сюннерберг с речью о борьбе человека с насилием природы, т.е. времени, пространства и Бога (чем вызвал замечание Иванова, что Бог – начало не «начальствующее», а «страдающее»). В дискуссии участвовали детские писательницы П.С. Соловьева (Allegro) и Н.И. Манасеина, Андрей Белый, Г.И. Чулков, К.А. Сомов. А.С. Рославлев и Я.В. Годин читали свои стихи. Последний произвел большое впечатление на Зиновьеву-Аннибал и по ее приглашению

23 декабря приходил к Ивановым уже «приватно» – «почитать стихи, чтобы узнать критику Вячеслава». В этот день было собрание «факельщиков» у К.А. Сюннерберга. Направляясь на него Иванов заехал к Мережковским, где Д.В. Философов читал статью о понимании Иисуса Христа у В.В. Розанова. Там Иванов «был проклят Зиной» за мистический анархизм («Но не irrévocablement. Если покается в “демонических” “Факелах” и вернется в лоно “Троицы Иоанновой”, будет помилован»).

В ночь с 28 на 29 декабря в очередную «среду» была запланирована дискуссия на тему «Религия и мистика». Собралось 30 человек и дискуссия уже началась («О Фейербахе и Штирнере или об Аримане и Ормузде – толковал философ из “Вопросов жизни” Н.А. Бердяев с утонченным эстетом социал-демократии, Л. Габриловичем из “Новой жизни”»), когда в квартиру на Башне ворвалась с обыском полиция. Поводом для обыска было прошедшее ранее (19 декабря) у Ивановых собрание «кружка литературы», куда входили «политически неблагонадежные». Обыск (в том числе и личный, обязательный для всех присутствующих) продолжался до 4-х часов ночи). Полиция конфисковала рукописи Зиновьевой-Аннибал, несколько экземпляров эсеровской газеты «Революционная Россия», а также задержала на сутки только что приехавшую из Парижа и остановившуюся у Ивановых мать Волошина Е.О. Кириенко-Волошину, которая не успела сдать заграничный паспорт и имела на руках оба документа (это было нарушением паспортного режима). Во время обыска в гардеробе пропало несколько вещей из верхней одежды приглашенных, в том числе – шапка Д.С. Мережковского. Последний не преминул использовать это происшествие для создания одного из самых знаменитых политических фельетонов этого времени – открытого письма премьер-министру С.Ю. Витте «Куда девалась моя шапка? (Новогоднее письмо к Витте)» (Народное хозяйство. 1906. № 15 (1 января)).

В последнем, декабрьском № «Вопросов жизни» были опубликованы стихотворения Иванова «Солнце и сердце» и «Солнце – двойник».

1906

1906 – В новогоднюю ночь у Ивановых в гостях были В.Э. и О.М. Мейерхольды, О.М. Мунд (свояченица режиссера), Г.И. и Н.Г. Чулковы, Е.О. Волошина со своей подругой, гимназической учительницей А.И. Орловой, О.А. Беляевская и художница Е.Н. Давиденко. За праздничным столом речь, в частности, шла о привлечении к изданию «Факелов» Максима Горького и М.Ф. Андрееву.

2 января Л.Д. Зиновьева-Аннибал заручилась поддержкой брата, гражданского губернатора Петербурга А.Д. Зиновьева для беспрепятственного проведения «сред» (и, действительно, полицейских обысков больше не было).

3 января Горький и М.Ф. Андреева посетили Башню, где, помимо Ивановых, были Мейерхольд, Чулков и Л.И. Габрилович (Галич). Иванов и Мейерхольд говорили о создаваемом театре «Факелы», Чулков – об идее «мистического анархизма». Горький заявил, «что в России только и есть, что искусство» и назвал собравшихся «самыми интересными людьми в России» и даже «ее правительством». Поддержал он и высказанную хозяевами мысль «о необходимости слияния литературных фракций», однако ничего определенного не пообещал.

В ночь с *4 на 5 января* состоялась «новогодняя» «среда», на которой Н.А. Котляревский и его жена В.В. Пушкарева-Котляревская рассуждали о причинах увлечения «декадентов» революцией. В числе гостей, помимо завсегдатаев Башни, были Е.О. Волошина с А.И. Орловой, Е.Н. Давиденко, П.С. Соловьева, Н.И. Манасеина, Я.В. Годин, О.А. и Ю.А. Беляевские, а также «две милые к знанию и красоте девушки-курсистки Шиховы».

6 января Ивановы праздновали Крещенский вечер у Ремизовых, где А.М. Ремизов «ворожил», изображая козла, а затем Л.Д. Зиновьева-Аннибал, войдя в пророческий транс, предсказывала собравшимся будущее (Иванову она напроорочила: «Этот год будет зеркалом и ты угадаешь себя... и казнишь себя... иногда найдешь себя...»).

В ночь с *11 на 12 января* прошла следующая «среда», посвященная «Декадентству как философско-идейному движению». Помимо завсегдатаев в ней участвовали сотрудники сатирического журнала «Жупел» во главе с редактором-издателем З.И. Гржебиным.

В *январе* выходит книга стихов В.Я. Брюсова «Stephanos. (Венок)» с посвящением «Вячеславу Иванову – поэту, мыслителю, другу». Чтение этой книги подает Иванову идею написать статью на тему «Эллинство, варварство и мы» (впоследствии этот замысел был реализован в программной работе «О веселом ремесле и умном веселии»).

12 января Иванов пишет посвященное Брюсову стихотворение «Венок».

14 января Чулков и Мейерхольд ездили в Куоккалу (Финляндия) к Горькому, однако продолжения дела с «Факелами» не получилось, ибо Горький, принимавший активное участие в Московском восстании, сидел «на чемаданах», ожидая ареста или эмиграции (через несколько дней он и Андреева

уедут в Америку). Тем не менее, Горький, на которого беседа с хозяином Башни произвела сильное впечатление, решил заказать у Иванова для издательства «Знание» перевод «Саламбо» Г. Флобера (о чем он сам напишет в Петербург по дороге в Новый Свет, посулив переводчику 100 рублей за лист – гонорар необычный даже для «Знания»).

16 января Иванов присутствует на концерте «Вечеров современной музыки» (кружок В.Ф. Нувеля и А.П. Нурока), а затем – на собрании у Мережковских, где присутствовали «кадеты» П.Б. Струве и С.Л. Франк («серые дьяволы срединности, по определению Л.Д. Зиновьевой-Аннибал»).

17 января Башню посещает приехавший в Петербург В.Я. Брюсов с женой. В этот же день Л.Д. Зиновьева-Аннибал упоминает в письме к М.М. Замятниной, что Иванов «третьего дня ночью написал три стихотворения» и «у него готов 3-й сборник», который будет издан «до весны» («Мечтаем о нем: “Cor Ardens”»).

В ночь с *18 на 19 января* состоялась одна из самых многочисленных (40 человек) и знаменитых «сред» с участием В.Я. и И.М. Брюсовых. Дебатировалась прерванная прошлым полицейским обыском тема «Религия и мистика», однако, во время «длиннейшего и скучнейшего» доклада Л.И. Габриловича Л.Д. Зиновьева-Аннибал и В.Я. Брюсов «взбунтовали» присутствовавших на среде молодых литераторов – Блока, Пяста, С.М. Городецкого, А.А. Кондратьева, А.С. Рославлева, Д.М. Цензора, В.В. Башкина, – которые демонстративно покинули заседание и устроили «поэтические посиделки» в комнате Зиновьевой-Аннибал, рассевшись на коврах прямо на полу. В этом «бунте» участвовал и впервые появившийся на Башне М.А. Кузмин. После этого вечер приобрел «неформальный» характер: «дурачились, дразнили друг друга, шутили, потом пошли в столовую, где кто-то разыскал в буфете 3 четвертных вина <...> съели весь ситник и черный хлеб, всю колбасу чайную и ветчину... всю скромную дрянь на столе с восторгом и аппетитом, разливали себе чай из колосса-самовара <...> Мыли стаканы и делали все, что хотели». Иванов, присоединившийся к «бунтовщикам», утверждал, что жена «спасла вечер своим бунтарством и находчивостью» (против чего не возражал, впрочем, и сам «пострадавший» Л.И. Габрилович). Между тем, Брюсов в Петербурге осуществлял среди литераторов важную миссию в качестве эmissара обновленных «Весов», формировавших в эти недели редакторский портфель только что открывшегося беллетристического отдела. Возвращение в «Весы» Ивановых он полагал одной из главных задач (для чего, в частности, в первый же визит Брюсов возвратил Иванову все долги редакции – 350 рублей).

Они виделись *20 и 21 января* на Башне и в гостинице «Северной» (где Брюсовы остановились) и Иванов согласился передать в февральский номер «Весов» подборку стихотворений и статью.

Днем 22 января В.Я. и И.М. Брюсовы вновь посетили Башню. Во время этого визита состоялся тягостная политическая дискуссия, едва не поспорившая хозяев и гостей: Брюсов и Иоанна Матвеевна, пережившие ужасы декабрьских московских боев, решительно возражали Ивановым, славившим «героев восстания» («...Пришла Брюсова и стала говорить, что она и прочие

“обыватели” Москвы благодарны Дубасову, и что лучше ей слушать пристава, нежели еврея. Я ругалась, а В<ячеслав> сказал, что в своем доме не допустит больше ни одного слова, оправдывающего расстрелы (удалилась в слезах, злая бедная дурочка»)). Однако решительной ссоры не произошло и *вечером* Ивановы и Брюсовы встретились у Сологуба, где хозяин читал рассказ «Чудо отрока Лиина», а Брюсов, очевидно, антиутопию «Республика Южного Креста».

23 января Ивановы были на генеральной репетиции «Антигоны» Софокла (в переводе Мережковского) в Александринском театре: их, от имени актеров труппы Мейерхольда, пригласил Б.К. Пронин.

24 января дружеские отношения Ивановых и Брюсовых были восстановлены («Только что нежно жала руку Валерию, – писала Л.Д. Зиновьева-Аннибал М.М. Замятниной. – Кудесник этот человек! Чарует в нем художник и дикая, вольная личность! <...> Что-то таинственное и, верю, светлое, создает в нем дружбу к Вяч<еславу>»)). В *этот день* Иванов написал стихотворение «Люцина» (опубликовано в № 1 журнала «Прометей» за 1906 г.).

Брюсовы были на очередной «среде» *25 января*, которая была посвящена исключительно чтению стихов.

27 января труппа В.Э. Мейерхольда уехала на длительные гастроли в провинцию и создание театра «Факелы» было «отложено» (как оказалось, навсегда).

Днем *29 января* на Башне был с визитом Н.А. Бердяев, который «до полного головокружения» говорил с хозяевами «о свободе Воли, реализме и идеализме», после чего все трое пошли на литературные вечера к Сологубу (там Иванов записал экспромт «на общественную тему» в альбом поэту В.В. Уманову-Каплуновскому).

30 января Иванов был с визитами у И.М. Гревса и Е.В. Аничкова, приглашая их на грядущую «среду» (оба изъявили согласие и оба не пришли).

31 января вышел № 1 (стартовый) «Золотого руна» под редакцией С.А. Соколова (Кречетова). Им написано редакционное предисловие (от имени «Золотого руна»), в котором сформулирован «декадентский» набор принципов деятельности журнала.

1 февраля Иванов, вернувшись от К.А. Сюннерберга (где ночь напролет продолжалось собрание «факельщиков», которым С.П. Дягилев вдруг решил построить здание театра (разумеется, из этого утопического проекта ничего не вышло), застаёт у себя К.А. Сомова. Тот по поручению издателя «Золотого Руна» Н.П. Рябушинского, просит разрешения написать портрет поэта («Я прошу разрешения написать Ваше прекрасное лицо!»).

В ночь с *1 на 2 февраля* прошла очередная «среда», «распавшаяся» на литературную и философскую части. Первая состояла из чтения Ивановым рассказа Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Бред», обсуждения его и, затем, чтения стихов всеми желающими. Вторая оказалась импровизационным собеседованием на тему «Творчество Федора Сологуба», в результате которого была принята формула «Мистика есть воление Невозможного», предложенная Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. На вечере присутствовали, помимо завсегдаев

приехавший из Москвы Б.К. Зайцев, Н.А. Тэффи, химик А.А. Байков, музыкальный критик В.Ф. Нувель, писательницы Мирэ (А.М. Моисеева) и Макс Ли (О.Н. Хренникова), поэтесса Н.В. Крандиевская, журналист и филолог А.А. Смирнов, прозаик А.П. Чапыгин, поэты Ю.Н. Верховский, Л.Н. Андрусон, В.Н. Гордин, В.Н. Всеволодовский-Гернгросс.

2 февраля Ивановым нанес визит С.Л. Поляков (Литовцев), знакомый по парижской русской Высшей школе общественных наук (к этому времени уже прекратившей свое существование). *В этот день* Иванов начинает работу над «двумя статьями» для «Золотого Руна», которые потом составят большое эссе «Предчувствия и предвестия» (опубликовано в №№ 5 и 6). *6 февраля* у Ивановых на Башне собирался «кружок так называемых “маленьких реалистов”» во главе с М.П. Арцыбашевым. Обсуждалась его повесть «Кровавое пятно», причем обсуждение (затянувшееся до 4-х часов ночи) превратилось в бурную дискуссию о недавних московских событиях. С речами о «московских расстрелах» выступили А.В. Луначарский (о завоевании будущего бессмертного человечества), В.Н. Ивановский, адвокат М.Ф. Волькенштейн. Иванов взял заключительное слово, в котором остановился на «богостроительской» проповеди Луначарского («наш критик желает быть пророком, но хуже, что он требует, чтобы и художник был пророком»).

7 февраля Ивановы были на блинах (Масляная неделя) у Ремизовых, откуда отправились в Университет на закрытое заседание петербургского философского общества, где Мережковский зачитывал реферат «О литературно-общественных идеях Достоевского».

В ночь с *8 февраля на 9 февраля* прошла «небольшая» «среда» под председательством Н.А. Бердяева. Главным событием стало чтение С.М. Городецким своих стихов («Изумительный, с ног сшибающий талант Городецкого. Пьяный поэт, пьяных слов, пьяных образов, вакхически, хаотически закруживающий вихрь в нервах слушателей») и чтение Ивановым только что созданной «Мэнады», «с безумными, бьющими по сердцу рифмами». Впечатление было настолько сильным, что стала дебатировалась тема «О ритме». Выступали композитор В.Г. Каратыгин, С.М. Городецкий, Иванов и Зиновьева-Аннибал.

10 февраля Ивановы обедали у Д.Е. Жуковского в компании «кадетов» – П.Б. Струве, С.Л. Франка и А.В. Тырковой-Вильямс (которые предлагали им сотрудничество в альманахе «Полярная звезда»), а затем были на именинах Павлы Афанасьевны Замятниной (матери М.М. Замятниной). Иванов получил известие от М.И. Ростовцева о том, что появилась возможность публикации его латинской диссертации приложением к «Запискам Императорского Русского Археологического Общества», а Жуковский гарантировал ему «бесплатное» издание «Эллинской религии страдающего бога» и «книги статей».

В Прощенное воскресенье *12 февраля* у Ивановых был Г.И. Чулков «с проектами, сметах и выкладками “Факелов”», а затем Иванов и Зиновьева-Аннибал посетили Розанова. «Мы с Вячеславом, – описывала этот «ужасный» (sic!) день Л.Д. Зиновьева-Аннибал, – за последнее время нелепо, но сильно ссоримся из-за государственности, целостности России, славянском

союзе и тому подобных святынях “национальных поэтов” вроде Пушкиных, Тютчевых, Никольских и Ивановых... А Розанов говорил, что у нас всегда медовый месяц, что мы страшно похожи друг на друга и душою можем даже разойтись, мирил нас, благословил и заставил на лестнице поцеловаться...». *Вечером этого же дня* Ивановы были у Сологуба, который читал им финал «Мелкого беса» и чуть не поссорился с Ивановым из-за его оценки услышанного.

В ночь с 15 на 16 февраля на Башне проходит «среда», посвященная теме «Социализм и искусство», собравшая более 40 человек. С основным докладом выступил (неудачно) Е.В. Аничков, после чего прошли «тусклые» прения. Оживление внесли прочитанные Городецким и Ивановым новые стихотворения (в частности – «Неотлучные»). Мережковский подарил Иванову только что вышедшую книгу статей «Грядущий хам».

На следующий день, знакомясь с «подарком», Иванов обнаружил в книге «полемические красоты непорядочного свойства».

20 февраля он пишет Мережковскому письмо-объяснение («Несколько дней уже не знаю, как преодолеть душевную смуту, и оттого пишу эти строки. Как? Передо мною очевидная наличность преднамеренного и коварного оклеветания, очернения, дискредитирования?»). *В тот же день* Иванов пишет «прелестные стишки еще о бессоннице» (возможно, «Казни ль вестник предрассветный...») и посещают концерт «Вечеров современной музыки», а затем – литературный вечер у Л.И. Галича (Габриловича). Последний накануне выступил в газете «Театр и искусство» (№ 8, 19 февраля; продолжение в № 9, 26 февраля) с обстоятельной статьей «Дионисово соборное действо и мистический театр “Факелы”», в которой назвал Иванова «едва ли не первым теоретиком искусства с законченным художественным мировоззрением» во всей... русской литературе.

В ночь с 22 на 23 февраля проходит многочисленная (более 45 человек) «среда», содержанием которой, по предложению председателя Н.А. Бердяева, стала дискуссия «О черте». Иванов произнес на ней большую речь, противопоставив понимание зла Мережковским как «абсолютной срединности» – своему пониманию «глубин сатанинских» как ницшевского «духа тяжести». Там же Иванов обвинил Мережковского в клевете на его трактовку Диониса. Помимо Иванова с речами выступали Галич (о «Мелком бесе» Сологуба) и Зиновьева-Аннибал, объявившая диавольским началом «все существующее» и только Невозможное – «выходом из него». После прений и чтения стихов, когда большинство посетителей ушло, Иванов читал свои стихи (в частности – «Мэнаду» и «Ветер») для оставшегося «узкого круга» (Д.Е. Жуковский, Е.К. Герцык, Ан.Н. Чеботаревская, Д.И. Цензор и В.Н. Ивановский). Любопытно, что Мережковские (25 февраля они уезжали за границу в двухгодичное «добровольное изгнание») устраивали у себя *в этот день* прощальный вечер, на котором присутствовали Блок, Белый и А.В. Карташев, проигнорировавшие приглашение на Башню. Ивановы (по всей вероятности, несправедливо) расценили это как враждебный демарш.

23 февраля Ивановых посетил Андрей Белый, а после этого (неудачного) визита, Иванов и Зиновьева-Аннибал пошли на вернисаж «Мира Искусства».

27 февраля Иванов редактировал свое «берлинское» послание А.Д. Дмитриевскому «Ars Mystica» для публикации в альманахе «Свободная совесть. Книга вторая» (публикация не состоялась, вместо этой поэмы Иванов дал в альманахе «Псалом Солнечный»). В этот день Ивановым нанесла визит Е.К. Герцык, которой Иванов читал начало новой начатой им трагедии «Прометей».

В конце февраля на Башне поселяется приبلудная кошка La Vampa, которая «обладает всеми свойствами культурного квартиранта». В феврале в № 2 «Весов» появилась огромная подборка стихотворений Иванова «Северное Солнце» («Северное Солнце», «На Родине», «Москва», «Духов День», «Троицын День», «Ущерб», «Вечерное Коло», «Заря-Заряница», «Повилики», «В Алый Час», «Лебеди», «Солнце» (впоследствии «Хор Солнечный») и две «Газелы»). В этом же № «Весов» была опубликована статья «Товарища Германа» (З.Н. Гиппиус) «Золотое руно», в которой высмеивается пафос редакционной статьи нового журнала и сам С.А. Соколов (Кречетов). Между тем стихотворения Иванова «Путь в Эммаус» и «Валун» появились в № 2 «Золотого Руна».

В ночь с 1 на 2 марта на «башне» прошла «среда», посвященная «Искусству будущего». На ней разгорелся спор Иванова и Белого (последний говорил об исчезновении искусства, после «слияния объекта творчества с субъектом творящим», т.е. после превращения художника в «теурга»; Иванов же утверждал, что в таком случае «Ангелы будут художниками» и творчество приобретет качество «творения»). После с защитой «искусства для искусства» выступал В.Ф. Нувель, а за ним – Дымов, Бердяев («народ никакого искусства, кроме классического по направлению, т.е. объективирующего, не знает») и «много мямлящих и прихорашивающихся болтунов». Затем с чтением стихов выступили Ивановский, Б.А. Леман (Дикс), В.М. Волькенштейн (сын адвоката), Городецкий и Белый. В заключение два стихотворения прочел Иванов. Вероятно, на этой «среде» с Ивановыми познакомился черниговский писатель С.В. Троцкий (он публиковался в «Новом пути» и альманахе «Свободная совесть»).

С 4 марта Иванов начинает позировать К.А. Сомову. В ходе этих сеансов происходит дружеское сближение художника с «моделью» и возникает идея организации на Башне, помимо «сред», интимных эстетических собраний «для избранных».

В ночь с 8 на 9 марта – очередная «среда», продолжение беседы об «Искусстве будущего». Выступали Иванов, Бердяев, Нувель, И.Э. Грабарь (с критикой эстетики «миriskусников») и знакомый Иванова по московскому подготовительному пансиону М.И. Туган-Барановский.

15 марта Иванов сделал визиты к В.Ф. Нувелю и С.П. Дягилеву (последний хотел содействовать созданию театра «Факелов»).

В ночь с *15 на 17 марта* проходит третья (и последняя) «среда» об «Искусстве будущего». На ней присутствовал К.И. Чуковский, против которого начиналось судебное преследование (за редактирование сатирического журнала «Сигнал»). Чуковский задержался у Ивановых после разъезда гостей и получил полную поддержку и добрые напутствия («Странно и трогательно прильнул он к нам в первое же свое посещение»). Сам же Чуковский в письме к В.Я. Брюсову от *17 марта* оценил увиденное так: «Вечер изобиловал поэтами иудейского вероисповедания, воспевавшими баррикады и забастовки. Много говорили о Вас».

Около 17 марта написаны стихотворения «Палачам» и, вероятно, «Под березой».

17 марта у Ивановых был немецкий поэт И. фон Гюнтер, который переводил на немецкий произведения русских модернистов (в том числе, Иванова и Зиновьеву-Аннибал). «Красивый и талантливый юноша» понравился хозяевам и Сомову, работавшему над портретом. В *этот же день* Иванову приходит повестка о голосовании в Государственную Думу: он решает отдать свой голос кадетам («ибо более левые не выставляют кандидатов»).

В день выборов, *20 марта* Иванов ходил голосовать в Соляной городок.

21 марта И. фон Гюнтер вновь является во время сеанса позирования и читает Иванову и Сомову «свои музыкальные стихи и переводы».

22 марта проходит еще один сеанс, во время которого приходит Г.И. Чулков – обсуждать обложку альманаха «Факелы» (которую накануне сделал Е.Е. Лансере). Иванов *в эти дни* сидит за корректурами альманаха.

В ночь с *22 на 23 марта*, накануне именин Л.Д. Зиновьевой-Аннибал проходит «среда», посвященная проблеме «Счастья для современной души» и собравшая 34 человека. Вечер открыл И. фон Гюнтер, прочитавший свои стихотворения, обращенные к Зиновьевой-Аннибал и Иванову. Сам Иванов выступил с речью, утверждая, что «счастье, как кажется, действительно, умерло, и для современной души возможно только упоение-экстаз, который соединяет высшую полноту мгновенья с острейшим ощущением трагизма жизни». Затем он выслушивал определения «современного счастья» от собравшихся, неизменно резюмируя: «Грустное счастье!». На именинницу это произвело удручающее впечатление.

24 марта Сомов вновь работает на Башне.

25 марта на Башне происходит импровизированный маскарад с цветами, венками и античными одеждами с участием Ю.А. Беляевской, Л.Ю. Бердяевой, Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, Н.Г. Чулковой, Н.А. Бердяева, К.А. Сомова, И. фон Гюнтера и Иванова. «Стали пить вино и шутить, потом стали говорить горячо о красоте и ее счастье, что нужно спасти ее для жизни <...> Решено было <...> с осени начать “преображать” костюмы и нравы, устроив ядро истинной красоты при помощи наших художников. Сомов, бывший очень робким и несколько исключительным в своих идеалах 18-го века, теперь совершенно соблазнен моими хитонами и нашими жаркими проповедями» (письмо Л.Д. Зиновьевой-Аннибал М.М. Замятниной от *26 марта*). Это

было началом интимных жизнетворческих акций на Башне, проводимых тайно для избранных.

Вечером 26 марта Иванов и Зиновьева были в театре Паниной (угол Тамбовской и Прилукской улиц) на премьере пьесы О. Дымова «Не возвращайтесь», а по окончании спектакля поехали к Ф.К. Сологубу, который до 4-х часов ночи читал свои «сказочки» в компании «поэтов сатанинского пошиба».

28 марта Иванов пишет «Сновидение Фараона», посвященное П.С. Соловьевой (Allegro) – в ответ на ее стихотворную реплику о драматургии Дымова, – а также «Терцины к Сомову». В этот день он позировал, а вечером принимал на Башне И. фон Гюнтера.

29 марта Сомов вновь работает на Башне, куда заходили также композитор В.А. Сенилов (договариваться с Зиновьевой-Аннибал о либретто оперы «Страна Солнца» «к будущему году»), Б.А. Леман (приглашать на устраиваемый им литературный вечер) и И. фон Гюнтер (заниматься хиромантическими экспериментами).

На «среде» в ночь с *29 на 30 марта* заслушивался доклад «Верность земле», прочитанный испанским банкиром, издателем и мистиком Дерibasом (знакомым Н.А. Бердяева), Иванов читал стихи, а затем состоялась беседа Иванова, О. Дымова и Е.В. Аничкова о романтизме и творчестве К.А. Сомова. Это было «камерное» собрание завсегдатаев «сред» (12 человек), из «новичков» присутствовал композитор М.Ф. Гнесин.

30 марта выходит первый альманах «Факелы» (цензурный экземпляр на Башню приносит Г.И. Чулков), в котором приняли участие Андрей Белый, А.А. Блок, Ф.К. Сологуб, В.Я. Брюсов, Л.Н. Андреев, И.А. Бунин. Иванов был представлен здесь стихотворениями «Odi et spero» («Палачам»), «Неприятие мира» («Притча о девах»), «Парнас» («Сердце Диониса»), циклом «Бессонницы» и «Дифирамбом» («Огненосцы»).

Вечером на Башне вновь был И. фон Гюнтер. *31 марта* Сомов работал на Башне, а Иванов принимал Ю.Н. Верховского, стихи которого «мастерски раскритиковал», так что Верховский ушел «довольным и обогащенным». *Вечером* Ивановы нанесли визит композитору М.Ф. Гнесину, который играл им свои хоровые темы на стихи Бальмонта и фрагменты из только что написанной оперы Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о граде Китеже» (которой восхищался). В гостях у Гнесина, вместе с Ивановыми, был В.М. Волькенштейн, развивавший идеи о пластическом творчестве в музыке и поэзии. В марте вышел № 3 «Золотого руна» в котором помещен ответ С.А. Соколова «товарищу Герману» с упреками «Весам» на «небратское отношение» к новому журналу, продиктованное «оскорбленным монополизмом» в области модернистской периодики.

В Светлое Воскресенье *2 апреля* Ивановы, делая праздничные визиты, «застряли у Ремизова», который читал им свои «изумительно фантастические» сказки.

В первую половину апреля Иванов «завален» издательскими делами: с подачи М.И. Ростовцева он вновь возвращается к диссертации «De So-

cietatibus Vestigalium», С.Н. Булгаков настоятельно просит у него статей для начатой в Киеве газеты «Народ», а Д.Е. Жуковский торопит с завершением редакции «Эллинской религии страдающего бога». Помимо того, Ю.А. Беляевская «упросила» его прочесть лекцию в пользу учителей, пострадавших от политических гонений, а актер и педагог Ю.Э. Озаровский (с которым Ивановы тогда же познакомились) – лекцию в пользу бедных учеников театрального училища, организующих поездку в Грецию.

В ночь с *5 на 6 апреля* состоялась среда, на которой дебатировалась тема «Романтично ли современное искусство?». Среда вышла, по выражению Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, «неожиданно пышной», хотя к началу (23 ч.) собралось около 12 человек. Однако к полуночи гости принялись «валить». В этот раз Башню, в поисках «экстатического репертуара» на новый сезон, посетила выдающаяся финская актриса Ида Аальберг. Во время прений Иванов читал отрывки из статьи «Предчувствия и предвестия»: о грядущей «органической» эпохе, пророками которой являются нынешние символисты.

Следующая «среда», в ночь с *12 на 13 апреля*, посвящалась «Факелам» (только что миновавшим цензуру и поступившим в продажу). «Литературное отделение» было поставлено вперед: актриса В.А. Щеголева (жена литературоведа) с успехом читала стихи Брюсова и Иванова. Затем с чтением новых стихов выступили Сологуб, Городецкий, Иванов, В.М. Волькенштейн и О.А. Беляевская. Затем обсуждались «Факелы».

14 апреля в России происходит правительственный кризис: вместо ушедшего в отставку С.Ю. Витте председателем Совета министров назначен И.Л. Горемыкин.

15 апреля Ивановы и Сомов были у Бердяевых, а затем на вечере у Н.И. Манасеиной, где присутствовали М.И. и С.М. Ростовцевы, Н.А. Котляревский и В.В. Пушкарева-Котляревская, Н.А. и Л.Ю. Бердяевы, А.М. и С.П. Ремизовы, П.С. Соловьева, О. Дымов и художник-иллюстратор М.М. Мурашко. После ужина П.С. Соловьева и Л.Д. Зиновьева-Аннибал пели русские песни, романсы и арии, а Дымов исполнял пародии на Иванова.

17 апреля Ивановы были у Щеголевых. Иванов в благодарность за прекрасное выступление на минувшей «среде» посвятил хозяйке стихотворение «Самоотчуждение» и просил ее выступить и на «среде» грядущей.

18 апреля на Башню приходят К.А. Сомов и В.Ф. Нувель в сопровождении М.А. Кузмина. С этого визита начинается дружба Кузмина с Ивановым. Во время встречи обсуждаются «Вечера Гафиза», которые Ивановы и Сомов планируют организовать на Башне по завершении «сред».

В ночь с *19 на 20 апреля* на очередной «среде» вновь обсуждались «Факелы» и «мистический анархизм». «Литературная часть» вновь предшествовала прениям. В.А. Щеголева прочла стихотворения Э. Верхарна в переводе Брюсова. Новые стихи читал С.М. Городецкий, а затем «на бис» Иванов прочел уже прозвучавшие на предыдущих заседаниях «Терцины к Сомову» и новое, посвященное художнику стихотворение «Фейерверк». После Иванова Андрей Белый читал эссе «Феникс». На рассвете гости поднялись на крышу дома и гуляли там по карнизам у башенного купола.

21 апреля на Башне обедали Сомов и В.Ф. Нувель.

22 апреля на Башне обедали Е.В. Аничков и Андрей Белый.

25 апреля, во время сеанса Сомова состоялось заседание редколлегии задуманного П.Н. Троянским и Е.Е. Лансере сатирического журнала «Адская почта», в котором участвовали О. Дымов, З.И. Гржебин, А.И. Куприн. Читали тексты для № 1 (вышел *в начале мая*; в этом журнале Иванов, входивший в редакционный комитет, опубликовал стихотворения «Сивилла» и «Стены Каиновы»). Затем пришел опоздавший на заседание «Почты» Г.И. Чулков и читал свои новые стихи. Вечером Л.Д. Зиновьева-Аннибал читала Иванову роман М.А. Кузмина «Крылья».

26 апреля на Башне вновь заседали участники «Адской почты».

В ночь с *26 на 27 апреля* состоялся «Апофеоз Сред – наша прощальная Среда» (Л.Д. Зиновьева-Аннибал), собравшая более 50 участников. Хозяевам Башни преподнесли огромный букет из лилий, роз, гвоздик и гиацинтов, с лентой: «Лидии и Вячеславу Ивановым от друзей Сред». Зиновьева-Аннибал была председателем этого собрания, а Иванов произнес речь на тему «В чем состоит Красота Жизни?» («Поставил Вячеслав вопрос, к какой красоте мы идем: к красоте ли трагизма больших чувств и катастроф или к холодной мудрости и изящному эпикуреизму»). После Иванова выступил Е.В. Аничков и, по словам М.А. Кузмина, «ругал почти в глаза все общество, которое гомерически хохотало и хлопало в ладоши, говорил, что эстетизм – мещанство, громил неотомщенную неверность жен, разврат, который конец всего, только не его речи». Затем стихи Брюсова и Иванова декламировала В.А. Щеголева, новые стихи читал С.М. Городецкий, а рассвет все встречали на крыше Башни. Несмотря на то, что «среды» завершались, собрания на Башне отнюдь не планировалось прекратить, однако они приобретали новое качество тайных жизнетворческих кружков. Первый из них, «Гафизовский кабачок, очень интимный, очень смелый, в костюмах, на коврах, философский, художественный и эротический», уже на этом заседании был назначен на следующий вторник, о чем конфиденциально были оповещены Сомов, Нувель, Кузмин, Бердяевы и Городецкий. Последний остался у Ивановых после разъезда гостей и до 8 ч. утра имел с ними исповедальную беседу.

27 апреля в помещении Таврического дворца (напротив Башни) открывает свою работу Первая государственная Дума, однако никакого интереса к этому событию обитатели Башни не проявили.

28 апреля Ивановы были у М.В. Добужинского.

29 апреля К.А. Сомов завершает работу над портретом Иванова для «Золотого Руна», и в честь этого на Башне устраивается праздничный ужин, затянувшийся до 2-х часов ночи.

30 апреля Ивановы были на вечере у Н.И. Манасеиной, где устроился диспут «О вражде полов», в котором «мужскую» точку зрения представляла П.С. Соловьева, а «женскую» Л.Д. Зиновьева-Аннибал. Затем М.И. Ростовцев сказал речь о мистике древнего Эроса, а Иванов – о холоде Красоты и ее союзе с огнем Вакха.

1 мая Иванов посетил М.А. Кузмина (квартировавшего у своей сестры В.А. Мошковой) и познакомился здесь с его племянником-гимназистом С.А. Ауслендером, который начинал пробовать силы в литературе.

2 мая на Башне состоялся первый интимный костюмированный «Вечер Гафиза», на котором до утра шла изысканная беседа, перемежаемая чтением стихов. Все участники получили игровые имена: Иванов – Эль-Руми и Гиперион, Зиновьева-Аннибал – Диотима, Бердяев – Соломон, Кузмин – Антиной и Харикл, Сомов – Аладдин, Нувель – Петроний, Корсар и Renouveau. «Как платью, непривычное имя, “ты” меняют отношения», подытоживал впечатления от вечера (продолжавшегося до утра) М.А. Кузмин. Кузмин написал стихотворное приветствие «гафизитам» («Нежной гирляндой надпись гласит у карниза / “Здесь кабачок мудреца и поэта Гафиза”...»), но, по мнению Иванова, оно «выставило не совсем ту программу, которую он и Зиновьева-Аннибал предполагали» («Двери звали / К тайномудрому безделью. / Тем бездельем / Мы с весельем / Шум толпы с себя свергали»).

В среду *3 мая* на Башню вечером, по старой памяти, пришло около двадцати человек, которые «представляли всякий вздор» (в частности, с каким животным ассоциируется каждый из завсегдатаев Башни). М.А. Кузмин (уподобленный серне) отмечал в дневнике, что обстановку скандализировал некий студент, пытавшийся узнать, законным ли браком соединены Мережковские. Никакой «интеллектуальной программы» на вечере не было.

Вечером *4 мая* Иванов был у Кузмина и подробно «интервьюировал» его («Кому Вы любите молиться?», «Ревнивы ли Вы?», «Собираетесь ли жениться?» и т.д.). Вслед за мужем пришла и Л.Д. Зиновьева-Аннибал. Этот длительный визит не прибавил взаимопонимания между гостями и хозяином, которому было «тяжело и неловко».

5 мая Иванов вновь был у Кузмина, который играл ему свой музыкальный цикл «Детские песни» и читал стихи. И от того, и от другого Иванов был в восторге. Во время этого визита обсуждался вопрос о привлечении С.А. Ауслендера к «Вечерам Гафиза».

5 мая Государственная дума выступила с обращением к Совету министров с требованием всеобщих выборов, гарантий гражданских свобод и отмены смертной казни; это стало началом очередного политического кризиса.

8 мая на Башне проходит второй «Вечер Гафиза», в котором участвовали, помимо прежних «гафизитов», Л.С. Бакст, Л.Ю. Бердяева, С.М. Городецкий и С.А. Ауслендер. Из них в кружке остались только Городецкий (Зейн, Гермес) и Ауслендер (Ганимед): Бердяеву, которая всех «стесняла», исключили прямым голосованием, а Бакст больше не появлялся по собственному желанию. Для этого вечера Ивановым было написано стихотворение «Друзьям Гафиза. Вечеря вторая. 8 мая 1906 г. в Петробагдаде. Встреча гостей». «Все целовались, я не целовался только с Сомовым и Бердяевым, – отмечал в дневнике Кузмин. – Играли на флейтах, пили, было шумно и несколько бестолково, пахло розовым маслом, платья были пестры». Иванов говорил об экстазе как необходимом составе наслаждения, одухотворяющем и «освящающем» его.

12 мая у Ивановых был Кузмин.

В первой половине мая выходит № 5 «Золотого руна» с первыми частями статьи Иванова «Предчувствия и предвестия» и публикацией его стихотворений («Пригвожденные», «Неотлучные»), а также № 5 «Весов» с откликом Брюсова на первую книгу «Факелов» (статья «Вехи IV. Факелы»), где «новое течение в литературе» подверглось уничижительной критике («Программы настоящих, не выдуманных литературных школ всегда выставляют на своем знамени именно литературные принципы, художественные заветы. <...> Объединять же художественные произведения по признакам, не имеющим отношения к искусству, значит – отказываться от искусства <...> Собирать в альманахе поэмы и рассказы авторов “не приемлющих мира”, все равно, что просить сотрудничества только у авторов с желтыми глазами или с фамилиями на гласные и шипящие буквы»).

14 мая Иванов почувствовал недомогание и намеченный на следующий день «Вечер Гафиза» отменил. Несмотря на «желудочную инфлюэнцию» он работает над вступительной статьей к готовящейся книге статей Г.И. Чулкова «О мистическом анархизме», ответом на критику Брюсову (статья «О “факельщиках” и других именах собирательных. Ответ Аврелию»; опубликована в № 6 «Весов») и второй частью «Предчувствий и предвестий» (будет опубликована в № 6 «Золотого Руна»).

16 мая Сомов, Кузмин, С.А. Ауслендер и В.Ф. Нувель навещают больного Иванова, который, впрочем, «был в духе», – и этот визит превратился в «гафизитскую импровизацию». В ней участвовала и пришедшая независимо от «гафизитов» Ан. Н. Чеботаревская. «Я сделал смесь из вина <...> вообще что-то невообразимое, – отмечал в дневнике М.А. Кузмин. – Сомов стал пьянеть, но был еще мир, перешли на французский, потом на итальянский, потом на английский. Чеботаревскую носили на руках и клали на колени. Под флейты я с Нувелем плясали, потом я один, все целовались». Л.Д. Зиновьева-Аннибал читала собравшимся свою только что завершенную повесть «Тридцать три урода».

19 мая на Башню за статьей-предисловием Иванова приходил Г.И. Чулков. Л.Д. Зиновьева-Аннибал играла ему на «гафизских дудках» (свирилях).

22 мая был третий «Вечер Гафиза», который открывался новым стихотворением Иванова «Друзьям Гафиза. Вечера третья». Об этой «вечере» Зиновьева-Аннибал писала М.М. Замятниной: «Мы имеем за вдохновение персидский Гафиз, где мудрость, поэзия и любовь, и пол смешивался, и Кравчий – прекрасный юноша, как женщина, вдохновлял поэта и пламенил сердца. Наш кравчий, красивый юноша, окончивший только гимназию, поэт (и с<оциал>-д<емократ>!) жаждет мудрости, и прелестно, нежно чувственен и целомудрен. Мы одеваем костюмы, некоторые себе сшили дивные, совершенно преображаемся, устилаем коврами комнату Вячеслава, ставим на пол подстилки с вином, сладостями и сыром, и так возлежим в беседе и... поцелуях, называя друг друга именами, нами каждым для каждого приду<ман>-ными>». Иванов объявил о том, что будет писать роман «Северный Гафиз»,

Нувель и Кузмин плясали, Городецкий устраивал из своего хитона «Палатку Гафиза» для целующихся (которые видели сверху «веселое лицо Городецкого, как высокий Ярило на палке»).

23 мая Иванов был у Кузмина и Ауслендера, советовал Кузмину как члену «Союза русского народа» познакомиться с эстетом-националистом, издателем «Скорпиона» С.А. Поляковым и «делал курбеты насчет социал-демократии».

В среду 24 мая Иванов был в редакции «Адской почты», а затем на Башне состоялся «синтетический» вечер, сочетающий старые традиции интеллектуальных собраний (дебатируемая тема – «О поле») с провокационной интимностью «Вечеров Гафиза». Гости расположились на подушках на ковре (Бердяев председательствовал лежа на полу между свечей, со звонком, привязанным к ноге). Выступали А.М. Ремизов, который говорил «ужасно забавные и страшно смелые вещи», Иванов с речью о физике и мистике пола (выделял не две, а четыре половые градации), Бердяев с речью о преодолении смерти физическом (семья) и метафизическом (личность), С.М. Городецкий (о божественном Третьем поле как слиянии биологических полов). На вечере присутствовали все «гафизиты», а также датский писатель О. Маделунг с подругой-скрипачкой (она исполнила несколько музыкальных номеров), Л.Ю. Бердяева, С.П. Ремизова, Б.А. Леман (Дикс). После того, как ушли гости и чета Бердяевых, «остался один Гафиз, и до шести часов утра, встретив еще в 3 часа солнце, продолжали тему на вопрос, что такое поцелуй, диспут шел полу по-латыни, ибо уже говорилось все до конца».

25 мая Иванов и Зиновьева-Аннибал были у Кузмина, который читал им «Александрийские песни». Вечером все трое гуляли по городу. Весь день и вечер 26 мая у Ивановых гостил Ю.Н. Верховский.

27 мая Иванов на Башне читал Кузмину отрывки из трагедии «Прометей», над которой работал. Затем Иванов поехал в редакцию «Адской почты», а Кузмин и Зиновьева-Аннибал гуляли по Таврическому саду. Вернувшись, они уже застали на Таврической, 25 Иванова в раздраженном состоянии. Кузмин ушел «напутствуемый заявлением Иванова, что он не ненавидит только Городецкого, Бакста и Бердяева». Вероятно, подобное объяснялось тем, что в этот день Иванов получил письмо из Харькова от Д.М. Ивановой, в котором сообщалось о психическом заболевании дочери Саши («...Девочка явно впадает в конечное идиотство»).

29 мая прошел четвертый «Вечер Гафиза», на котором не было Сомова (умерла его мать) и Бердяевых (из-за «забаллотированной» Л.Ю. Бердяевой). «Приветственные стихи», обращенные к «гафизитам» на этом вечере читал Городецкий.

30 мая Иванов был у Кузмина.

31 мая Ивановы присутствуют на похоронах матери К.А. Сомова на кладбище Новодевичьего монастыря. Вечером этого дня на Башне вновь состоялась «неофициальная среда» с участием «гафизитов» (кроме Сомова), Л.С. Бакста, К.А. Сюннерберга и представителей фракции кадетов в Думе С.А. Котляревского и П.Б. Струве, которые пророчили России от 5 до 50 лет

«революции и варварства» и «плакали о культуре». После напряженной беседы с ними («Мы прикованы к тачке долга политического, к тачке скуки!») Иванов долго говорил «о прогрессивной энергетике» и о «человеке, как моральном существе». В мае выходит № 5 «Весов» с еще одной статьей «товарища Германа» (на этот раз под псевдонимом скрывался В.Я. Брюсов) — «Золотому руну», в которой С.А. Кречетов объявлялся «наивным декадентом», не владеющим русским языком. В этом же № 5 «Весов» помещена статья «Аврелия» (В.Я. Брюсова) «Вехи. V. “Факелы”», критически оценивающая альманах мистических анархистов как орган мертворожденного литературного направления (символизм и мистический анархизм объявлялись двумя разными модернистскими школами).

В мае Иванов и Зиновьева-Аннибал решают вопрос о дальнейшем образовании С.К. Шварсалона, который за год обучения в Женевском университете так и не «нашел себя» (в конце концов, по протекции Иванова он будет переведен в Дерптский университет, под крыло преподававшего там с 1896 г. М.Н. Крашенинникова).

В мае вернувшийся с гастролей В.Э. Мейерхольд подписывает контракт с В.Ф. Комиссаржевской, в театре которой он надеялся осуществить замыслы неосуществленного театра «Факелы».

1 июня на Башню привезли рояль. В это время Иванов делал первую запись в начатом дневнике, которую завершил потому известной сентенцией: «Сократ, занимайся музыкой».

Утром 2 июня Иванов и Зиновьева-Аннибал в очередной раз гадали об «опасностях перевезения семьи сюда, на вулкан». Затем к ним приходили с последними парижскими новостями о Бальмонте, Мережковских и Волошиных только что приехавшие в Петербург З.И. Таберио и В.С. Врасская, а также — Г.И. Чулков. Пришло письмо от Ф.К. Сологуба со стихотворным посланием (*два дня спустя* Иванов ответил на него стихотворением «Апотропей», опубликованном только в 1909 г. в № 2/3 «Золотого Руна»). Приходит письмо от Н.Е. Пояркова с просьбой отрецензировать его книгу стихов «Солнечные песни» (рецензия Иванова вышла в № 7 «Весов»). Вечером на новом рояле музицировали Кузмин и Нувель, игравшие произведения итальянских композиторов XVII века, а Л.Д. Зиновьева-Аннибал и К.А. Сомов пели под их аккомпанемент арии из опер. В этот вечер на Башне были Л.С. Бакст и С.П. Ремизова, читавшая новый рассказ мужа. Собрание продолжалось всю ночь «до солнечного восхода».

3 июня к Иванову из Москвы приходит книга «Стихов о современности» Э. Верхарна в переводе Брюсова с надписью переводчика: «Вяч. Ив. от друга его поэзии» (Иванов неприязненно отмечает в дневнике: «Холодность?»). В анонсе будущих изданий «Скорпиона» на обложке упомянуты «Cor Ardens» и сборник избранных стихотворений Иванова. Кузмин играл у Ивановых отрывки из «Свадьбы Фигаро» Дж. Россини, аккомпанируя Сомову и Зиновьевой-Аннибал. За обедом Кузмин и Нувель дразнили Иванова, говоря о его романтическом «максимализме», тогда как себя они называли «мини-

малистами», которые всегда достигают «наибольшего». Кузмин рассказывал скандальные истории о своей жизни.

4 июня на Башне были Б.А. Леман (Дикс) и Г.И. Чулков, говорили о еврейских погромах в Белостоке. Вечером Иванов и Зиновьева-Аннибал гуляли вдвоем, дошли до Невы у Смольного монастыря и долго сидели на плоту пароходной пристани, смотря на реку и вслушиваясь в топот конных патрулей на городских улицах. *В этот день* Л.Д. Зиновьева-Аннибал пишет М.М. Замятниной: «С В<ячеславом> заключилась жаркая, безразлично верная любовь. <...> Хотя никогда мы так ярко не расходились, как теперь (даже буквально ссорились не на шутку). Он утверждает в своем облике пророка и апостола, а я – беспринципного созерцателя».

5 июня Иванов получил расстроившее его письмо из Харькова от Д.М. Ивановой. *В этот день* он работает над продолжением статьи «Предчувствия и предвестия», встречается на Башне с Г.И. Чулковым, который рассказывает ему о своих ночных кошмарах, и во время вечерней прогулки по Суворовскому проспекту – с П.Б. Струве, который жаловался на политику, уничтожившую культурные ценности. Дома Иванов перечитывает «Кормчие звезды» и приходит к убеждению, что «равной им книги лирики, быть может, никогда мне не написать».

6 июня Иванов был в мастерской Л.С. Бакста и весь день находился под впечатлением его эскиза занавеса для Мариинского театра. Поздно вечером к Ивановым неожиданно явились Кузмин, Нувель, Сомов и Бакст. Хозяева оделись, Иванов читал стихи из «Кормчих звезд» и затеял «огромный спор» с Кузминым об О. Уайльде, которого сравнивал... с Христом.

7 июня на Башне были поэт Л.Д. Семенов (Семенов Тянь-Шаньский), который произвел на Иванова впечатление «Хлестакова революции», поэт С.Л. Рафалович и историк Н.Н. Врангель.

8 июня на Башне был «юноша-пролетарий, литературный маньяк» Валько-Отшельник, утомивший хозяев визитом, и С.М. Городецкий, сопровождавший Иванова на вечерней прогулке.

8-11 июня Иванов виделся с Сомовым, Мирэ (А.М. Моисеевой), Кузминым, Нувелем, завершил «Предчувствия и предвестия» и написал стихотворение «Язвы гвоздиные», посвященное Белостокским погромам (опубликовано в 1907 г. в № 5 журнала «Перевал»).

День 12 июня был «посвящен жизненному роману с Диотимой, которому еще очевидно не суждено замереть в спокойных дружеских и супружеских отношениях. Теперь это сложнейшие смены любви и ненависти, какой-то горькой и гордой обиды, соревнования и – не ревность вовсе, как она убедительно доказывает, а “зависть”; завидует же она всему, и, больше всего, мужчине во мне, ее горько оскорбляет гордость мужской самовлюбленности, абстрактный нарциссизм моей чувственности». Иванов и Зиновьева-Аннибал гуляли по Летнему Саду и то «жестоко ссорились», то строили планы путешествия по Италии, кончили же день «миром и гармонией». Иванов записывает в свой дневник сентенцию: «Искусство – сфера, насыщенная чувством пола».

13 июня Иванов и Зиновьева-Аннибал делали визиты по издательским делам С.А. Жебелеву и Е.М. Браудо. Вечером на Башне Кузмин читает свой дневник Ивановым, Сомову и Нувелю («Это очень важно для меня и, почему-то думаю, и для Ивановых. Что бы ни было дальше, лед сломан»). На Иванова дневник Кузмина произвел глубокое впечатление («Гомосексуальность неразрывно связана с гуманизмом...»). Вновь был спор об О. Уайльде. Л.Д. Зиновьева-Аннибал говорила о своем решении одной ехать в Швейцарию.

14 июня на Башне был Г.И. Чулков, приехавший из Гельсингфорса (Хельсинки) от Л.Н. Андреева. Он сообщил о проекте слияния альманаха «Факелы» с журналом «Адская почта» (неосуществленном). Затем Ивановых посетили Н.П. Анненкова-Бернар и С.А. Борисов, вернувшиеся из полугодового путешествия по Франции и Англии. Вечером у Ивановых были А.М. и С.П. Ремизовы и Б.А. Леман.

15 июня Ивановы отдавали визит Н.П. Анненковой-Бернар и С.А. Борисову, где вновь шли разговоры о европейских делах. Иванов «вспоминал свои бывшие увлечения католичеством. Как далеко это все — и Субиако, и Ванутелли и — еще берлинские споры, вдохновленные идеями Вл. Соловьева».

16 июня состоялся пятый «Вечер Гафиза», хотя «Гафиза никому активно не хотелось; была новая обстановка из-за рояля, присутствовали кошки и урны». Приветственные стихи на этой «вечере» читали Иванов и Зиновьева-Аннибал. Городецкий на Башню не явился. Тем не менее, «Диотима так усердно занялась Апеллесом, что возбудила ревность Гипериона». В этот день Иванов записывает в дневнике: «Результат целой полосы жизни, протекавшей под знаком “соборности”, намечается отчетливо: я одинок, как никогда, быть может».

17 — 18 июня проездом из Москвы в Стокгольм в Петербурге был В.Я. Брюсов, который виделся с Ивановым.

19 июня Иванов заносит в дневник план «реформы» «Вечеров Гафиза». Вечером этого дня Л.Д. Зиновьева-Аннибал была в гостях у Кузмина и рассказала, что «Гафиз предлагается на новых началах, не то в виде тешишевских занятий, где полчаса лекция, полчаса беготня со строгой регламентацией, не то мессы, не то Думы».

20 июня на Башне собираются Кузмин, Нувель и доцент петербургской Духовной академии В.В. Успенский, который говорил о проституции. После его ухода оставшиеся «гафизиты» говорили о реформе собраний. «Потом играли Mozart'a Weber'a, Grétry и Rossini. Диотима была печальна и мрачна, Эль-Руми с ней несколько груб...».

22 июня у Ивановых обедали Кузмин и Сомов. «Сомову развивались новые основания Гафиза, но он не был восхищен и нашел Ивановых обиженными».

23 июня Кузмин играет на Башне свои музыкальные сочинения. Затем Кузмин рассказывал Иванову о своих любовных похождениях (гомосексуальных), «и тот слушал не без внимания». 26 июня Н.П. Рябушинский пишет письмо в Париж Д.С. Мережковскому (и З.Н. Гиппиус) с уведомлением о том, что «французский перевод пока крайне мало интересуется французов, а мне до-

ставляет неимоверный труд, я решил наконец со второй половины года его уничтожить», и с предложением о сотрудничестве в обновленном «Золотом руне»: «Я надеюсь, что случайная тень, пробежавшая между нами, ныне вполне сгладилась, и Вы не откажетесь вновь хорошо относиться к «Золотому руну» (ко мне) и охотно принимать в нем участие». Это означало радикальное изменение политики журнала.

29 июня весь день у Ивановых был В.Ф. Нувель, с которым он обсуждали дневник Кузмина. В июне выходит книга Г.И. Чулкова «О мистическом анархизме» со вступительной статьей Иванова «Идея неприятия мира и мистический анархизм» и вторая часть «Предчувствий и предвестий» в № 6 «Золотого Руна».

В июне выходит № 6 «Весов» со статьей Иванова «О “факельщиках” и других именах собирательных. По поводу статьи Аврелия» с возражением на выпад «Аврелия» (В.Я. Брюсова) против мистического анархизма.

1 июля Иванов был в редакции «Адской почты», а затем слушал Кузмина, который читал ему свой дневник.

3 июля к Ивановым заезжали Кузмин и Сомов.

4 июля С.А. Соколов (Кречетова) пишет письмо Н.П. Рябушинскому об оставлении заведования литературной частью журнала: «Вы жаждали власти и авторитета во что бы то ни стало. <...> И Вы достигли цели. Редакции “Руна”, о которой я мечтал как о месте дружной, товарищеской работы и вольного обмена мыслей и мнений, Вы придали образ и подобие “департамента литературных дел”». Этому письму Соколов придал форму открытого, отпечатав его на ремингтоне и разослав всем участникам литературного отдела журнала (в том числе и Иванову) с соответствующими сопроводительными письмами.

8 июля Л.Д. Зиновьева-Аннибал уехала из Петербурга в Женеву и Comballaz, куда на лето выехали М.М. Замятнина и дети. В этот же день Николаем II была распущена первая Государственная Дума и премьер-министром назначен П.А. Столыпин, занимавший до того пост Министра внутренних дел. В Петербурге был введен режим «чрезвычайной охраны». Иванов, занятый проводами жены, узнал о политических катаклизмах 9 июля от пришедших к нему Кузмина и В.Ф. Нувеля (помимо глобального исторического значения для завсегдатаев Башни наступление контрреволюции имело и вполне прагматическое содержание: тогда же был конфискован № 4 «Адской почты» и издание журнала прекращено). Иванов был подавлен и «вяло спорил» о политике. Гости пригласил его составить компанию в поездке в Павловск. Иванов сначала согласился, но, застав затем у Кузмина его любовника П.К. Маслова, от поездки отказался. Вечером на Башне был С.М. Городецкий, пришедший для обсуждения своих новых стихотворений. Под впечатлением от беседы с ним Иванов в тот же день пишет Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: «Он был очарователен, и я счастлив. <...> Было бы божественно (слишком даже слепительно для этой жизни) любить тебя и своего юношу (почему не именно его? он был прекрасен)». С этого момента Иванов начинает «добиваться от судьбы счастья втроем», полагая в этом жизнотворчес-

ком эксперименте практическое оправдание своей идеи «мистической соборности».

10 июля группа депутатов распушенной Думы, собравшись в Выборге (Финляндия), приняли воззвание с призывом к населению в знак протеста против действий царской администрации отказаться от уплаты налогов и бойкотировать воинскую повинность. Вечером *этого дня* у Иванова был Г.И. Чулков, затем к нему заехал В.Ф. Нувель и увез к Кузмину, где уже был Сомов. Кузмин играл партитуру «Севильского цирюльника», отрывки из «Кармен» и пел. Иванов читал стихотворение «Золот ключ», убеждал Нувеля написать оперу «Северный Гафиз» и спорил с Кузминым по поводу демонизма «Кармен». Затем пришел П.К. Маслов и гости Кузмина в 2 ½ ночи ушли.

12 июля Кузмин, Нувель и Иванов ездили в Мартышкино на дачу Сомова. Сомов и его сестра Анна пели дуэтом. Кузмин, уезжавший в Васильсурск (под Нижним Новгородом) написал «завещание», согласно которому П.К. Маслов переходил под опеку Нувеля и Сомова. Этот «документ» засвидетельствовал Иванов. Во время обратного пути Иванов «долго и нелепо» объяснялся Кузмину «в форменной любви», а дома нашел «кучу корректур из типографии “Общественная Польза”».

13 июля Кузмин нанес «прощальный визит» Иванову, пел ему «из Глюка, Моцарта, Шуберта – все о смерти» и попросил займы 25 рублей (которые Иванов ему ссудил). Вечером он, вместе с В.Ф. Нувелем и П.К. Масловым провожал Кузмина на Николаевском вокзале. Из-за «Выборгского воззвания» провожающих не пускали на платформу (боялись демонстраций в поддержку разъезжающихся из Петербурга депутатов распушенной Думы). После проводов Иванов встретил депутата-кадета Н.И. Кареева, который рассказывал ему о «Выборгском воззвании» (15 июля Иванов пишет Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: «...Какой жалкий эпилог <деятельности Государственной думы> это полутрусливое, полудерзкое Выборгское совещание!«)).

В середине июля Н.П. Рябушинский после ухода С.А. Соколова (Кречетова) некоторое время сам возглавляет литературный отдел, а затем передает его в ведение А.А. Курсинского. Вслед за Соколовым из «Золотого руна» уходят Н.И. Петровская, В.Ф. Ходасевич, критик и публицист А.И. Бачинский (осенью они вошли в созданный Соколовым журнал «Перевал»), но Иванов, Сологуб, Ремизов остаются в журнале Н.П. Рябушинского. В журнале прекращается «параллельный» перевод содержания на французский язык, а переводчик Эсмер-Вальдор (А. Мерсеро) получает 1500 р. неустойки.

17 июля – письмо З.Н. Гиппиус Брюсову: «Как хочется подсидеть это величественное явление, произведение чулковской кухни при позорноватом участии Вячеслава!». В этот же день (!) Иванов пишет Зиновьевой-Аннибал: «Гриф излагает мне свою распрю с Рябушинским и присоединяет целый ремингтонированный обвинительный акт, в два листа, в форме курьезно-обличительного письма к нему, – черт ли мне во всем этом? Между тем, они оба напрашиваются быть судимыми и рядимыми. Моя дипломатия теряется. Разве воспеть их распрю в новой Илиаде?

Гнев, богиня, воспой Рябушинского, сукина сына...

Или не лучше ли так:

Гнев, богиня, воспой Соколова, сукина сына...

Название поэмы “Апраксиниада”» (20 июля Л.Д. Зиновьева-Аннибал отвечала Иванову: «Ритм решает трудный суд. Очевидно, сукин сын – Рябушинский...»).

18 июля у Иванова на Башне был В.Ф. Нувель, который до 2 ч. ночи читал свой дневник.

До 20 июля Иванов встречается с С.М. Городецким и они обсуждают планы совместной работы над романом «Северный Гафиз».

21 июля Иванов с В.Ф. Нувелем беседовали о М.А. Кузmine.

В 20-х числах июля в Кронштадте и Свеаборге взбунтовались флотские экипажи, а по России прокатилась волна актов гражданского неповиновения. В эти дни Иванов хлопочет о публикации в «Золотом Руне» произведений Мирэ и Кузмина.

26 июля, получив письмо от Кузмина, Иванов отправляет ему в Васильсурск 35 рублей.

До 27 июля у Иванова с визитом побывал приехавший из Москвы редактор «Золотого Руна» Н.П. Рябушинский (в сопровождении Г.И. Чулкова). Рябушинский пригласил Иванова войти в состав жюри по журнальному конкурсу лучших произведений на тему «Диавол». В это же время из Митавы приходит письмо от исчезнувшего весной из Петербурга И. фон Гюнтера с извинениями за долгое молчание.

27 июля Иванов пишет Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: «Мне очень грустно, скучно и безынтересно. За все время, как тебя нет со мной, я не испытал ним одного часа творческого одушевления или, по крайней мере, энтузиазма замыслов <...> Курьез. Рябушинский сказал, что пишет стихи! И сказал одно стихотворение, которое так поразительно, что я запомнил его наизусть. Вот оно. Кажется, что страницы “Руна” им украсятся. Если дело пойдет так, придется воздерживаться от сотрудничества. Но нужно ждать фактов:

Она идет, как снег идет,
Когда весною тает лед.
Она цветет, как пруд цветет,
Когда трава со дна встает...
Она лежит, как сторожит, —
Обнажена, и вся дрожит».

(Это стихотворение было, действительно, опубликовано в тройном № (7-9) «Золотого руна» за подписью «Н. Шинский», но на лояльную к «Руну» позицию Иванова эта публикация не повлияла).

31 июля на Башне были Сомов, Л.С. Бакст и В.Ф. Нувель, которые «разбирали молодых друзей» (И. фон Гюнтера, С.М. Городецкого, М.А. Кузмина и С.А. Ауслендера) как возможные объекты любовного устремления хозяина. Все решили, что «Городецкий далеко впереди по дороге в будущее...». Тогда же Иванов пишет о Городецком в письме к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: «...Мне поистине кажется, что я вызвал Диониса, с которым нельзя общаться безнаказанно, и что Вакх предстал мне под маской этого юноши, от которого пахнет лесной силой и у которого солнечные и дикие глаза лесных девственных душ. Это молодой быстроногий фавн, зазываемый мною в мои сады роз, чтобы в моей золотой прозрачности веяло дикостью дебрей, хвойной смолой и силой корней. Я ждал и говорил, что жду – твоего прихода, таинственный юноша-Вакх с узывными глазами». 2 августа Городецкий был у Иванова и предложил быть его секретарем. Иванов, в свою очередь, предложил Городецкому ученичество: «идеал Леонардо да Винчи» (т.е. гомосексуальный союз учителя с учеником)). Городецкий признался Иванову в гражданской связи с девицей О.А. Вебель («Он влюбился в березу, которую мне покажет. На ней разорвана им кора. Я сказал, что он многообещающий юноша и идет дальше меня, с моей влюбленностью в картину»).

3 августа у В.Ф. Нувеля прошел «усеченный» (Иванов, Городецкий, Сомов, Нувель) «Вечер Гафиза», на котором было решено издать сборник «Северный Гафиз», куда включить стихи всех участников кружка под псевдонимами, но в сопровождении маскарадных портретов, выполненных Сомовым (этот проект не осуществился).

4 августа происходит откровенная беседа Иванова с Городецким, в ходе которой последний признался в том, что его любовница родила от него дочь, и что любить «учителя» плотской любовью он не может, потому что тот «мущина» («Бедный мальчик борется с чем-то и с самим собой, и все выдумывает, желая рассудить построже и послужить правде. <...> И только я могу его сделать полубогом»).

5 августа Иванов отправляет Л.Д. Зиновьевой-Аннибал письмо о перипетиях складывающегося «тройственного романа». В это письмо, по настоянию Городецкого, вложена письменная исповедь последнего «Диотиме».

В первой половине августа в Петербург приезжает Ал. Н. Чеботаревская, которая становится свидетельницей «сумасшедшего va-et-vient» у Иванова и его «психопатического возбуждения».

12 августа эсеры-максималисты взорвали дачу П.А. Столыпина на Аптекарском острове (убито 27 человек, сам премьер-министр не пострадал).

15 августа Городецкий получает письмо от Л.Д. Зиновьевой-Аннибал с ее согласием на «тройственный союз» и утром телеграфирует об этом Иванову. В этот день у Иванова гостит Ал. Н. Чеботаревская, днем к нему «забегает» Городецкий, а затем, вечером – его любовница О.А. Вебель, которая надеялась застать Городецкого на Башне. Оказалось, что ее компаньонка разрешается от бремени и она просила помочь в поиске акушерки. Иванов находит акушерку, привозит ее домой к Анненковой и видит здесь ее и Городецкого новорожденную дочку Ию, «маленького изящного ребенка». Вечером у

Иванова собираются Ал. Н. Чеботаревская, В.Ф. Нувель и Городецкий. Последний ночует у Иванова, однако тот «не посмел отворить дверь».

16 августа Городецкий покидает Иванова, еще раз упомянув о том, что любить «учителя» не может, «разумея испытанную им любовь к женщине». Обедают они вместе в ресторане, где Иванов читает письмо Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к Городецкому. Иванов провожает Городецкого к В.А. Тернавцеву, с которым тот составляет детский букварь. Вечером Иванова навещает Мирэ, затем заходит Д.Е. Жуковский, с которым Иванов идет к П.Б. Струве. Возвращаясь, Иванов встречает пришедшего на Таврическую, 25 С.М. Городецкого. Начинается «ночь любви», в течение которой Городецкий «позволял экстазы».

17 августа Иванов катался на яхте «Мцыри» с В.А. Тернавцевым. Они ожидали Городецкого, однако тот свидание проигнорировал. Вечером Иванов идет «забываться» к М.О. Гершензону, который заехал за ним с Ал. Н. Чеботаревской.

14 августа Сомов сообщает художнице Е.Н. Званцевой о сдаче внаем двух квартир в нижнем этаже дома № 25 по Таврической улице, удобных для создания там художественной школы.

18 августа Иванов ждет вестей от Л.Д. Зиновьевой-Аннибал и С.М. Городецкого и посылает денежный перевод И. фон Гюнтеру по его «умолительной просьбе».

19 августа Николай II утвердил закон о введении военно-полевых судов: начинается правительственный террор («столыпинские галстуки»).

21 августа в Петербург из Швейцарии вернулась Л.Д. Зиновьева-Аннибал. Иванов встречал ее на вокзале вместе с С.М. Городецким. Это произвело на Л.Д. Зиновьеву-Аннибал тягостное впечатление: «Я все-таки не поняла всего непоправимого в совершившемся, и поэтому мне было неприятно его (Городецкого – *Ред.*) присутствие; но уже завлекало богатство, которое оно приносило. Только больно расставаться с жизнью, хотя бы и для жизни. Каждая новая жизнь не может родиться без смерти прежней, и всегда смерть болезненна. Все это промелькнуло во мне неосознанно в те же первые секунды. Мы сели на извозчика». В этот же день из Васильсурска с семьей сестры вернулся и М.А. Кузмин.

22 августа он нанес Ивановым визит, застал у них Мирэ, с которой супруги «возились», помогая ей пережить «какой-то кризис», и нашел их «милыми по-прежнему».

В *20-х числах августа* Ивановы были у Городецкого на Новосильцевской улице в Лесном. Здесь они познакомились с молодым поэтом М.Л. Гофманом, гуляли в Лесновском парке, читали стихи, а Гофман – свою статью «Per aspera ad astra», которая понравилась Иванову.

23 августа на Башне возобновляются встречи «гафизитов» («Угощали абсентом <...> было как-то дурачливо, как то: petits-jeux, фокусы, конфиденции, темнота, поцелуи, смех»).

24 августа весь день у Ивановых был Ю.Н. Верховский «с тетрадкой стихов».

25 августа «гафизиты» вновь встречаются на Башне, С.А. Ауслендер читает свой рассказ «Записки Ганимеда». «...Эль-Руми был рассеян и встревожен, – записывал в дневнике М.А. Кузмин, – по комнатам пахло керосином от разбитой на полу, будто кем брошенной лампы. <...> Диотима уверяла, что я развратил Сомова, и вообще была сердита и расстроена, не хотела быть мудрой, говорила, что мы составили заговор, чтобы злоупотребить ее мудростью и т.д.».

29 августа Л.Д. Зиновьева-Аннибал пишет М.М. Замятниной: «Ничего не известно, и какой-то вихрь, все висит в воздухе, кроме нашей любви с Вячеславом и нашего тройственного союза, но весь союз в воздухе, а вокруг рушатся судьбы».

В августовском № «Весов» выходит статья Аврелия (В.Я. Брюсова) «Вехи. V. Мистические анархисты», направленная против сборника Г.И. Чулкова «О мистическом анархизме».

В последних числах августа в соседних с Башней квартирах на пятом этаже дома № 25 по Таврической улице открывается художественная школа-студия Е.Н. Званцевой (существовала до 1916 г.).

В начале сентября С.А. Ауслендер посылает в редакцию «Весов» «Записки Ганимеда» и Брюсов начинает проявлять насмешливый интерес к петербургскому жителю мистических анархистов. Тайна собраний «гафизитов» становится достоянием общественного мнения.

2 сентября Иванов был у Е.В. Аничкова, где, вместе с Андреем Белым, А.И. Куприным, П.Е. Щеголевым «дебатировал вопрос о пэдерастии». Вернувшись на Башню, он застал там музицирующего Кузмина и вернувшуюся от Сомова Зиновьеву-Аннибал. Выслушав рассказ мужа о дебатах у Аничкова, Зиновьева-Аннибал заметила: «Это в воздухе». Городецкий объявил о своем решении уехать отдохнуть в деревню под Псков.

Днем 3 сентября на Башне был М.И. Туган-Барановский, затем зашел М.И. Кузмин, с которым все поехали на литературный вечер к Ф.К. Сологубу. Здесь читали стихи Кузмин, Андрей Белый, В.А. Пяст и сам Сологуб, были А.М. Ремизов, Г.И. Чулков, Аким Волынский.

4 сентября Кузмин и С.А. Ауслендер приходят на Башню и приносят Ивановым покаяние за историю с «Записками Ганимеда». Ивановы, по словам Кузмина, «казались несколько “froissés”», но все обошлось достаточно благополучно.

6 сентября Кузмин заносит на Башню извещение о согласии «гафизитов» устроить собрание в пятницу, 8 сентября, играет музыкальные композиции Л.И. Ивановой, привезенные Зиновьевой-Аннибал из Швейцарии, и беседует с ними о психическом заболевании Мирэ, в которой Ивановы приняли участие. Впрочем, 8 сентября «Гафиз» не получился: в отсутствие известий от Городецкого на Башню пришли О.А. Вебель и брат исчезнувшего поэта, художник-футурист А.М. Городецкий. Все «в страхе совещались», затем разыгралась сцена между Ивановым и Вебель. «Тут же пришли Сомов и Кузмин к обеду, горела баранина, рыдала и геройствовала Ольга Александровна... Ушла. Кое-как уселись к обеду. Примчался брат Гор^{одецко}го.

Составляли телеграмму. Явилась вновь Ольго Ал<ександров>на и до 2 часов ночи продолжалось ее заклятие и страшная небывалая комбинация нас троих <...> Не жизнь, а романтический ад», – писала в тот же день М.М. Замятниной Л.Д. Зиновьева-Аннибал.

В воскресенье *10 сентября* на Башне состоялось чтение первых актов драмы А.И. Косоротова «Коринфское чудо», на котором были Ремизовы, Сомов и приехавший из Москвы Б.К. Зайцев. Иванов в эти дни чувствует недомогание (простуда).

13 сентября на Башню явился Кузмин, сменивший старообрядческую поддевку и сапоги на европейское платье. У Ивановых был Е.В. Аничков; «переменой костюма не слишком были недовольны <...> Пели старых французов».

14 сентября на Башню вернулся нашедшийся Городецкий. Вечером состоялось вторая часть литературного чтения драмы А.И. Косоротова «Коринфское чудо», на котором присутствовали С.А. Ауслендер, Е.В. Аничков, Ю.Н. Верховский, Сомов и Кузмин (находящиеся в самом начале их «романа»).

20 сентября в Петербург из Москвы приехал М.А. Волошин, который в апреле этого года женился на художнице М.В. Сабашниковой и, вернувшись из летнего свадебного путешествия по Европе, устраивал свои дела в России. Он остановился на Выборгской стороне, во второй половине дня пришел на Башню с А.А. Косоровым. Волошин много говорил с Ивановым об антропософских лекциях Р. Штейнера, которые он посещал вместе с М.В. Сабашниковой в 1905-1906 гг., и очень его заинтересовал. Вечером у Ивановых состоялся большой литературный вечер, напоминавший прошлые «среды». Читали стихи Иванов, Городецкий, Кузмин и «дебютировавший» на Башне М.А. Волошин. Затем Городецкий прочел пародийный водевиль, высмеивающий Иванова и Бунина. Присутствовали Сомов, Б.А. Леман, ярославский поэт В. Линденбаум. Собрание продолжалось всю ночь до рассвета. *В этот день* написано посвященное Городецкому стихотворение «Нищ и свет».

21 сентября Ивановы были на вечере в мастерской Сомова, откуда Иванов и Городецкий возвращались вдвоем, отправив на другом извозчике Зиновьеву-Аннибал, Кузмина и Ауслендера.

22 сентября на Башне вновь был Волошин, который окончательно решил жить в Петербурге и договорился о найме трех комнат в ателье художницы Е.Н. Званцевой, содержавшей частную художественную школу этажом ниже квартиры Ивановых. *24 сентября* Иванов имел длительную беседу с Волошиным, который принес Е.Н. Званцевой задаток за нанятые комнаты. Написано посвященное Городецкому стихотворение «Жарбог».

26 сентября на Башне состоялся «Вечер поэтов», на котором читали новые стихи Иванов, Городецкий, Кузмин, А.А. Блок, И.А. Бунин, А.М. Федоров, П.С. Соловьева (Allegro), О.А. Беляевская, Б.А. Леман. На вечере присутствовали Ремизовы и Волошин, уезжавший на следующий день в Москву.

28 сентября написано стихотворение «Печать», посвященное Городецкому.

29 сентября на Таврическую, 25, куда уже переехал Городецкий, со склада привезли остававшуюся там мебель М.М. Замятниной. Во второй половине дня у Ивановых были Г.И. Чулков и Кузмин. Последний записал в дневнике: «Было скучно; Диотима утром ссорилась с Эль-Руми; все загорожено огромными ящиками, по которым в недоумении лазила кошка. <...> Диотима поговорила со мной о том, что я нравлюсь Манасеиной, что с Allegro она, Диотима, толковала о любви, о homosexual'ности, пошла спать, равно как и Городецкий. В.И. толковал еще долго, что я не создал школы, которая даже и нежелательна, тогда как Городец<кий>, вероятно, создал; опять о homosex<sualism'e>, который В.И. считает более страшным, глубоким, лишенным gaitée, чем флирт обычный».

В сентябре А.А. Курсинский по предложению Н.П. Рябушинского оставляет место штатного преподавателя в кадетском корпусе и переходит секретарем редакции в журнал «Золотое руно», одновременно исполняя обязанности заведующего литературным отделом. Учитывая дружеские отношения Курсинского и Брюсова, можно говорить о начале «гегемонии» «Весов» в журнале Н.П. Рябушинского.

1 октября Иванов и Городецкий были у Сологуба, где собрались Кузмин (сбривший усы и бороду), Ю.Н. Верховский, В.В. Уманов-Каплуновский с женой, А.А. Кондратьев, З.И. Гржебин, Я.В. Годин, издатель С.Ю. Копельман и знакомые хозяина – В.И. Корехин и М.Н. Карвовская. На вечере, помимо Сологуба, читали стихи Иванов, Верховский, Кузмин и Годин.

2 октября у Ивановых обедал Кузмин, отметивший в дневнике о новом насельнике Башни: «Городецкий резвится не всегда удачно».

В среду 4 октября у Ивановых прошел литературный вечер с участием М.М. Ковалевского, поэта А.А. Таммашева, Е.В. Аничкова (последний, возвращавшийся в 7 ч. утра домой был задержан полицией и отпущен под залог, внесенный Ковалевским).

Утром 5 октября на Башню, где шел ремонт (оклеивали обои) заходил Кузмин, играл свои новые пьесы.

6 октября Иванов (один) был на литературном вечере у Ю.Н. Верховского, где С.А. Ауслендер читал рассказ «Бастилия взята!». От Верховских Иванов возвращался в компании Кузмина, отметившего в дневнике: «Вяч<еслав> Ив<анович> был страшно мил и близок, но какой-то не блестящий, потухший, terni».

8 октября Иванов был на литературном чтении у Ф.К. Сологуба. Хозяин читал начало своей драмы «Дар мудрых пчел» (по греческому мифу о Протесилае и Лаодамии).

В среду 9 октября на Башне проходит камерный литературный вечер («род Гафиза») на котором для «гафизитов» и пришедшего к брату А.М. Городецкого было устроено авторское чтение стихов из «общей книги» Иванова и Городецкого «Σρος». В «Весах» вышли «Записки Ганимеда» С.А. Ауслендера,

что также обсуждалось «гафизитами». Собрание завершилось в 4 часа ночи. *В этот день* написано стихотворение «Зодчий».

10 октября в Петербург приезжают М.А. Волошин и его жена, художница М.В. Сабашникова и поселяются в студии Званцевой, по соседству с Ивановыми.

11 октября в театре-студии В.Ф. Комиссаржевской проходит репетиция трагедии Иванова «Тантал». На этой репетиции присутствуют Ивановы и Волошины. Иванов знакомится с М.В. Сабашниковой, на которую поэт произвел ошеломляющее впечатление: «Во время перерыва я впервые увидела Иванова. Он благодарил артистов и Комиссаржевскую и, по-видимому, был глубоко тронут. Но я была в ужасе. Он выглядел как злой священник одного из моих снов, который, сгорбившись, входил через маленькую дверь ко мне, в низкий склеп...». В свою очередь, «страшно не понравилась» М.В. Сабашникова Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, которая приняла ее за призрак покойной художницы М.В. Якунчиковой («Вырождающийся тип, медленные слова»). *В этот день* Иванов пишет стихотворение «Сирена».

Днем *14 октября* у Ивановых на Башне «читал свой сценарий» приехавший из Феодосии кузен Волошина Я.А. Глотов. Во время этого чтения пришел Кузмин. Вечером Ивановы, Волошины, Глотов и Кузмин поехали к В.Ф. Комиссаржевской (Английский проспект) на чтение Блоком лирической драмы «Король на площади». На чтении присутствовали Сологуб, Аничков, Чулков, Сюннерберг, А.П. Нурок, художники И.Я. Билибин, С.Ю. Судейкин, Н.Н. Сапунов. Во второй половине вечера выступали В.Ф. Комиссаржевская и актер А.Н. Феона и читали стихи Блок, Иванов, Кузмин, Волошин и Городецкий. Затем вечер продолжился на Таврической, 25 в студии Званцевой у Волошиных.

15 октября у Волошиных в гостях были Сомов, Кузмин и «ненадолго спускались Ивановы».

16 октября написано стихотворение «Ропот».

В среду *18 октября* на Башне состоялся большой «диспут об Эросе». Выступали Ф.Ф. Зелинский, Иванов, Андрей Белый, Аничков, Бердяев, А.В. Луначарский и А.В. Карташев. Присутствовали Городецкий, Сомов, Чулков, Волошины, Б.А. Леман (Дикс), М.Л. Гофман, Л.С. Бакст, Л.Н. Вилькина, Ан.Н. Чеботаревская, театровед В.М. Волькенштейн, В.Э. Мейерхольд и актеры театра В.Ф. Комиссаржевской. После завершения прений остались «гафизиты» и слушали пение Зиновьевой-Аннибал и Сомова. *В этот день* написано стихотворение «Вызывание Вакха».

В субботу *21 октября* Иванов читал дифирамб «Огненосцы» на литературном вечере в театре В.Ф. Комиссаржевской. Помимо него выступали Ремизов, Блок, Волошин и Кузмин. После вечера Иванов и Зиновьева-Аннибал беседовали «о делах» с К.А. Сомовым, а провожал их Кузмин. «Обратную дорогу Вяч<еслав> Ив<анович> говорил, что он умер прежний, <он> другой, не смеет сказать прямо, что жжет ему губы, и говорит по старому и все обращаются к нему к мертвому, а не к живому».

22 октября Кузмин читал на Башне стихотворный цикл «Любовь этого лета» (обращенный к К.А. Сомову), а Иванов «критиковал некоторые выражения». Иванов объявил Кузмину, что задумал с женой и Городецким собственное «книгоиздательство Трех» (будущие «Оры»). «Дорогим друзьям» Волошиным Иванов в этот день надписывает книгу Г.И. Чулкова «О мистическом анархизме» со своей вступительной статьей. К вечеру Иванов почувствовал недомогание и не поехал к Сологубу на завершение чтения пьесы «Дар мудрых пчел», куда отправилась с Волошиными и Кузминым одна Зиновьева-Аннибал.

24 октября Л.Д. Зиновьева-Аннибал читает на большом литературном вечере на Башне повесть «Тридцать три уroda».

26 октября Ивановы вместе с Волошиными, А.А. Блоком и Ф.К. Сологубом присутствуют на генеральной репетиции «Балаганчика» Блока и «Чуда святого Антония» М. Метерлинка (режиссер – В.Э. Мейерхольд). В этот день произошел конфликт между Ивановыми и Городецким, ставший началом краха этого жизнетворческого союза. В Петербург приехал Брюсов.

28 октября Брюсов нанес визит Ивановым. Затем на Башне был Кузмин: «Ивановы были очень милы и будто любили меня. Городецкий нервный и расстроенный».

29 октября у Ивановых были «гафизиты», Г.И. Чулков, Волошины и приехавший из Москвы художник «Весов» Н.П. Феофилакт (последнему Кузмин передал рукопись своей повести «Крылья», которая заняла ноябрьский № журнала). В это же время в комнате Городецкого шли переговоры Л.Д. Зиновьевой-Аннибал с пришедшими на Башню О.А. Вебель и А.М. Городецким. К моменту, когда Кузмин стал исполнять песни на стихи «Любви этого лета», «выползла Л<идия> Д<митриевна>, злющая-презлющая, Городецкий и Маргарита Вас<ильевна> Сабашникова». Потом вчетвером сидели до половины пятого. Феофилакт говорил об искусстве, о Москве...».

30 октября Ивановы, Городецкий и Кузмин обсуждают на Башне программу задуманного книгоиздательства (которое уже переименовано в «Ярь»). Кузмин отмечал в дневнике: «У Ивановых были злы и подавлены». Вечером Иванов был на домашнем литературном вечере у А.А. Кондратьева, где хозяин читал роман «Сатиресса». Здесь Иванов впервые встречается с И.Ф. Анненским, чей перевод «Вакханок» Еврипида и комментарии к ним его ранее очень заинтересовали.

1 ноября у Ивановых в присутствии Кузмина и Ю.Н. Верховского обсуждался проект издательства «Ярь». Затем Верховского «насилу спровадили», а на Башне состоялся «Вечер Гафиза», во время которого «суду» «гафизитов» были подвергнуты игнорировавшие собрания С.А. Ауслендер и В.Ф. Нувель, а также «кооптированы» в состав кружка М.Л. Гофман, С.Ю. Судейкин и М.В. Сабашникова. Последняя в эти дни начала писать портрет Л.Д. Зиновьевой-Аннибал.

2 ноября у Ивановых был с визитом Брюсов. 3 ноября состоялся литературный вечер у Ю.Н. Верховского, на котором стихи читали Иванов, Блок, Кузмин и Брюсов. Брюсов говорил о планах издательства «Скорпион»

на будущий год издать стихотворные книги Блока, Иванова, Андрея Белого, Ю.Н. Верховского.

7 ноября Иванов (один) и Волошины были у А.М. Ремизова, который читал притчу «О безумии Иродиадином». Иванов ее «очень раскритиковал» за «декадентство».

Днем 8 ноября в доме 25 по Таврической загорелись чердаки и огонь ворвался в кухню Ивановых, которая выгорела. Поэтому очередная «среда», намечавшаяся на вечер, была отменена, а Иванов написал под впечатлением от случившегося стихотворение «Пожар». Однако Ивановы провели «интимнейший вечер» в мастерской Званцевой у Волошиных, куда заходили также Кузмин и Судейкин. По-видимому, в этот день от Ивановых, по выражению Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, «Сергей Городецкий буквально в каких-то внутренних вихрях бежал на несколько дней в Лесной. Страшно за него сказано». Бегство это стало окончательным разрывом.

9 ноября начинается аграрная реформа П.А. Столыпина: выходит указ Николая II «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». С этого момента стратегическая инициатива в политике переходит от революционеров к правительству.

11 ноября Кузмин записывает в своем дневнике: «У Ивановых новости; после страдания и борьбы Вячеслав Ив^анович поставил крест на романе с Городецким. Диотима шьет новое выходное платье. Гафиз будет, но если уйдет Городецкий, исключат Сережу <Ауслендера>, не примут Судейкина и Гофмана, это будет какая-то богадельня, а не Гафиз».

В начале месяца Л.Д. Зиновьева-Аннибал организовала по примеру собраний «гафизитов» собственный, женский тайный кружок «Фиас», в который вошли, помимо «Диотимы», Л.Д. Менделеева-Блок («Беатриче»), М.В. Сабашникова («Примавера»), Н.Г. Чулкова и, вероятно, А.И. Орлова (которая, впрочем, идею собраний – «свободное раскрытие женской души» – не поняла, и вела себя «почти непристойно»).

До 11 ноября «Фиас» собирался, по меньшей мере однажды, и затем еще два или три – до конца месяца (успеха затея Зиновьевой-Аннибал не достигла: никакого «единения женских душ» не получалось и общение протекало скучно).

В середине месяца в связи с распадом «тройственного союза» и уходом Городецкого становящееся «башенное» издательство, где уже шла работа над новой книгой стихов Иванова «Эрос» и «Тридцатью тремя уродами» Зиновьевой-Аннибал, было переименовано в «Становие».

9 ноября М.В. Сабашникова признается в письме к отцу, что «бывала на петербургских вечерах в первую неделю приезда», но теперь «никуда не выходит»: «У меня очень испортился характер и бывают приступы бешенства». Этот внезапный невроз был эротическим: Сабашникова влюбляется одновременно и в Иванова, и в Л.Д. Зиновьеву-Аннибал.

10 ноября Волошин отвозит в жену в Мустамяги (Финляндия) в пансион мадам Ланг для больных малокровием.

12 ноября Иванов у Волошина читает стихи из новой книги. В среду *15 ноября* у Ивановых была первая из «четных сред», планировавшихся как интимные собрания, продолжающие «Вечера Гафиза». Были Ремизовы, Б.А. Леман, Н.Г. Чулкова, Ю.Н. Верховский и М.Л. Гофман. Вечер прошел крайне неудачно. Письмо о своем отказе участвовать прислал Н.А. Бердяев, а явившийся Городецкий, по определению Кузмина, «хулиганил» и довел Л.Д. Зиновьеву-Аннибал до слез. Помимо того, В.Ф. Нувель, побывавший в Париже, передавал циркулирующие в среде «русских парижан» (в салонах А.В. Гольштейн и Мережковских) скандальные слухи о «тайном обществе» Вячеслава Иванова, где приглашенные валяются на полу и пьют вино, «танцуют голые женщины, недавно вышедшие замуж» и т.д. Иванов, крайне раздраженный, потребовал обсуждения ситуации, но обсуждение не получилось.

19 ноября Иванов был у В.А. Пяста, где поэты (Блок, П.П. Потемкин, М.Л. Гофман, А.А. Кондратьев, Я.В. Годин) устраивали буриме. Решался вопрос об организации поэтического «Кружка молодых» в Петербургском университете. Вечером у Волошиных Ивановы встречаются с приехавшей в Петербург теософкой А.Р. Минцловой. Л.Д. Зиновьева-Аннибал испытывает приступы удушающего кашля.

В среду *22 ноября* Ивановы были в театре В.Ф. Комиссаржевской на премьере «Сестры Беатрисы» М. Метерлинка, поставленной В.Э. Мейерхольдом, а затем на Башне было устроено обсуждение постановки, очень многолюдное.

23 ноября Ивановы вместе с Волошиным, Кузминым, религиозным писателем о. Григорием Петровым и профессором Духовной академии епископом Михаилом (Семеновым) был в Университете на расширенном заседании «Кружка молодых». Войти в Организационный Комитет нового кружка Иванов отказался, предложив вместе себя А.Л. Волынского. *В этот день* у Л.Д. Зиновьевой-Аннибал начался приступ стенокардии, сделался жар и она слегла.

25 ноября у Ивановых были Е.Н. Званцева, Е.О. Волошина, М.В. Сабашникова и Кузмин. Последний нашел Иванова «каким-то пришибленным, еле-еле минутами опять виделся прежний блестящий maître».

28 ноября Иванов беседовал с А.Р. Минцловой у Волошиных. Затем Иванов, Волошин и Кузмин были в Лесном у М.Л. Гофмана, который читал реферат, Иванов ему оппонировал, а Кузмин исполнил только что написанный вокальный цикл «Куранты любви», обращенный к С.Ю. Судейкину. На этом вечере были поэты Б.А. Леман, П.П. Потемкин, В.А. Пяст, композитор Н.Я. Мясковский, А.М. и С.П. Ремизовы. Л.Д. Зиновьева-Аннибал из-за очень плохого самочувствия на это собрание не пошла.

29 ноября ее состояние резко ухудшается и *30 ноября*, констатируя тяжелое воспаление легких ее отправляют в больницу общины св. Евгении.

В *ноябре* издательство Ивановых получает, наконец, итоговое название — «Оры». В *конце ноября* Городецкий забирает свою книгу стихов «Ярь»

из «Ор» и публикует ее в только что организованном при его участии издательстве «Кружка молодых».

В *ноябре* в №№ 3 и 4 петербургской «Газеты Шебуева» за подписью «Вакх» появилась издевательская статья «Оргиасты», главным героем которой являлся «жрец Диониса» Иванов. В ноябре выходит № 1 журнала «Перевал», созданного С.А. Соколовым (Кречетовым) на средства ярославского поэта-дилетанта и мецената Вл. Линденбаума. В журнале постоянно сотрудничали Б.К. Зайцев, И.А. Бунин, П.П. Муратов, Н.И. Петровская, В.Ф. Ходасевич, музыкальный критик Мизгирь (Б.М. Попов), поэтесса Л.Н. Столица, историк искусства Б.А. Грифцов, литераторы братья А.А., Б.А. и Г.А. Койранские, поэт и журналист Е.Л. Янтарева (Бернштейн).

1 декабря Иванов, А.А. Блок и М.В. Добужинский уезжают в Москву для участия в жюри конкурса на лучшее произведение о Дьяволе, объявленного «Золотым руном».

2-5 декабря Иванов участвует вместе с Блоком, Брюсовым, А.А. Курсинским и Н.П. Рябушинским в трех заседаниях жюри, в ходе которых было рассмотрено более 100 текстов и лауреатами литературного конкурса были объявлены А.А. Кондратьев (сонет «Пусть Михаилом горд в веках Игова...»), Кузмин (рассказ «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютельмайер») и Ремизов (рассказ «Чертик»). В конце каждого заседания устраивался банкет, длившийся всю ночь. *6 декабря* Иванов возвращается в Петербург и рассказывает о московском конкурсе пришедшему на Башню «лауреату» – Кузмину. *Вечером* у Кузмина собираются Иванов, Сомов, Нувель, Городецкий, Волошин, Ремизов, М.Л. Гофман, Б.А. Леман, П.П. Потемкин и Кузмин читает «Клару Вальмон», а Ремизов – новый рассказ «Илья Пророк».

Около 7 декабря Л.Д. Зиновьеву-Аннибал в больнице св. Евгении навещала А.Р. Минцлова, которая вспоминала об этом визите: «Когда я пришла в больницу к Лидии Дмитриевне, она хотела оставить Вячеслава Ивановича и уйти. Тут не Городецкий, не отделен^ие, а Аморя (домашнее имя М.В. Сабашниковой – *Ред.*)».

9 декабря Иванов был у Волошина, где застал Кузмина, а затем поехал к Ремизову.

11 декабря к Иванову заходит Волошин и сидит у него всю ночь. Иванов предлагает ему издать в «Орах» сборник стихотворений «Ad Rosam» (до конца этот проект не был осуществлен).

12 декабря Иванов был в больнице св. Евгении, где ему сообщили об ухудшении состояния Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. Волошин вновь допоздна беседует с Ивановым и читает ему стихи М.В. Сабашниковой, которые Иванов находит грациозными и тонкими.

13 декабря А.В. Луначарский в Университете читал реферат «О реализме и мистицизме в современном искусстве», направленный, в частности, против Иванова. Иванов присутствовал на докладе и участвовал в прениях (помимо него выступили Г.И. Чулков, М.Л. Гофман, В.Э. Мейерхольд и представитель Императорского русского театрального общества Е.Н. Троповский). Ночь Иванов вновь проводит в беседе с Волошиным.

16 декабря наступает улучшение состояния Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. *В этот день* Иванов везет Волошина и его тещу, московскую издательницу М.А. Сабашникову (навещавшую в Мустамягах дочь) к Бердяевым, где «было очень много интересных разговоров о мистике и религии».

18 декабря Волошин устраивает для М.А. Сабашниковой обед на котором присутствуют Иванов, Кузмин, Городецкий, А.М. и С.П. Ремизовы, Сологуб и А.Р. Минцлова. В 23 часа все пошли к А.В. Тырковой (на Кирочную, 52) где были встречи с либералами Н.А. Гредескулом и И.В. Жилкиным и разговоры о политике. *В этот день* в издательстве «Кружка молодых» выходит книга стихов Городецкого «Ярь».

21 декабря у Иванова на Башне были Городецкий, Кузмин, С.А. Ауслендер, Ю.Н. Верховский и приехавший в Петербург из Черниговской губернии С.В. Троцкий. Последний признался Иванову в неодолимом гомосексуальном влечении к нему, однако после истории с Городецким «латентная гомосексуальность» Иванова оказалась исчерпанной. «...С трепетом раненной птицы я рассказал ему об одном случае, бывшем со мною в тот день или накануне, – вспоминал Троцкий. – Никто, пожалуй, не понял бы острой значительности моего переживания так, как В.И. Он понял, что замалчивать это нельзя, что надо вскрыть до конца эту рану и дать уже не личные силы перенести и залечить ее. И он так и сказал: «Пусть это трудно перенести вам, почти преждевременно, но я скажу, что с вами символизируется <...>, а это означает <...>». Я громко ахнул, закрыл лицо руками, как-то опал весь в кресле и стонал. В.И. опустил на колени, ласкал меня, ободрял. И с такой помощью, в тепле такого нежного и верного сердца я совладал с опасностью, может быть, навсегда...». Отношения Иванова и Троцкого останутся дружескими на долгие годы. *В этот день* в Москве проходил торжественный обед, посвященный годовщине «Золотого руна» и литераторы отправили в Москву поздравительную телеграмму. Ю.Н. Верховский провел в разговорах с Ивановым всю ночь и опоздал на московский поезд.

22 декабря из Мустамяг внезапно приезжает М.С. Сабашникова и, в отсутствии мужа, оставляет ему в ателье Кругликовой записку, поднимается на Башню и «проводит часы в напряженнейших разговорах» с Ивановым. «...Я все время прислушивалась, не постучит ли Макс. И когда, наконец, раздался стук и Вячеслав пошел открывать дверь, я побежала за ним. Действительно, это был Макс, я бросилась к нему, но Вячеслав обернулся и преградил мне дорогу. Я отступила вправо – он сделал то же самое, я отодвинулась влево, он по-прежнему стоял между нами. Мы посмеялись над этой шуткой, которая, однако, как я позже поняла, не была такой невинной».

23 декабря Волошин был с женой у врача К.Д. Кудрявцева (окультиста и сотрудника журнала «Вопросы теософии»), который признал для Сабашниковой вполне допустимым домашний режим.

24 декабря Иванов был у Волошиных, где шла беседа о загробной жизни и М.В. Сабашникова читала свои стихи. Затем Волошины, Иванов и Кузмин, забрав по пути С.А. Ауслендера, поехали на литературный вечер к Сологубу. На вечере, где Сологуб читал новый рассказ, произошло объясне-

ние Иванова с Я.В. Годиным, который (под псевдонимом «Вакх») был автором пасквильных «Оргиастов» (Годин письменно извинился перед Ивановым за свою выходку, но их отношения прекратились).

Утром 28 декабря Иванов вместе с Сологубом и Волошиным был в театре В.Ф. Комиссаржевской на второй генеральной репетиции «Балаганчика» А.А. Блока. Ночью Блок, вернувшийся из театра, набрасывает план трагедии «Дионис Гиперборейский» (неосуществленной), насыщенный «ивановскими» реминисценциями.

30 декабря состоялась премьера «Балаганчика», Блок выходил четыре раза на вызовы.

В конце декабря М.А. Волошин и М.В. Сабашникова решают в будущем году переселиться в квартиру Ивановых.

В последних числах декабря, перед отъездом Волошиных в Москву (29 декабря) Иванов надписывает М.А. Волошину сигнальный экземпляр только что вышедшего в издательстве «Оры» «Эроса» («Возлюбим друг друга да единомыслием исповемы»).

31 декабря Волошин, встречавший Новый год в Москве у родителей жены, пишет в Париж А.В. Гольштейн о своей «большой дружбе» с Ивановым: «...Я чувствую, что в нем, в самой глубине его есть много жуткого... иногда чувствуешь, что что-то его жжет изнутри, но это только привлекает меня к нему <...> У него особая сила оплодотворять мозг другого...». В этот же день из больницы выходит Л.Д. Зиновьева-Аннибал, которой предписано дома сохранять постельный режим (у нее было осложнение – закупорка вен).

1907

1907 – 1 января Л.Д. Зиновьева-Аннибал пишет М.М. Замятниной в Женеву: «“Эрос” вышел вчера в магазины. “Уроды” дней через пять».

4 января Иванов был у на литературном вечере у Бердяевых, где Ремизов читал рассказ, а Городецкий – главы из нового романа «First Flirt», написанные в духе «Крыльев» Кузмина (появившаяся в № 11 «Весов» в декабре минувшего года эта повесть вызвала огромный резонанс и массу подражаний и пародий). Иванов «ворчал» на Кузмина и Городецкого, говоря, что они зазнаются и пишут «вздор».

8 января на Башню из типографии привезли авторские экземпляры «Эроса».

До 9 января с Ивановым три раза встречалась А.Р. Минцлова и «все больше очаровывалась» им.

9 января в Москву едет Ю.Н. Верховский устраивать публикацию своего стихотворного сборника в «Скорпионе». Иванов снабжает его рекомендательным письмом к В.Я. Брюсову и передает с оказией на рецензию в «Весы» экземпляр «Эроса». В упомянутом письме к Брюсову Иванов упоминает, что «новых и хороших стихов» для январского № «Весов» у него нет, однако именно в № 1 журнала было опубликовано одно из самых известных стихо-

творений Иванова «Veneris figurae» («Узлы змеи»), ставшее символом жизнетворческого периода в творчестве поэта: «Триста тридцать три соблазна, триста тридцать три обряда, / Где страстная ранит разномногообразная улада...».

10 января после второго представления «Балаганчика» у Ивановых были актриса театра В.Ф. Комиссаржевской В.П. Веригина и Кузмин.

11 января на Башне были Кузмин, В.Ф. Нувель, М.Л. Гофман, С.А. Ауслендер, С.А. Леман и С.В. Троцкий (которого Л.Д. Зиновьева-Аннибал предложила ввести в возобновляемые «Вечера Гафиза»). Иванов надписал Кузмину «Эрос». «Диотима трогательна, просвет<левшая>, молодая, расположенная».

12 января состоялся литературный вечер у Блока, где хозяин читал лирическую драму «Незнакомка» и новый стихотворный цикл «Снежная маска». Иванов сделал автору ряд замечаний стилистического характера, однако в целом увидел в блоковских стихах «что-то дионисическое» и «Снежная маска» была тут же принята в «Оры» (опубликована в апреле). Сам Иванов читал «Узлы змеи», Сологуб – стихотворение «Разбудил меня рано твой голос, о Брама...», а Городецкий – четыре новых стихотворения. На вечере присутствовали М.Л. Гофман (который с начала года становится горячим поклонником Иванова, пишет трактат «Соборный индивидуализм» и de facto выполняет роль секретаря «Ор»), Г.И. Чулков и Л.Д. Менделеева-Блок.

До 15 января на Башне (в бывшей комнате Городецкого) поселяются приехавшие из Москвы М.А. Волошин и М.В. Сабашникова, которой Иванов надписывает «Эрос» («Маргарите Васильевне Сабашниковой-Волошиной, поэту, художнику, другу, эту “дерзновенную книжечку” подносит автор»). Вместе с сыном и невесткой у Ивановых поселяется и Е.О. Волошина.

16 января вышла из печати повесть Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три урода». *В этот день* на Башне обедал А.М. Ремизов, на которого неприятное впечатление произвел «нелюдимый» вид М.А. Волошина.

17 января Блок подписывает Иванову и Зиновьевой-Аннибал только что вышедший в издательстве «Скорпион» книгу стихов «Нечаянная радость» («Любимым, близким и нужным, открывшим мне путь нежный и радостный»).

19 января М.В. Сабашниковой исполнилось 25 лет. *В этот день* на Башне был Кузмин, виделся с хозяевами и Волошиными и отметил в дневнике впечатление от визита: «У Ивановых свары и распри. Л<идия> Дм<итрие-вна> ходит, дала мне “33 урода”. Что-то меня гнетет, какая-то пустота, вялость, все погасли, все уснули, все будто 20 лет друг на друге женаты. Обед у Ивановых будто из английских комедий, карикатурных и подчеркнутых».

20 января Блок на Башне читал свой новый стихотворный цикл «Снежная маска» в присутствии Л.Д. Менделеевой-Блок, Волошиных, Городецкого и Чулкова. Присутствующие были в восторге, а Иванов «признал его первым лириком по силе и дионисизму».

22 января Цензурный комитет запретил продажу «Тридцати трех уродов» и наложил арест на 333 (!) экземпляра повести, признанной «порногра-

фической». М.А. Волошин пишет статью «Венок из фиговых листьев», в которой пытается отвести выдвинутое против книги обвинение в «безнравственности». Статья Волошина опубликована не была, но ее положения были затем развернуты в доклад «Пути Эроса».

В среду 24 января на Башне Н.А. Бердяев читал доклад «Декадентство и мистический реализм» (позже опубликованный как статья в № 7 «Русской мысли»). В докладе утверждалась идея необходимости перейти к «теургическим» формам искусства, которые есть уже «форма религиозного действия». Бердяеву оппонировали Иванов, утверждавший несоединимость искусства с религиозным действием иначе как в мифотворчестве, и В.М. Гофман. На вечере присутствовали Волошины, Городецкий, Чулков, Блок, В.Ф. Нувель, А.М. и С.П. Ремизовы, А.К. Сюннерберг, Ан. Н. Чеботаревская, Л.С. Бакст, Л.Ю. Бердяева, художница Т.Н. Гиппиус (сестра писательницы), богослов В.В. Успенский, В.Э. Мейерхольд, актрисы Н.Н. Волохова и В.А. Щеголева, приехавший из Парижа историк искусства С.К. Маковский, писательница и журналистка А.В. Тыркова. Т.Н. Гиппиус, описывая собрание, отмечала: «Лидия Дмитриевна сидит в кресле на колесах (у нее нога болит), похудевшая, лучше стала, в красном плюше задрапирована и золотом ожерелье». Она же описала «инцидент» с С.П. Ремизовой, которая была восхищена красотой Волоховой. «Тогда Лидия Юдифовна <Бердяева> к Лидии Дмитриевны: “Лидия Дмитриевны! Новость по вашей части – у Серафимы Павловны к Волоховой лесбийская любовь!”. Серафима Павловна в ужасе, не знает куда деться – не той уйти – подумают – правда, остаться – противно. Вяч. Иванов жадно: “Серафима Павловна, я с вами хочу поговорить!” Серафима Павловна злобно: “Надоели вы со всеми вашими любовями!!”. Вяч. Иванов обиделся: “Ну и скука с вами разговаривать!”».

25 января у С.П. Ремизовой была М.В. Сабашникова и говорила о том, что не может жить вместе с Ивановыми.

28 января у Ивановых обедал Кузмин, приехавший из Москвы, Чулков и М.Л. Гофман. В дневнике Кузмин отметил: «Были довольно кислы, даже Волошин присмирел».

29 января Ивановы и Волошины были в мастерской К.А. Сомова и в Эрмитаже. Вечером к ним пришел Кузмин – предлагать для издания в «Орах» стихотворные циклы «Любовь этого лета» и «Прерванную повесть», однако Иванов, напуганный арестом «Тридцати трех уродов», отказался от этого предложения из-за гомозротических мотивов в этих стихах. Кузмин исполнил несколько собственных песен, М.В. Сабашникова танцевала.

В январе начинаются беседы Иванова с М.В. Сабашниковой о поэзии: «Он хотел ввести меня в поэтическое искусство, и из его бесед возник плановый курс, в котором принимали участие только Макс, Лидия и я» (в феврале к этому домашнему «литературному семинарию» присоединятся сестры А.К и Е.К. Герцык).

В январе по настоянию Брюсова А.А. Курсинский помещает в № 1 «Золотого руна» рецензию С.М. Соловьева оскорбительную рецензию на тре-

тий том Собрания сочинений И.А. Бунина. И.А. Бунин прекратил сотрудничество с «Золотым руном».

В начале февраля начинается любовная коллизия между Л.Д. Зиновьевой-Аннибал и М.С. Сабашниковой, точно повторяющая сюжет «Тридцати трех уродов» (написанных годом раньше).

4 февраля Л.Д. Зиновьева-Аннибал пишет М.М. Замятиной: «С Маргаритой Сабашниковой у нас у обоих особенно близкие, любовно-влюбленные отношения. Странный дух нашей башни. Стены расширяются и виден свет в небе. Хоть рост болезнен. Вячеслав переживает очень высокий духовный период. И теперь безусловно прекрасен. Жизнь наша вся идет на большой высоте и в глубоком ритме».

В этот же день в № 183 газеты «Товарищ» Л.Н. Андреев известил о своем выходе из «Золотого руна» из-за конфликта, инспирированного (с подачи Брюсова) Курсинским.

5 февраля состоялась свадьба А.А. Курсинского в Нижнем Новгороде, на которой шафером был В.Я. Брюсов.

7 февраля у Ивановых М.В. Сабашникова по заказу Н.П. Рябушинского рисует портрет Кузмина для «Золотого руна». После этого визита на Башню Кузмин записывает в дневнике: «У Лид<ии> Дм<итриевны>, кажется, роман с Маргар<итой> Вас<ильевной>, или, по крайней мере, она хочет, чтобы это думали».

8 февраля, Кузмин вновь «рисовался» на Башне. Здесь же были В.Ф. Нувель и М.Л. Гофман, однако общение было «кислым».

9 февраля Иванов поехал к А.А. Блоку, но не застал его дома. *Во второй половине дня* проходит третий сеанс позирования Кузмина на Башне, однако результат работы М.В. Сабашниковой ему не понравился. После возвращения Иванова на Башню пришли Ю.Н. Верховский и В.А. Тернавцев. Кузмин читал свою «пастораль для маскарада» «Два пастуха и нимфа в хижине», а Волошин – статью о рассказе Л.Н. Андреева «Елеазар».

10 и 11 февраля М.В. Сабашникова рисовала портрет А.М. Ремизова.

11 февраля на Башне были Кузмин и Сомов. Последний резко раскритиковал работу Сабашниковой.

12 февраля на Башне были Н.А. и Л.Ю. Бердяевы, М.Л. Гофман, режиссер Н.Н. Евреинов с женой, журналист А.К. Гольдебаев (Семенов), которого привел Кузмин. Последний вновь позировал Сабашниковой, говорил с ней о «крюковых нотах» (записи древнерусской музыки), а с Ивановым – о планах «театра мистерий».

13 февраля состоялся разговор Иванова с Волошиным о «близости», которая складывается между ним и его «ученицей» М.В. Сабашниковой. Волошин ответил, что очень этому рад. Вечером Иванов передал содержание разговора Сабашниковой. Среда *14 февраля* стала одним из самых скандальных собраний на Башне.

Это была, по выражению Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, «среда-гигант», собравшая около 70 человек (!). Она открылась рефератом М.В. Волошина «Новые пути Эроса», затем о своем понимании Эроса говорил Иванов

(«...Вся человеческая и мировая деятельность сводится к Эросу, нет больше ни этики, ни эстетики – обе сводятся к эротике, и всякое дерзновение, рожденное Эросом – свято, а постыден лишь гедонизм»). Это выступление затем трансформировалось в статью «О любви дерзающей» (опубликована во втором альманахе «Факелы»). Третьим выступал Бердяев со словом о христианском понимании любви. Это выступление контрастировало с тем «перформансом», который устроили Л.Д. Менделеева-Блок, Н.Г. Чулкова, Ан. Н. Чеботаревская, В.А. Щеголева и три актрисы, явившиеся на собрание в открытых костюмах одалисок. После прений они сидели на коврах в «сладострастной комнатке» и беседовали о любви с Блоком, Чулковым и Городецким («Городецкий устраивал в других залах какую-то собачью свадьбу», – прокомментировал эту акцию Кузмин). В комнате Л.Д. Зиновьевой-Аннибал также был воскрешен «Гафиз»: в присутствии Ремизова, Н.Н. Сапунова, Иванова и Кузмина М.В. Сабашникова танцевала под мелодии флейт («Голубоватое небо в окнах на розовой стене, – писал Кузмин, – фигура Марг<ариты> Вас<ильевны> в голубом, танцующая, камелия, стоящая посередине – все было отлично. Я назвал на среду <...> юнкера Наумова, студентов и пр.»).

15 февраля у Ивановых были Кузмин, Чулков и М.Л. Гофман. Сабашникова работала над портретом Кузмина, после чего был устроен вокальный вечер, на котором тот выступал вместе с Зиновьевой-Аннибал.

16 февраля на Башне отмечали день рождения Иванова – были Кузмин, Пяст. М.А. Волошин объявил о намерении прочитать свой вчерашний реферат об Эросе в Москве.

17 февраля М.Л. Гофман надписывает обитателям Башни только что вышедшую брошюру «Соборный индивидуализм». Кузмин позировал Сабашниковой и читал отрывки из дневника.

18 февраля на Башне был Г.И. Чулков, а после его ухода Кузмин вновь читал Ивановым и Сабашниковой (Волошин был на вечере у Ф.К. Сологуба) отрывки из своего дневника.

20 февраля в Таврическом Дворце открылась работа второго состава Государственной думы, председателем которой был избран друг юности и ученик Иванова Ф.А. Головин. На Таврической улице была манифестация.

22 февраля на Башне Сабашникова завершает портрет Кузмина. Были М.Л. Гофман, друзья Волошиных А.И. Орлова и Я.А. Глотов, который принес только что вышедшую «Историю революции 1848 г.» Д. Стерн в своем переводе. Кузмин читал отрывки из дневника. Вечером пришел В.Ф. Нувель. *В этот день* Волошин пишет В.Я. Брюсову письмо о своем намерении читать реферат об Эросе в московском Литературно-художественном кружке (где Брюсов председательствовал).

24 февраля Волошин читал на Башне окончательный текст реферата («Пути Эроса (Мысли и комментарии к Платонову “Пиру”»)») Ивановым, Сабашниковой, З.А. Венгеровой, Л.Н. Вилькиной, Н.А. Бердяеву, М.Л. Гофману, В.А. Пясту, К.А. Сюннербергу и режиссеру Б.С. Мосолову. Реферат вызвал раздражение у Сабашниковой, однако Л.Д. Зиновьева-Аннибал видит в поезд-

ке Волошина «подвиг»: «...Сколько грязи и обиды прольется на него <...> вернее, на то, что нам свято».

25 февраля Волошин уехал в Москву. Днем на Башню заходил Кузмин, которого Иванов, не успевавший сдать статью в новый альманах «Факелы», скоро спровадил.

В ночь с *25 на 26 февраля* Сабашникова заключают «тройственный союз» с Ивановыми. По рассказу Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, «она пришла с Вячеславом в мою комнату. У Маргариты было такое лицо... Иоанна д'Арк... И Вячеслав был в упоении, говорил, что она обещает ему новую любовь. И мы с таким восторгом оба целовали ее ноги. Может она изменит этому лицу, но я его не забуду. Это было одно мгновение. Но мгновение это – обет вечности. Я знаю теперь, что это возможно. Я не верила действительности, а теперь знаю, что это есть».

26 февраля Сабашникова сообщает о состоявшемся «мистическом союзе» с Ивановыми в письме к мужу в Москву, подчеркивая его духовный характер.

В среду *27 февраля* Волошин прочел свой реферат в Литературно-художественном кружке и имел скандальный успех. Особенно сразили публику сентенция докладчика «Все мы гермафродиты в духе своем» и демарш В.Ф. Ходасевича и его друзей, пришедших на заседание с одинаковыми желтыми нарциссами в петлицах, (что было интерпретировано как знак принадлежности к «оргийному обществу»).

В этот же день в Петербурге Ивановы отменили объявленную ранее «среду» на Башне и проводили время вместе с Сабашниковой, по выражению забежавшего к ним Кузмина, «скучно».

28 февраля Волошин в Москве был в редакции «Золотого руна», где привезенные им портреты Кузмина и Ремизова работы М.В. Сабашниковой были забракованы Н.П. Рябушинским. *Вечером* он обсуждал с А.Р. Минцловой «тройственный союз» Ивановых и Сабашниковой. А.Р. Минцлова открыла Волошину тайну: семнадцатилетняя Маргарита была изнасилована Н.Ф. Джунковским (братом московского генерал-губернатора, друга семьи Сабашниковых) и нуждается потому в психологической и духовной реабилитации («Я не могу видеть эти испуганные страдающие глаза. С детства испуганные при каждом окрике»). Под впечатлением от этого разговора Волошин решает «отдать» жену Ивановым не только «духовно», но и «телесно»: «Я радовался тому, что Аморя любит Вячеслава, но не будет принадлежать ему. Я знаю теперь, что она должна быть его до конца. Или уйти. Но она не уйдет. Или... или... Я знаю, что должен сделать, и эта мысль жжет меня. Иной дороги нет. Я думал ночью о том, что я должен сам убедить, послать, заставить ее уступить тому, что я для себя не смел, не посмел желать; Вячеслав не должен приходить тем путем средним, как я».

В *феврале* был снят запрет на «Тридцать три уroda» Л.Д. Зиновьевой-Аннибал и книга поступила в продажу.

Во второй половине февраля начинается ссора между Н.П. Рябушинским и А.А. Курсинским из-за литературной политики «Золотого руна», в

ходе которой Н.П. Рябушинский изъявляет желание упразднить литературный отдел «Золотого руна». Одним из поводов к ссоре было протезирование Курсинским в журнале «людей Брюсова» (в частности – латышского поэта Виктора Эглитиса). Стало ясно, что Брюсов через Курсинского проводит собственную политику в журнале (что привело к уходу из «Золотого руна» Г.И. Чулкова и Б.К. Зайцева).

Пятница 2 марта – знаменательный для Ивановых и Волошиных день. М.А. Волошин приезжает утром в Петербург и, дожидаясь когда обитатели Башни проснутся (Сабашникова спала в комнате Зиновьевой-Аннибал), окончательно приходит к выводу: «То, что я не смел, не чувствовал права потребовать для себя, я должен потребовать для Вячеслава. И тогда... Ведь я никогда не мог ради себя отказаться от Амори, я ради нее, ради предутренней девственности, ради “запотевшего зеркала озер” отказывался. И если утреннее зеркало будет разбито и если я тогда полюблю ее, <то> уже неотвратимо, как женщину...». Приехавшего Волошина первой обнаружила Зиновьева-Аннибал, затем к нему вышла Сабашникова и Волошин «говорил, как вчера он отрекался от нее и отдавал ее». Л.Д. Зиновьева-Аннибал, пораженная радикализмом Волошина больше Сабашниковой, замечает: «Нельзя вносить насилия в эту область. У Маргариты есть своя стихия – нежность. Третий род любви». Иванов «был скептичен, резок, насмешлив» и выразился резче: «Я тебя все-таки люблю. Не уважаю, но люблю. Конечно, я бы мог много пунктов для уважения найти». Затем Волошин объяснился и с Е.О. Волошиной и вечером, после всех потрясений этого дня слег в постель. В это время к нему пришла Сабашникова и изложила свою версию событий: «Я буду покорной, Макс. Он (Иванов – Ред.) мой учитель. Я пойду за ним всюду и исполню все, что он потребует. Макс, Макс, я тебя никогда так не любила, как теперь. Но я отдалась ему. Совсем отдалась. Понимаешь? Тебе больно? Мне не страшно тебе делать больно. Я гвоздь. Я его распиная, и тебя. Он, может быть, единственный человек, вполне человек. Он сразу живет во всех планах, одинаково сильно. <...> Макс, он и твой путь. Ты отречешься от меня. Тебе будет больно. Но ты свой путь найдешь». Волошин и Сабашникова долго целовали и крестили друг друга, затем Сабашникова ушла к Иванову, после вернулась и рассказала, что она ужинала с Ивановыми и говорила с ними о причастии. Затем супруги заснули и Волошину в ночном кошмаре казалось, что кошка La Vampa, бродя по Башне говорит: «Макс, пора... Макс, вставай...».

В это время потрясенная всем происходящим Зиновьева-Аннибал писала в Москву А.Р. Минцловой: «...Жизнь подрезала корни у моего Дерева Жизни в том месте, где из них вверх тянулся ствол любви Двоих. И насадила другие корни. Это впервые осуществилось <...> в январе этого года, когда Вячеслав и Маргарита полюбили друг друга большой настоящей любовью. И я полюбила Маргариту большой и настоящей любовью, потому что из большой, последней ее глубины проник в меня ее истинный свет. Более истинного и более настоящего в духе брака тройственного я не могу себе представить, потому что последний наш свет и последняя наша воля – тожде-

ственны и едины. <...> Купель ли это крещения для Вячеслава или двери погибели?».

3 марта на Башне были Кузмин, Ремизов и Бердяев, слушали московские новости. Кузмин отметил в дневнике: «Сабашникова рисует Диотиму почти голой, в ½ раза больше натуры». Волошин окончательно слег (тяжелая ангина), в промежутках между лихорадочными приступами, записывал в дневник все, произошедшее накануне.

В этот же день в Москве Н.П. Рябушинский намекнул А.А. Курсинскому о желательности оставления места секретаря редакции «Золотого руна».

4 и 5 марта Волошин лежит в бреду, ему является «астральное видение Вячеслава». В это время у Сабашниковой, проводящей все это время в исповедальных разговорах с Ивановым и Зиновьевой-Аннибал, случается истерический припадок, который Иванов прекращает оплеухами: «Он был страшно взволнован. Он упрекал меня в малодушии, в трусости, в том, что у меня нет настоящей любви, что я не могу любить до конца. Он даже бил меня. <...> Мне было сладко, когда он бил меня».

Утром 6 марта Сабашникова рассказывает пришедшему в себя Волошину об этом «сеансе экзорцизма», демонстрирует разорванную рубашку и оповещает мужа: «Макс, ведь я уже его. Ты должен это знать. Если это не случилось сегодня окончательно, то только потому, что у меня является инстинктивная самозащита от боли. Но это будет. Я была уже почти его. Макс, ты должен это знать. Ты ведь отдал меня». Волошин с рыданиями припадает к ногам жены, а затем отправляется «выяснять отношения» к Иванову. Иванова он будит, и тот, проснувшись, гарантирует Волошину, что «ничего, что не будет свято» он не сделает. В качестве аргумента он рассказывает о своем «спасительном падении» с Д.М. Ивановой уже после разрыва в 1895 г. Волошин чувствует «странную сладость проходящей боли», и они, по настоятельному требованию Зиновьевой-Аннибал идут обедать. После обеда все собрались у постели Сабашниковой, у которой после побоев Иванова вспухла вена на руке. «Я смотрю на Лидию, – записывал в дневнике Волошин, – и только теперь начинаю сознавать всю ту муку, которую она должна переносить. Я понимаю, почему она говорит, что надо быть вчетвером, и понимаю, что она хочет уйти... Так же, как я, она мучится в одиночестве и, когда видит Аморя, забывает все, как я, когда вижу Вячеслава». (Во время этих жутковатых «посиделок» Л.Д. Зиновьева-Аннибал все время твердила: «Только не надо никакого насилия, чтобы ни одно семя, взошедшее в одном из нас, не было погублено»). Вечером на Башне собираются Кузмин, Чулков, Сомов, В.Ф. Нувель, Б.А. Леман с О.Н. Анненковой, М.Л. Гофман, К.А. Сюннерберг. Кузмин читает свою повесть «Картонный домик» для готовящегося Чулковым «петербургского альманаха» «Белые ночи». Волошин во время чтения уходит к М.С. Сабашниковой и на вопрос Иванова – «Почему ты ушел от нас?», отвечает – «Мне тяжело быть на людях». «Далеким и скорбным» свидетелем происходящего остается Е.О. Волошина.

7 марта М.В. Сабашникова ушла к доктору К.Д. Кудрявцеву, а Волошин имел долгий разговор с Ивановым, а затем с Зиновьевой-Аннибал. Вечером Иванов и Сабашникова долго беседовали. Их беседа была прервана истерикой Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: «Вячеслав, я прихожу сказать тебе, что это бесчестно. Ты знаешь ведь, что Маргарите надо спать. Пожалуйста, не приходи ко мне. Я ложусь». После этого Сабашникова и Иванов пришли в комнату Волошина, где все рыдали и целовали друг другу руки. Волошин принял решение уехать в Италию.

Утром 8 марта Ивановы и Сабашниковы вновь обсуждают сложившееся невыносимое положение. Иванов говорит, что ему необходимо «испытать душу» М.В. Сабашниковой. Волошин, с криком – «Я не могу допустить испытания над человеческой душой!» – бросается на него с кулаками, а затем убегает к себе. Вместе с ним выбегает Сабашникова, с которой затем делается истерика и Волошин, замкнув дверь на ключ, пытается привести ее в чувство, обливая водой из графина. Иванов в это время ломится в дверь, опасаясь убийства или самоубийства. Волошин отворяет ему, и он, забрав ключ, уходит («Я расслышал только его слова: “С психическими больными...”», – отмечает Волошин. Свидетелями этой сцены становятся Е.О. Волошина и некстати пришедший С.В. Троцкий. Немного успокоившись, и «благословив друг друга на любовь, на все, что бы ни случилось», Волошин и Сабашникова выходят из комнаты в коридор. «Там стояли Вячеслав и Лидия. “Макс, ты хочешь подать мне руку?” – Не только подать, но поцеловать хочу тебя. Мы вдвоем ушли в мою комнату и долго говорили. Снова все, все прошло. Пришла Аморя и лежала между нами и говорила: “Дайте мне вот так отдохнуть между вас”. Теперь Аморя снова в комнате Вячеслава, а Вячеслав будет ночевать у меня».

Утром 9 марта Волошин встал бодрым и долго делал зарядку, что произвело на сторожившего его Иванова хорошее впечатление и тот ушел по своим делам, устраивать с Г.И. Чулковым второй выпуск «Факелов» и издание альманаха «Белые ночи». По издательским делам ушел и Волошин, а, вернувшись, узнал от Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, что по ее настоянию М.С. Сабашникова решила на четыре недели ехать лечиться в Висбаден, в санаторий для нервных больных. На башню приходила А.И. Орлова, которая секретничала с Е.О. Волошиной. Вечером, узнав о решении Сабашниковой ехать за границу, Иванов устроил Сабашниковой и Зиновьевой-Аннибал скандал, сравнивая себя с королем Лиром, который в гордости не захотел более повелевать и остался покинутым и с жаждущим Танталом («Я слышал, – писал Волошин. – как Лидия кричала ему: “Путь! Путь!! Да, ты путь! Чертов путь!”»). Затем Иванов и Сабашникова вновь беседовали вдвоем до глубокой ночи («Он мне говорил, что он увидел, что я действительно его не люблю, если могла в тот момент, когда только стали слагаться наши отношения, вдруг решить ехать в какую-то санаторию. <...> Он гениально говорил»), пока их беседа не была прервана воплем Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: «Бездельники... Жиробесы!! Полуночники. Это бесчестно! Слышишь, Вячеслав?». «Вячеслав быстро вошел в мою комнату и стал раздеваться. Я притворился спящим», –

констатировал Волошин в дневнике. В результате этой беседы Сабашникова отказалась от идеи поездки в Висбаден.

Утром *9 марта* Иванов повел М.В. Сабашникову к церковному причастию, а Волошин, дождавшись их возвращения, испытал приступ ревности и ушел на выставку «Нового общества художников». «Я не ожидал увидеть так много народа. Это меня изумило и оглушило. Я почувствовал, что века прошли с тех пор, как я видел людей. <...> Возвращаясь, я принял несколько важных жизненных решений. Я решил, что не должен связывать планы своей жизни с Амориными планами. Что все лето проведу в Коктебеле, а осенью отправлюсь в Париж. Она же поступит так, как ей заблагорассудится – поедет со мной или останется в России». В это время на Башню пришла А.И. Орлова, которая забрала находящуюся в состоянии психологического шока к их общей подруге, художнице Е.Н. Давиденко. В это время Л.Д. Зиновьева-Аннибал пишет М.М. Замятниной: «Жизнь моя, помимо рабочей спешки складывается в такие драмы, одной из которых в обычной атмосфере было бы достаточно, чтобы написать жалостно-трагический роман, или прожить его, или избавиться от него смертью. Но на башне организмы приспособлены к всасыванию крепчайших ядов. Башенникам все на пользу. Поболит живот быстро, зато кровь вся обновилась, и, вечные кочевники красоты, они взлетели в новые и новые дали». Ужинали Ивановы и Волошины вместе и за ужином М.А. Волошин объявил о своем решении. «Один момент разговор принял острый характер, когда коснулся Ан<ны> Рудольф<овны Минцловой>, но все обошлось благополучно». Все бессонные сутки *11 и 12 марта* идут переговоры между Ивановыми и Волошиными. Сабашникова заверила Волошина, что после его отъезда она уедет лечиться в санаторий в Царское Село, а Иванов в свою очередь гарантировал, что у него «нет слепой страсти к Маргарите» и она «может стать его» только в случае «неизбежности» («Конечно, я могу обмануться, но ты понимаешь, в каком смысле. Скорее Маргарита может меня обмануть, чем я»).

Вечером *11 марта* на Башню заходил бодрый Кузмин и остался визитом недоволен: «У Ивановых тоска и запустение, все расстраивается, все будто эмигранты во время революции. Пели я и Диотима, было очень скучно, даже Сабашникова не утешала».

12 марта Волошин и Сабашникова, в бодром состоянии духа («Новая жизнь!») пошли на выставку «Нового общества художников» и нанесли визит П.С. Соловьевой. Вечером на Башню пришла Е.О. Волошина, у которой с сыном состоялся «неприятный разговор» («Я груб и раздражителен. Она огорчена и негодует»). Вечер прошел мирно. «Всеобщий мир и благоволение, – записывает в дневнике Волошин. – “Я за каждый новый день боюсь”, – говорит Лидия. У всех такое же чувство. Все стремятся разъехаться, отдохнуть, успокоиться от этой нечеловечески напряженной атмосферы последних дней».

13 марта на Башне на Башню заходил Кузмин, которому сообщили что все ее обитатели «разлетаются»: «Сабашникова в санаторию, Волошины в Крым, Диотима в Юрьев, кухарку увозят Волошины, а в квартиру напустят

жильцов...». Затем пришли Городецкий и поэт Е.М. Тарасов и звали всех на вечер в пользу безработных.

В среду *14 марта* никаких собраний на Башне не было. В этот день Иванов после многолетнего перерыва написал в Париж письмо А.В. Гольштейн (с просьбой посодействовать Мирэ (А.М. Моисеевой), едущей в Индию).

15 марта Иванов и Зиновьева-Аннибал были у Ремизовых на ужине в честь приехавших из-за границы меценатов, друзей Бердяевых и Мережковских Е.Ю. Пети и Э. Балаховской-Пети.

В этот же день в Москве произошел публичный разрыв между А.А. Курсинским и Н.П. Рябушинским: последний демонстративно не подал секретарю редакции руки в присутствии Андрея Белого и заведующего художественным отделом В.Д. Милиоти.

16 марта Волошин отвез М.В. Сабашникову в Свято-Троицкую санаторию в Царском Селе (угол Кузминской и Колпинской улиц). Вечером *того же дня* на Башне прошел небольшой литературный вечер с участием Ивановых, С.В. Троцкого, А.К. и Е.К. Герцык и Кузмина. Зиновьева-Аннибал читала рассказ «Красный паучок» из готовящегося к выходу в «Орах» сборника «Трагический зверинец», прочел свой рассказ Троцкий. Вечер был отчасти «костюмированным» (Кузмин переоделся в турецкий костюм), в духе «Гафиза», и завершился под утро. Волошин в нем участия не принимал.

18 марта на Башне Ремизов читал свою повесть «О Страстях Господних. Тридневен во гробе», которая вызвала протест Иванова как открыто «кощунственная». Тут же произошло столкновение Иванова и М.Л. Гофмана, самовольно включившего в эту повесть в состав готовящегося в «Орах» сборника А.М. Ремизова «Лимонарь» (в результате Гофман был вскоре отстранен от секретарства в «Орах»; его место месяц спустя займет М.М. Замятнина). Это столкновение произошло в присутствии знакомого М.А. Кузмина, юнкера В.А. Наумова, который заехал за Ивановыми, чтобы везти его на заседание организационной комиссии Религиозно-философского общества (которое этой весной затевали Н.А. Бердяев, В.В. Розанов и С.Н. Булгаков).

В этот же день в № 75 московской газеты «Утро» опубликовано «Письмо в редакцию» А.А. Курсинского, извещающее о сложении им обязанностей секретаря редакции «Золотого руна». *В это же время* он пишет письмо издателю «Весов» С.А. Полякову с просьбой об организации третейского суда между ним и Н.П. Рябушинским с целью взыскать с редактора «Золотого руна» 2000 рублей неустойки за 1907 г.

В середине месяца секретарем редакции «Золотого руна» назначен критик Г.Э. Тастевен.

19 марта М.А. Волошин и Е.О. Волошина уехали из Петербурга в Москву. На вокзале их провожали Иванов и приехавшая из Царского Села М.В. Сабашникова (в тот же день она вернулась в санаторий).

20 марта на Башне собираются Кузмин, Сомов, А.А. Блок, Н.А. Бердяев и С.В. Троцкий (уезжавший в Париж). Иванов читал стихотворное послание, полученное им на днях от заболевшего Ю.Н. Верховского, и свой от-

вет – стихотворение «Выздоровление», новые стихи читал А.А. Блок. Вероятно, на этом собрании возникла идея альманаха «Ор», аналогичного альманаху «Скорпиона» «Северные цветы».

22 марта А.М. Ремизов прислал Иванову переработанный текст «Страстей Господних».

23 марта С.А. Поляков публикует в московской газете «Утро» «Письмо в редакцию», осуждающее поступок Н.П. Рябушинского в отношении А.А. Курсинского (Н.П. Рябушинский принес извинения, но дело о неустойке не было возбуждено и деньги Курсинский не получил).

В субботу *24 марта* Л.Д. Зиновьева-Аннибал сообщает в письме к В.К. Шварсалон: «Решено только что печатать на днях альманах «Ор» в складчину. Будут Бальмонт, Блок, Вяч. Иванов, Кузмин и т.д. И Вячеслав очень хочет, чтобы пошла моя сатирическая драма, которую теперь пишу в стихах и не знаю секунды отдыха». Кузмин, зашедший в этот день к Ивановым, получил предложение стать автором и пайщиком альманаха «Ор» (складывались по 25 рублей), а также узнал, что «Сабашникова, отослав мужа в Крым, переезжает в четверг навсегда в город».

В этот день Иванов пересылает в Москву А.Р. Минцловой забытые Волошиным на Башне рукописи лекций Р. Штейнера, сопроводив посылку «милой запиской».

До 29 марта Л.Д. Зиновьева-Аннибал навещала М.В. Сабашникову в Царском Селе и между ними возникает чувство исключительное близости и понимания.

28 марта на Башне был Кузмин и, после беседы с хозяевами, отметил в дневнике: «У Ивановых, кажется, затевается теперь с Сабашниковой то, что прошлый год не удалось с Городецким, но я думаю, что с Диотимой никакой терцет немислим».

29 марта М.В. Сабашникова возвращается из царскосельского санатория на Башню.

30 марта на Башне были Блок, Ремизов, Кузмин и Гофман. Кузмин читал свою «Комедию о Евдокии из Гелиополя или Обращенная куртизанка», однако, по его наблюдению, «все были как-то не в духе»: «Блок и Ремизов с перепоем, Диотима зла, Гофман противен».

В этот день в письме к М.В. Сабашниковой из Коктебеля Волошин писал: «Во мне живет инстинктивный ужас жизни под одной кровлей с Ивановыми».

В эти дни разгорался скандал в связи с публичным признанием юнкера В.А. Наумова, что общение с Кузминым и посещение «сред» Иванова пробудили в нем гомосексуальные наклонности («Диотима особенно злилась», – отметил Кузмин).

В конце марта выходит второй выпуск альманаха «Факелы», где Иванов был представлен статьей «О любви дерзующей», а также московский альманах «Корабли» со стихотворениями Иванова «Макрокосм» («Небо – вверху, небо – внизу...») и «Об-он-пол».

В *мартовском* № «Золотого руна» были опубликованы стихотворения «Из далей далеких» (посвящено Л.Ю. Рапп (Бердяевой)) и «Vates», обращенное к А.Р. Минцловой.

В *последних числах марта* в Петербург из Москвы приехал Н.П. Рябушинский: в «Золотом руне» разгорался скандал в связи с уходом из литературного отдела А.А. Курсинского и издатель журнала хотел убедиться в лояльности петербургских сотрудников – Кузмина и, вероятно, Иванова (который до сего момента относился к московским литературным интригам индифферентно).

В *марте* вышел № 3 «Весов» со статьей Б.Н. Бугаева (без псевдонима!) «На перевале. Против музыки». Эта, достаточно безобидная само по себе статья сыграла важную роль в грядущем конфликте между «Весами» и «Золотым руном».

В *первой половине апреля* Иванов, Зиновьева-Аннибал и Сабашникова работают над составлением альманаха «Цветник Ор. Кошница первая». *За время подготовки* Иванов создает свой шедевр – цикл сонетов «Золотые завесы».

5 *апреля* Иванов срочно вызвал письмом на Башню Кузмина, чтобы тот принес рукопись «Комедии о Евдокии...» для набора в «Цветник Ор». На Башне Кузмин и отправившийся с ним С.А. Ауслендер застали Чулкова, который прочитал стихи Блока и Сологуба, отданные в альманах. Иванов прочел сонеты «Золотых завес» и Кузмин отметил: «Иванов написал кучу отличнейших стихотворений». Помимо того, Кузмин отметил и то, что «Лидия Дмитриевна» была зла по обыкновению» (в *этот день* М.В. Сабашникова в письме к Волошину в Коктебель пишет: «К В<ячеславу> у меня вполне цельное и полное чувство: большая любовь, но не “любовь”»). Полученные рукописи Иванов *тогда же* отвез в типографию, прихватив с собой Кузмина, которому было по пути.

8 *апреля* состоялось подготовительное заседание Религиозно-философского общества (доклад читал В.В. Розанов), на котором Кузмин присутствовал вместе с корнетом В.А. Наумовым, произведя эпатаж. До того Кузмин и В.Ф. Нувель были на Башне и говорили о проекте «Цветника Ор». В *этот день* в издательстве «Оры» выходит книга стихов А.А. Блока «Снежная маска».

10 *апреля* Андрей Белый пишет Г.Э. Тастевену письмо о своем выходе из числа сотрудников «Золотого руна» из-за истории с отставкой А.А. Курсинского.

12 *апреля* – Г.Э. Тастевен пишет Андрею Белому письмо с просьбой воздержаться от выхода из редакции до возвращения в Москву находящегося в отъезде Н.П. Рябушинского: «Как выяснилось при нашей беседе, главным мотивом Вашего ухода из “Руна” является опасение, что теперь в журнале воцарится личное усмотрение. Между тем, присутствие мое и В.Д. Милиоти может служить твердым ручательством, что именно теперь в “Руне” открылась полная возможность свободной и систематической работы, не стесняемой никакими посторонними политическими и другими соображениями».

14 апреля на Высших Женских Курсах Иванов читает реферат «Пути и цели современного искусства» (будущая программная статья «О веселом ремесле и умном веселии»), в котором излагает свое понимание «теургического искусства». В прениях участвуют М.Л. Гофман, Е.В. Аничков и др.

В воскресенье *15 апреля* состоялся большой художественно-поэтический вечер у Ф.К. Сологуба. Реферат о музыке прочел М.Ф. Гнесин, а потом свои новые стихи читали Сологуб, Блок, Кузмин, П.П. Потемкин и поэт из «Журнала для всех» Л.И. Андрусон. Иванов прочитал 7 сонетов из «Золотых завес». На вечере присутствовали К.И. Чуковский, О. Дымов, Л.С. Бакст, С.А. Ауслендер, Мирэ, Н.А. Тэффи, поэты Н.Н. Вентцель, А.А. Кондратьев, Ю.Н. Верховский, Л.Е. Габрилович (Галич), К.А. Сюннерберг, В.И. Уманов-Каплуновский и др.

16 апреля на Башне был вернувшийся из заграничной поездки В.Э. Мейерхольд, захваченный идеями создания театра-кабаре. *Вечером* на Башне Иванов вновь читает реферат «Пути и цели современного искусства» специально для пришедшего Кузмина, затем правит с ним корректуры «Комедии о Евдокии...», попутно увещевая его из-за разгоревшегося скандала с развращением юнкера В.А. Наумова.

17 апреля на Башне был Чулков, который с глазу на глаз имел беседу с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал о развратителе-Кузмине, после чего они вдвоем распили бутылку водки.

18 апреля на Башню на 15 минут с запиской от Чулкова забежал Кузмин и увидел там «Маргариту, отмывающуюся после прощальных лобзаний»: М.В. Сабашникова готовилась отбыть в Москву объясняться с родителями ввиду изменений в жизни, которые невозможно больше скрывать. Ивановых она приглашает на лето в имение Сабашниковых Богдановшину (под Орлом).

До *19 апреля* в издательстве «Оры» выходит пьеса Г.И. Чулкова «Тайга».

19 апреля М.В. Сабашникова уезжает из Петербурга в Москву. «...На Башне провожают Сабашникову, у которой такой вид, будто ее кто-то сосал, злы и капризны», – записывает в дневнике Кузмин.

21 апреля М.В. Сабашникова в Москве встречается с А.Р. Минцловой, упрекает ее в злоупотреблении доверием («Почему Вы соединили меня с Максом?.. я шла, слепо веря Вам, против себя...») и заявляет, что «для Вячеслава готова на все, только троих и четверых не может быть».

22 апреля (Пасхальное Воскресенье) в Петербург приезжает М.М. Замятина с Костей Шварсалоном и Лидой Ивановой. Не дав детям опомниться с дороги Зиновьева-Аннибал посылает их к П.Б. Струве, Кузмину и Сомову с приглашениями на вечер. Замятиной с детьми отвели комнату Волошиных (кстати освободившуюся). Вечером Ивановы, Замятина, Кузмин и Сомов празднуют Пасху (засиделись до 4-х часов ночи). Зиновьева-Аннибал в это время завершавшая работу над драмой «Певучий осел», просит Кузмина написать к ней музыку и получает согласие.

24 апреля Иванов пишет в Москву А.Р. Минцловой: «Если я пройду через некие тесные ворота, то выведу и Лидию, и мою Маргариту, которой я поручен, как и она мне, – выведу из царства теней».

До 24 апреля Н.П. Рябушинский, вернувшись в Москву, предложил Андрею Белому заведовать литературным отделом журнала. Белый отказался и из журнала ушел, но инцидент между ним и редакцией «Золотого руна» был внешне исчерпан.

25 апреля Зиновьева-Аннибал читает на Башне свою драму «Певучий осел» Кузмину, Сомову и Сюннербергу. Пьеса внезапно поразила собравшихся очевидной стилистической новизной. «Лучше, чем ее прежние, проще, более по-шекспировски, но страшно длинно, сумбурно и чем-то непристойно», – объективно формулировал впечатления Кузмин. Иванов же признал, что это лучшее, что написала жена.

В этот день М.В. Сабашникова в очередном письме Иванову пересылает два стихотворения Волошина для «Цветника Ор», оговорив, что стихотворения ей «не нравятся». Однако Иванову они «понравились» и были включены в состав альманаха под названием «Киммерийские сумерки».

26 апреля М.В. Сабашникова пишет из Москвы Зиновьевой-Аннибал: «Мне тяжело быть третьей. <...> Когда вы вдвоем, я не влюблена, я не могу слиться с вашей жизнью...».

27 апреля Ивановы были в гостях у сенатора С.Б. Врасского, где познакомились с О.Л. Книппер-Чеховой, затем в гостях у Верховских, где были Кузмин, Чулков, Блок, композитор М.Э. Иованович и театральный журналист П.П. Конради. В этот же день в Москву из Коктебеля приезжает Волошин и останавливается у Сабашниковых. Однако отношения между супругами «отрешенные и отчужденные».

28 апреля Ивановы были в Михайловском театре на гастрольном спектакле МХТа «Горе от ума», а после спектакля – на «японском чае» у Ремизовых вместе с Кузминым, Сомовым, Бердяевым, М.Л. Гофманом, Ю.Н. Верховским.

30 апреля на Башню приходила писательница Н.Д. Санжарь с просьбой помочь ей... зачать сверхчеловека (с этой же просьбой она обратилась к А.А. Блоку). Во время обеда пришел Кузмин, который хотел взять у Ивановых том сказок «1001 ночи». Иванов отдал книгу, но, в свою очередь, потребовал «Золотого осла» Апулея, за которым с Кузминым отправили Костю Шварсалона.

В этот же день Волошин пишет Иванову из Москвы письмо с просьбой продлить сроки подготовки книги его стихов в «Орах».

В этот же день Г.И. Чулков пишет Брюсову письмо с уведомлением о выходе из числа сотрудников «Весов»: это одна из завязок того конфликта «петербуржцев» и «москвичей», который станет главной коллизией этого года в истории русского символизма.

В апрельском В № «Золотого руна» помещено редакционное сообщение о том, что критические обозрения журнала, дающие систематическую оценку литературных явлений будет вести А.А. Блок. До конца года Блок по-

местил в «Золотом руне» четыре обзорные статьи: «О реалистах» (№ 5), «О лирике» (№ 6), «О драме» (№ 7-9), «Литературные итоги 1907 г.» (№ 11-12).

В последних числах апреля Иванов получает от С.А. Венгерова заказ на вступительную статью ко второму тому академического собрания сочинений А.С. Пушкина и начинает активно собирать подготовительные материалы.

2 мая Зиновьева-Аннибал пишет М.В. Сабашниковой: «А мы здесь все по-прежнему натягиваем все тетивы, и ночи наши для сна по-прежнему сокращены не в меру. Напряжение очень большое и требует действительно стальных мускулов души и тела. Вячеслав вступил в стихию трагедии. Подхватил своего «Прометея» <...> написал четыре твоих сонета. Два психологических и два изобразительных. При этом он вел огромные корректуры как последних листов «Зверинца», так и «Цветника», долженствующего появиться в конце этой недели. И <...> притащил целый ворох пушкинианских книг».

В эти же дни она пишет М.А. Волошину: «Мы работаем здесь дьявольски. Что выйдет из будущего – не знаю. Но в настоящем в нашей жизни нас двоих бездонная глубина и полнота через края. Просты мы, в конце концов, до элементарности, и здоровы как-то по звериному, и религиозны, может быть, тоже по-звериному, и все, что не так – временное поэтической переживание. Давайте все вместе жить простую, художническую жизнь и любить просто как любится».

3 мая Иванов известил Волошина, что выход в «Орах» его уже набранной книги «Звезда-Полынь» может быть отложен на осень (в результате книга так и не вышла).

В этот же день в Москве М.В. Сабашникова объявляет матери о том, что «больше не расстанется с Ивановыми, Вячеслав ее любит, а Макс и Лидия согласны». М.А. Сабашникова «пришла в неописуемый ужас».

6 мая на Башне был Чулков. *8 мая* на Башне обедали Сомов, Ал. Н. Чеботаревская, затем (в отсутствии Иванова) был Кузмин. *12 мая* на башне были Чулков и Кузмин.

11/24 мая в Мюнхене на теософском конгрессе А.Р. Минцлова показывает стихи Иванова одной из создательниц теософии А. Безант и та находит их «прекрасными». Начинается активная работа по привлечению Иванова к теософскому движению, главным исполнителем которой становится А.Р. Минцлова.

Около 13 мая вышла книга рассказов Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Трагический зверинец».

13 мая Л.Д. Зиновьева-Аннибал была с Костей и Лидой в гостях у А.Д. Зиновьева, где представила племянников брату и его семье. В ее отсутствие к Иванову пришел Кузмин (в сопровождении юнкера В.А. Наумова) читать свою «Комедию об Алексее Человеке Божием». Вернувшись домой, Зиновьева-Аннибал надписала Кузмину авторский экземпляр «Трагического зверинца».

Около 17 мая выходит альманах «Цветник Ор. Кошница первая. Сборник лирический и драматический». В нем опубликованы стихотворения Ива-

нова «Оры, щедрые Оры, с весеннею полной кошницей...» («Кошница Ор») и цикл сонетов «Золотые завесы», а также – первое действие пьесы Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Певучий осел».

17 мая на Башне был Кузмин, который взял авторские экземпляры «Цветника Ор».

В субботу, 19 мая Ивановы планировали устроить на Башне вечер в честь выхода альманаха, однако это почему-то сорвалось.

21 мая Зиновьева-Аннибал сообщает М.А. Волошину и М.В. Сабашниковой, что на лето они решили ехать в имение тетки М.М. Замятниной Загорье в Могилевской губернии на реке Березине: «Мы просто “безумно” счастливы один в другом. Вячеслав говорит, что если бы я умерла или оставила его, он иссохнет в одну шелуху. Все идет по ритму и движется сильно и стихийно. Нет ни вчера, ни завтра. Есть “веселие” и творчество. Пока будет это во мне, буду жить, как живется. Когда опять будет могила, уйду туда, где мне есть жизнь <...> По вас не скучаю, оттого что мне с вами страшно и то-скливо. Вы очень сложны и переменчивы для меня».

22 мая Иванов был в типографии, где встретил Кузмина. Они вместе возвращались из типографии, беседовали о продолжении «Цветника Ор». Вечером Кузмин и С.А. Ауслендер посетили Башню, где Кузмин музицировал, а Ауслендер читал свой рассказ «Вечер у господина де Севираж». На башне были также Сомов (который принес эскиз обложки для книги стихов Иванова «Cor Ardens») и Чулков.

25 мая Кузмин, уезжающий на лето в Окуловку, обедает у Ивановых. Это – последняя встреча Кузмина и Зиновьевой-Аннибал. Около 28 мая Костя Шварсалон и Лида Иванова на несколько дней уезжают в Куоккалу на дачу Г.И. Чулкова.

В это время выходит сборник стихов С.М. Городецкого «Перун», который для «Ор» был заключительным изданием этого сезона.

В конце мая в Москве происходит решительное объяснение Волошина с М.В. Сабашниковой: Волошин спрашивает жену хочет ли она быть с Ивановым «открыто», и, получив утвердительный ответ, решает уехать в Крым. Приехав в Коктебель он пишет М.В. Сабашниковой: «К Вячеславу <...> нет прежней любви: дружба с осторожностью. Твоя слепая любовь к нему – большое несчастье для тебя».

В майском № журнала С.А. Соколова (Кречетова) «Перевал» опубликована подборка стихотворений Иванова: «Язвы гвоздиные», цикл из двух стихотворений «Sibilla» – «Пришелец, на башне притон я обрел...» («На башне») и «В тайник богатой тишины...» («Молчание»)

В майском № «Золотого руна» выходит статья Иванова «О веселом ремесле и умном веселии» с завуалированными выпадами против «Весов»: «Мы не верим этим друзьям культуры, как расчищенного сада и вспаханного огорода на упроченной за собственником земле. Мы возлагаем надежды на стихийно-творческую силу народной, варварской души». В этом же № 5 «Золотого руна» была опубликована статья «Вольфинга» (Э.К. Метнера) «Борис Бугаев против музыки». В то же время в майском № «Весов» появилась ста-

тя Андрея Белого «Штемпелеванная калоша», направленная против мистического анархизма (грубые выпады против Чулкова и завуалированные – против Иванова).

1 июня Иванов сообщает в письме к В.Я. Брюсову о том, что у него «почти готовы» рукописи книги стихов «Cor Ardens» и афористический цикл «Спорады», а также сборник критических статей: «По звездам».

В этот же день секретарь «Весов» М.Ф. Ликиардопуло оповестил письмом М.А. Кузмина, что «надежд на возобновление “Руна” в прежнем виде нет никаких» и предложил ему присоединиться к демаршу В.Я. Брюсова, Ю.К. Балтрушайтиса, Андрея Белого, С.М. Соловьева и З.Н. Гиппиус, готовивших коллективный выход из состава сотрудников «Золотого руна».

В этот же день правительство П.А. Столыпина предъявило 55 депутатам социал-демократической фракции Государственной думы обвинение в антиправительственном заговоре.

3 июня Вторая Государственная дума была распущена и опубликовано новое Положение о выборах в Думу, отменяющее положения Манифеста 17 октября 1905 г. Этот государственный переворот стал финалом Первой русской революции.

5 июня М.В. Сабашникова, уехавшая из Москвы в Богдановщину пишет Ивановым в Петербург: «С Максом этот месяц было ужасно. Я была дурная, была отравлена и нет оправдания. У Тебя хорошо сказано: “Разве сердце, научившееся предавать, может выбиться из одиночества?” И конечно же, я Макса предала, и теперь надолго одна, совсем одна. <...> Мои милые, нежно любимые, я страшно счастлива за вас и с вами».

15 июня Иванов беседует на Башне с М.М. Замятниной о творческих планах, говорит, что «ему надо написать «Христофор», «Прометей», «Ниобею» и потом маленькие слова – горчичные семечки» (под последними имеются в виду статьи-афоризмы, составившие цикл «Спорады»). Высказывает предчувствие, «что 20-е годы будут – расцветом».

В середине месяца в Загорье из Петербурга уезжают М.М. Замятина с Костей Шварсалом и Лидой Ивановой. После их отъезда Иванов испытывает приступ депрессии («Вячеслав вдруг сломился. Полная расслабленность, волевая и телесная»).

Около 20 июня М.В. Сабашникова пишет Волошину: «Вячеслав меня не любит».

20 июня написано стихотворение «Церера» («Нива»).

21 июня Иванов и Зиновьева-Аннибал приезжают в Загорье. Иванов пребывает в крайне нервном настроении и думает уехать отсюда «дня через два». Вечером первый раз в жизни поэт побывал в деревенской бане и был «очень доволен».

22 июня они гуляют по окрестностям и Иванов чувствует депрессию отступившей. В этот же день М.В. Сабашникова пишет из Богдановщины Волошину о том, что Ивановы зовут ее в июле в Загорье, но она решает не ехать: «Что мне делать, я обоих вас люблю...».

23 июня Иванов имел с М.М. Замятниной беседу о «переоценке ценностей» в русской литературе: «Пушкин пережит – невыносимо холоден и искусствен, нет поэтической непосредственности. В русской литературе есть только гениальные начинающие – Достоевский и Лермонтов. Тютчев – гениальная бездарность. <...> Искал, что в литературе, в поэзии вечно. Только народная песня – мифотворчество должно быть, или литература погибнет».

В этот же день Зиновьева-Аннибал пишет М.В. Сабашниковой: «И я тебя люблю так достаточно, чтобы каким-либо чудом устроилась наша жизнь втроем. Главное же – это бездонная любовь Вячеслава ко мне, которую я вполне (и еще вполне ли) могла измерит только теперь. Он часто говорит: “Если бы можно было снова жить вдвоем (как в год до Городецкого и вас). Но тут же говорит, что искренно, глубоко по тебе тоскует». Зиновьева-Аннибал признается, что скрыла письмо Сабашниковой, пришедшее в Загорье, от Иванова, чтобы не волновать мужа: «...Напиши ему другое письмо с обещанием приехать».

24 июня написано стихотворение «Ожидание» («Мгла тусклая легла по предорожью...»).

24 и 25 июня Иванов и Зиновьева-Аннибал отдельно друг от друга (а Иванов – в стихах) пишут письма М.В. Сабашниковой, приглашая ее приехать в Загорье.

25 июня Г.Э. Тастевен присылает Андрею Белому № 5 «Золотого руна» с предложением написать возражения на статью «Вольфинга» для № 6. Белый согласился и написал ответ в два дня. Однако чтение этого тома «Золотого руна» привело Белого в раздражение: «...Журнал наполнен вздором, выходки “Эмпирика” (Г.Э. Тастевена – *Ред.*) против “Весов” <...> вздор Блока о “реалистах”, “меледа” Иванова о “гы-гы-гы” русского мужичка в греческом хитоне, соборно предающегося педерастии; вижу, нет, не могу сотрудничать во враждебном лагере...».

27 июня написано стихотворение «Криница».

28 июня написано стихотворение «Покров». В июне написано стихотворение «Загорье».

В июне выходит «петербургский альманах» «Белые ночи», где были опубликованы стихотворения Иванова «Мертвая царевна» и «Сфинксы над Невой».

В июньском № «Весов» опубликованы рецензия Андрея Белого на «Цветник Ор» и статья Эллиса (Л.Л. Кобылинского) «Пантеон современной пошлости», содержащие резкие выпады против Иванова. Помимо того, Белый поместил в этом № отрицательную рецензию на отдельное издание драмы Г.И. Чулкова «Тайга» в издательстве «Оры».

В начале июля Л.Д. Зиновьева-Аннибал сообщает М.С. Сабашниковой, что ни в Богдановщину, ни в Крым они не поедут, а будут в Загорье, «если будет работаться, до октября, после чего едем в Петербург». 3 июля М.С. Сабашникова делится в письме к Волошину планом «тайной» от родителей (!) поездки в Загорье под предлогом поездки в Коктебель и предлагает мужу (!) принять участие в этой мистификации.

4 июля Волошин из Коктебеля письменно извещает М.А. Сабашникову, что с этого момента не считает себя «законным мужем» ее дочери. О разрыве отношений супружества Волошин пишет и самой М.В. Сабашниковой.

6 июля М.В. Сабашникова пишет Иванову из Москвы: «Не зови меня. Я не приеду. Ясно я поняла, что жить с вами не могу, для меня в этом ложь. Я обманывала себя и вас, говоря о троих. На самом деле, когда бывала с Тобой, забывала все, только два мира встречались, Твой и мой, и в эти минуты я предавала Лидию. Когда бывала с ней – предавала свое единое чувство, билась во лжи и мучила вас».

9 июля М.В. Сабашникова шлет вдогонку письму телеграмму в Загорье: «Приехать не могу».

10 июля М.В. Сабашникова пишет Ивановым новое, «примирительное» письмо о том, что ей необходимо «немножечко прийти в себя» и ее поездка в Загорье потому откладывается.

12 июля Иванов пишет из Загорья Г.И. Чулкову: «Сначала мне здесь хорошо работалось, а потом начались дожди, испортившие сенокос у поселян и поэта».

Около 14 июля Волошин пишет М.В. Сабашниковой письмо с крайне резкой оценкой Башни: «круг людей, специализирующихся на психологических и половых экспериментах». К письму он прилагает... письменное приглашение Ивановых в Коктебель (!).

16 июля в Париже вышел № 242 журнала «Mercure de France» со статьей Е. Семенова (С.М. Когана) «Le Mysticisme anarchique», написанной на материалах интервью с Г.И. Чулковым. Статья вызвала негодование Иванова, несогласного с трактовкой мистического анархизма как искусства, политически тенденциозного (революционного).

Во второй половине июля он посылает опровержения в «Весы» и газету «Товарищ», решительно отмежевываясь от чулковской трактовки «мистического анархизма» как «политизированного искусства» (Чулков прямо связывал свой комплекс идей с революционным подъемом в России, как бы абсолютизируя проблему бунта, перенося ее из политической в эстетическую плоскость). Иванов же заявляет, что к политической тенденциозности в художественном творчестве он не имеет никакого отношения: «Систематическая деятельность политического и социального характера не только не вытекает из сущности мистического анархизма, но противоречит ей, теоретически является для анархиста-мистика непоследовательностью...».

23 июля Иванов пишет Брюсову: «№ 6 <«Весов»> не получил. Очень прошу о высылке. Нужен он мне, между прочим, для выяснения моих отношений к «Весам». Я не знаю, до какой степени простирается их враждебность к литературным зачинам, с которыми связывается мое имя».

После 23 июля Иванов получает № 6 «Весов» со статьями Белого и Эллиса и начерно набрасывает открытое письмо в редакцию «Весов» «Divorce ou separation de corps?» («Развод или раздельное жительство супругов?» (фр.); термин французской юриспруденции): «Я, один из катилинариев, именуемых «мистическими анархистами», я «петербургский Теоретик», я,

собранный кошницу «Ор» не по вкусу и не по мысли Андрея Белого и единый из «богов» в «Пантеоне пошлости», я, товарищ поэта Г. Чулкова по «Пантеону пошлости», каковым оказались «Факелы» в разумении г. Эллиса, и мистический реалист, подобно запутанно-бедному Бердяеву, также сотоварищу по списку сотрудников < «Весов» >, желаю полемистам «Весов» радоваться и читателей, по природе своих кротких, радовать. Товарищи мои по «Весам», не удивляет ли вас мое долготерпеливое присутствие в среде вашей?». Письмо отослано не было.

26 июля Иванов вновь переживает приступ депрессии.

В конце месяца в Загорье приходит письмо от М.В. Сабашниковой, которая предлагала Иванову тайное свидание в Орле.

В течение июля идут переговоры Андрея Белого (и стоящего за ним Брюсова) с Э.Г. Тастевеном о принципах сотрудничества Белого в качестве заведующего литературным отделом «Золотого руна»: «Вырабатываем ультиматум “Руны”: 1) устранение Рябушинского, “конституция” “Руна”; права “veto” на статьи о литературе (мера против Петербурга)».

31 июля – Письмо Г.Э. Тастевена Андрею Белому с условием публикации его ответа «Вольфингу» в «Золотом руне»: «Согласны ли Вы на то, чтобы мы вновь включили Ваше имя в число сотрудников? <...> Если же Вы в этом откажете, <...> то <...> вопрос о помещении Вашей статьи отпадает». *В июле* выходит № 7 «Весов» со статьей «Антон Крайнего» (З.Н. Гиппиус) «Братская могила», направленной против творчества Л.Д. Зиновьевой-Аннибал и отрицательной рецензией Андрея Белого на альманах «Белые ночи».

2 августа – Окончательный отказ «Золотого руна» опубликовать возражения «Вольфингу» Андрея Белого: «Письмо Ваше есть полемическая статья, которая составляет прямое развитие Ваших взглядов, выраженных в помещенных в “Весы” статьях, с которыми тесно связано. Ввиду того, что статья, против которой возражал Метнер, появилась не у нас, а в “Весы”, гораздо естественнее, чтобы Ваша статья появилась именно в этом органе, согласно Вашему первоначальному намерению».

В июле в Загорье приезжает из Женевы завершившая школьный курс В.К. Шварсалон.

3 августа Л.Д. Зиновьева-Аннибал сообщила в письме к М.В. Сабашниковой, что Иванов не видит смысла в тайном свидании, ибо необходим «опыт жизни, как ей единственно дано складываться в союзе тройственном. <...> Невозможно Вячеславу ездить на тайное свидание, которое впервые поставило бы его в ложное положение относительно твоих родителей и вообще противоречит его чувствованию».

5 августа – В № 56 газеты «Столичное утро» было опубликовано «Письмо в редакцию» Андрея Белого с обвинением Н.П. Рябушинского и Г.Э. Тастевена в некорректном поведении. *В этот день* окончательно составлена группа демонстрантов, выходящих из «Золотого руна» – Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, В.Я. Брюсов, М.А. Кузмин, Ю.К. Балтрушайтис, М.Ф. Ликиардопуло, С.М. Соловьев.

В этот же день Андрей Белый посылает Блоку оскорбительное письмо, в котором высказывает подозрение в этической несостоятельности его сотрудничества с «Золотым руном» («продался»).

8 августа Блок из Шахматово посылает вызов Андрею Белому на дуэль (секундантом он назначил Е.П. Иванова, который вскоре добился письменного извинения от Белого и дуэль не состоялась).

8 августа Сабашникова уезжает из Богдановщины в Коктебель, решив заехать к Ивановым тайно от родителей. В этот день Л.Д. Зиновьева-Аннибал пишет Волошину: «Не знаю, надолго ли едет Маргарита, и что несет нам ее приезд. Но до сих пор мы жили так дивно и так глубоко наслаждались строгою тишиной, совершенно вдвоем в большом недостроенном доме в зеленой шире лесов и полей. Все стало стройным и строгим. Вячеслав стал новым человеком. Вся смута наносная двух лет Петербурга сошла. Осталось только вечное. Ты его таким не знаешь. И наша с ним любовь оказалась глубже, непобедимее, чем мы это знали, и полюсом жизней наших <...> За Маргариту будь спокоен. Вячеслав проникнут одной лишь волей: дать ей душевное здоровье, силы и мир и не отступится от своего слова – не покидать ее, если она не захочет его помощи. Поскольку я могу за себя утверждать, в этом “романе” Вячеслав ни одного шага не делал раньше ее шага, начиная с ее поселения у нас по своей воле и ее просьбы быть его любящей ученицей. Нужно ли ей это, я не знаю и перед тобою судить не берусь. Что это не нужно мне, я знаю, и что это мою жизнь омрачает и тревожит больною психологией, и мешает труду, и убеждена перед тобой теперь, после опыта этой разлуки, что не нужно Вячеславу. <...> Пишу тебе с тою откровенностью, какая установилась между нами».

Ночью 9 августа М.В. Сабашникова по пути из Москвы в Крым заезжает в Загорье. На вокзале в Любавичах ее встретила В.К. Шварсалон. Иванов, встретив ее «на вершине лестницы», провел в отведенную для нее комнату и сказал: «Нам нужно решить, необходимы мы друг другу, или нет». По воспоминаниям М.В. Сабашниковой, они «говорили очень долго. Потом Лидия позвала его, и по голосу можно было судить, что она плачет. Она говорила: “Я больше не могу так жить”... Он успокаивал ее». Это была последняя встреча М.С. Сабашниковой с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал.

12 августа в 5 часов утра М.В. Сабашникова уехала из Загорья и 14 августа приехала в Коктебель к М.А. Волошину. После этого визита Ивановы не отвечали на ее письма из Крыма.

9 августа в № 60 московской газеты «Столичное утро» был опубликован ответ Н.П. Рябушинского Андрею Белому, задевающий его отношения с «Вольфингом» (Э.К. Метнером).

11 августа в № 62 газеты «Столичное утро» был опубликован ответ Андрея Белого Н.П. Рябушинскому, написанный в крайне оскорбительной форме. В этот же день В.Ф. Нувель пишет Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: «В Москве встречался с Брюсовым и Белым. <...> Статья Вячеслава Ивановича в “Руне” вызвала почему-то страшный гнев Эллиса. <...> О “мистическом анархизме” иначе, как с пеной у рта, не говорят. В общем, впечатление

такое, что Петербург с Москвою никогда не уживутся. Das ist der alte Streit...».

В середине августа в Загорье из Дерпта (Юрьева) приехал на летних каникулах С.К. Шварсалон, который гостил здесь до конца месяца.

17 августа в № 66 газеты «Столичное утро» был опубликован ответ Н.П. Рябушинского Андрею Белому, в котором содержался упрек по поводу недопустимого стиля ведения полемики. *18 августа* Н.П. Рябушинского пишет М.А. Кузмину: «...Вы участник бойкота, слепо повинующийся “Весам” <...> Бойкот фанатистический (так! – *Ред.*), отрешительный без всяких поводов и доводов, без целей и искренности».

20 августа – Письмо Н.П. Рябушинского Г.И. Чулкову: «Часть московских сотрудников “Весов” с Брюсовым выходит из “Золотого руна”, вследствие несогласия с новым направлением журнала, выразившемся в № 5. <...> Может ли редакция рассчитывать на Ваше активное сотрудничество в создании идейной физиономии журнала».

Через несколько дней согласие Г.И. Чулкова было получено. С этого момента «Золотое руно» становится органом «петербургских символистов».

21 августа – Публикация в московской газете «Столичное утро» письма о выходе из состава сотрудников «Золотого руна» Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус и В.Я. Брюсова.

22 августа – Публикация в московской газете «Столичное утро» письма о выходе из состава сотрудников «Золотого руна» Ю.К. Балтрушайтиса, М.Ф. Ликиардопуло и М.А. Кузмина. *В этот же день* М.В. Сабашникова пишет из Судака (Крым) Ивановым в Загорье: «Не могу не звать вас сюда. <...> Это родная красота».

23 августа Л.Д. Зиновьева-Аннибал сообщает в письме к Н.П. Аннековой-Бернар о планах (неосуществленных) ехать в Крым «Днепром и Черным морем», чтобы в Судак решить с Е.К. и А.К. Герцыками вопрос об издании совместного журнала. Сообщает о недомоганиях мужа (неврастения, зубная боль).

26 августа М.В. Сабашникова вновь пишет огромное исповедальное письмо Иванову.

До 29 августа М.В. Сабашникова пишет из Судака Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: «Лидия, после твоего молчания и после этого краткого свидания, когда я тебя почти не видела, ты все уходила, у меня нет духа говорить с тобой, и я только мечтаю иногда страстно о тех днях, когда мы были с тобой вдвоем на набережной или в Царском. Может ли так быть опять?»

В последних числах августа из Загорья в Петербург уезжает М.М. Замятнина с Костей Шварсалоном и Лидой Ивановой (первый начинал занятия в школе Я. Гуревича, вторая – в женской гимназии).

30 августа Г.Э. Тастевена извещает Г.И. Чулкова о том, что «сейчас предложено Вячеславу Иванову вести самостоятельный философский и критический отдел в “Руне” с правом приглашать сотрудников; такие же полномочия <...> имеет А. Блок, и, таким образом состав редакции становится все более определенным».

В августовском № 8 «Весов» помещено «Письмо в редакцию» А.А. Блока, в котором он заявляет о своей непричастности к мистическому анархизму и о несостоятельности статьи Е. Семенова «Le Mysticisme anarchique».

31 августа Л.Д. Зиновьева-Аннибал пишет из Загорья в Петербург М.М. Замятниной: «Вчера письмо от М.В. в 8 страниц. Полное подговариваний к чувственной связи, намеков на мою “узость” и недостаточность духовную Вячеславу, просьб вести “шепотом”, т.е. тайно от меня корреспонденцию. Вячеслав рассердился. Говорит, что она глупа и совершает поход на свою погибель. Она пишет, что “мучает” Макса, потому, что он “огрубел и стал резвым, растительным”, а он ей “поручен” и она его “путь к жизни” и должна его “вочеловечить мучениями”. Вот кукочка!». Вечером у Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал состоялся разговор о смерти: «...О возможности отделений существа для астральных свиданий <...> О моем умирании и ясном разделении тела, души и духовной монады. Душа не знала, будет ли жить, и смиренно ждала. Тело знало, что умрет. А монада знала, что она бессмертна, но о ней не знали ни тело, ни психея, и потому эта двойственность и жизни, и могилы для всякого сознания. Мы бесконечно близки с Вячеславом...».

1 сентября М.В. Сабашникова пишет из Судака новое «безответное» письмо Ивановым в Загорье.

3 сентября – В № 16 газеты «Свободные мысли» появляется анонимное сообщение: «А. Блока пригласили редактировать “Золотое руно”; от приглашения Блок отказался в пользу Вяч. Иванова. Этим последним предложение принято под условием полной автономии журнала от Н. Рябушинского, т.е. лишения его всех прав на просмотр рукописей и на какие бы то ни было непосредственные отношения к сотрудникам».

Около 5 сентября М.В. Сабашникова пишет Иванову из Судака о том, что у Волошина «мертвое сердце» и ей с ним «тяжело», тревожится отсутствием ответов на ее письма и зовет Ивановых в Крым.

5 сентября А.А. Блок сообщает Иванову, что обещал Н.П. Рябушинскому просить Иванова стать неофициальным редактором «Золотого руна» и «взять весь журнал внутренно в свои руки».

10 сентября М.В. Сабашникова, что Волошин «раздумал» издавать свою книгу стихов «Звезда-Полынь» в «Орах» и намерен вернуть деньги, потраченные на набор.

12 сентября Волошин записывает в дневнике: «Все мое к Вячеславу кончено...».

14 сентября Иванов, утомленный письмами Сабашниковой, пишет ей из Загорья: «Я никуда тебя не зову, и ничего от тебя не хочу».

15 сентября Иванов пишет С.А. Венгерову, что поездки в Крым, необходимой для ознакомления с пушкинскими местами (!) не состоится, и статью о «Цыганах» он вышлет в Петербург через неделю, ибо будет обходиться «портативной библиотекой».

В первой половине сентября Г.И. Чулков, которому тогда же была выдана Н.П. Рябушинским «особая сумма на покрытие расходов, сопряженных с хлопотами в пользу “Руна”», на несколько дней ездил в Загорье для переговоров с Ивановым о перестройке редакции «Золотого руна».

17 сентября Ивановы ездили к лесникам в Княжий лес.

18 сентября Иванов занимался латынью с В.К. Шварсалон: они вместе переводили Горация. К этому времени он «отложил немного “Цыган” и кончает “Ты еси” и “Спорады”».

19 сентября Ивановы ездили в Любичи, где Иванов беседовал с местным раввином. *20 сентября* вновь ездили в Любичи.

22 сентября М.В. Сабашникова пишет Иванову из Крыма в Загорье: «Целую тебя, навсегда любимый. Не жду больше...». *В этот день* Иванов завершает и отправляет в Москву статью «Ты еси» и написанную в Загорье поэму «Сон Мелампа» (последняя, посвященная М.А. Волошину была опубликована в *октябрьском* № «Золотого руна»).

23 сентября вышел № 379 газеты «Товарищ» с опровержением Иванова, отмежевавшегося от статьи Е. Семенова «Le Mysticisme anarchique». *В этот день* Иванов и Зиновьева-Аннибал катались верхом «на Копчике и на кобыле». Они планируют поездку в Москву 27 или 28 сентября.

24 сентября Иванов получает извещение от М.И. Ростовцева, что уже набранный текст его латинской диссертации будет рассыпан до 4 октября в случае неполучения от автора выправленной корректуры. Иванов решает остаться в Загорье и работать здесь над корректурой диссертации и «Цыганами» до середины октября. Это – роковое решение.

25 сентября Ивановы ездили в Любавичи вечером на паре лошадей за овсом.

В сентябре выходит № 9 «Весов» со статьей Брюсова «Торжество победителей», в которой впервые был провозглашен факт деления символистов на «старших» («Весы» – Москва – Брюсов – культура – эстетика) и «младших» («Золотое руно» – Петербург – Иванов – стихия – мистика). *К этому времени* стало понятно, что «третий в схватке» – журнал «Перевал» С.А. Соколова (Кречетова) доживает свои последние дни (в *октябре* появился последний, двенадцатый №, завершающий это издание).

В сентябре написаны стихотворения Иванова «Неведомое» и «Улов».

В конце сентября выходит строенный № (7-9) «Золотого руна» со статьей Иванова «Ты еси», снабженной специальным примечанием, помеченным *21 сентября* о том, что отношение ее автора к журналу «остается отношением простого авторского сотрудничества» (ответ на сообщение в «Свободных мыслях»). Однако *с этого момента* Иванов становится главным теоретиком сотрудничающих с «Золотым руном» символистов-«петербуржцев» (Блока, Городецкого, Чулкова, Ремизова и др.) и программа журнала стала развиваться в русле философско-эстетических идей Иванова.

В начале октября в соседней с Загорьем деревне началась эпидемия скарлатины и Л.Д. Зиновьева-Аннибал стала помогать матерям лечить детей.

До 4 октября Иванов «титаническим усилием» выправил и отослал М.И. Ростовцеву корректуру текста латинской диссертации, «кроме последнего листа, где сильные переделки» и начал писать набело статью о «Цыганах».

4 октября Л.Д. Зиновьева-Аннибал в письме к М.М. Замятниной из Загорья в Петербург сообщает, что «с Маргаритой совсем пока разошлись. <...> Он (Иванов – *Ред.*) говорит, что видит, что она не любит и что она не та, которую он желал в ней видеть. Она в диапазоне обычной ревнивой, банально любимой женщины и до полной холодности сердечной. А он горел совсем иным идеалом. Ко всякому же узко личному наслаждению он совершенно умер и нисколько к ней страсти не испытывает».

11 и 12 октября М.В. Сабашникова пишет Иванову из Крыма в Загорье два огромных письма, завершающих всю эту любовную историю: «Вячеслав, знал ли ты к какому ужасу ты привел меня? И тогда знал ли, к какому ужасу вел? Ты сообщал мне, что ты светел и гармоничен. И мне страшно за тебя. Потому за тебя и страшно, что вся боль чужая, которую ты брал и берешь на себя, на тебе и вокруг тебя. <...> Я чувствовала, что всякая боль (а если бы ты знал моих родителей, то для тебя, как для меня, не было бы сомнения, что моя связь с тобой была бы для них ударом смертельным), всякое зло, хотя бы косвенно через тебя нанесенное, обернется на тебя. На тебе уже слишком много и довольно слепых и темных жертв. <...> В твоей жизни ничто не было неизбежно. Тебе никто не нужен. Ты был бы сильнее один. <...> Я даже не страдания твоего боюсь, хотя бы все отдала, чтобы предотвратить, но есть в жизни нечто страшнее для тебя земной боли, твое счастье страшнее».

До 10 октября, накануне заболевания Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, написано стихотворение «Exit Cor Ardens».

9 октября Л.Д. Зиновьева-Аннибал с утра ушла в Любавичи, чтобы купить булок. В полдень она вернулась, прочла полученное письмо от С.А. Соколова, которое ее рассердило.

В среду 10 октября Л.Д. Зиновьева-Аннибал ходила в дом к местной мельничихе. Вечером она работала с Ивановым над текстом «Певучего осла».

В ночь с 10 на 11 октября Л.Д. Зиновьева-Аннибал заболевает скарлатиной: всю ночь ее тошнило, а утром В.К. Шварсалон находит мать лежащей на полу в ванной.

В субботу 13 октября в Загорье приехала Н.Г. Чулкова.

17 октября – В Загорье скончалась Л.Д. Зиновьева-Аннибал.

19 октября А.Д. Зиновьев высылает телеграмму могилевскому губернатору с просьбой содействовать перевозу тела в Петербург (в обход правил для обращения с телами умерших от заразных болезней).

20 октября Иванов посылает телеграмму Волошиным и А.Р. Минцловой в Крым: «Обручился с Лидией ее смертью». В этот день в Петербурге А.Д. Зиновьев покупает место на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

В четверг, *25 октября* в 10 часов вагон с телом Л.Д. Зиновьевой-Аннибал прибыл на Николаевский вокзал в Петербурге. Похороны Л.Д. Зиновьевой-Аннибал на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.